
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкортостан)

ДУМЫ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

Старый Макар завозился на кровати. Открыл глаза. Тяжело вздохнул. Опять не спится. В избе темно. Он покосился на окошко. Там, за ним, чуть светлела полоска. Опять завздыхал. Сны какие-то мимолетные. И почему-то бабка Марья в них: молодая, красивая и стоит, смотрит, ни слова не скажет. С укором смотрит. А почему? Сколько спрашивал, она молчит, а потом повернется и уходит. Видать, зажился на этом свете. Давно уже пора за порог, а все колготится. Видно, много грехов накопилось за долгую жизнь, поэтому Боженька не забирает. Здесь оставил, чтобы помучился...

— Эх, ты бы сказал, в чем я провинился,— посмотрев на потолок, забормотал дед Макар.— Все уж давно там, а я небо копчу. Пора бы с моими встретиться, а ты не пускаешь.

— Спи, а то я скажу, в чем твоя вина и быстро отправлю в дорогу дальнюю,— донеслось из другой комнаты.— Сам не спит, и нам не дает.

Дед Макар присел на кровати. Опустил худые ноги. От пола потянуло холодом. Вздохнул. Пожалел сына, когда он приехал весь побитый, виноватый. Полжизни прожил, промотался, а не увидел ее — эту жизнь, и ребятишек не родил, и дом не поставил. Перекати-поле в жизни. Пожалел на свою голову. Принял сына. Первые дни все делал, что попросишь, ни в чем не отказывал. Чутьочку оживел, в город смотался и оттуда бабу за собой приволок. И снохой не назовешь, так — приживалка. Такая же, как сам. Отъелись, отоспались, а теперь никакого житья от них не стало. Впору, хоть выгоняй. Да разве выставишь за дверь — все же сын, родная кровинушка. Вот и приходится терпеть...

Дед Макар сидел на кровати. Ноги озябли, а печка теплая. Он потрогал кирпичи. Теплые. А из щелей в полу сквозит. Крысы источили и полы старые. Потянулся, схватился за край ватного одеяла, укрыл ноги. Сколько говорил сыну, чтобы полы перебрал, а он отмахивается. Видите ли, некогда ему. А что некогда, если толком-то не работает. Ни в одной бригаде не задерживается. Отовсюду выгоняют. В глаза выговаривают, что лодырь. Может, оно и так — лодырь. С малых лет работы чурался,

все бегал от нее, как черт от ладана. Всю жизньнюшку пробегал, всю страну исколесил вдоль и поперек, себя искал или от работы бегал — непонятно, а потом прикатил, ни копы за душой, ни порток запасных. Да еще бабу с собой приволок. Поспать, пожрать и выпить не дура, а работать — Боже упаси! Здоровье слабое, а у самой рожа блестит, как начищенный самовар, и поперек себя шире. Эх, жизнь-жизня...

Дед Макар взглянул на темное окно. Запотело. Видать, под утро похолодало. Что поделаешь, весна — она капризная, как своенравная девка. Днем жаром пышет, а ночью в ледышку превращаешься. Старый Макар поелозил по кровати. Хорошая кровать, добротная. Отец на свадьбу подарил. Так и не признался, где ее достал. Кованая, вся узорчатая и в завитушках. Красивая, а какая крепкая — страсть! Всю жизньнюшку простояла и ничего с ней не случилось. Сначала бабка спала, а потом, когда ее не стало, сынок глаз положил, хотел вместе со своей зазнобой спать, а дед Макар не разрешил. Негоже, чтобы на ней спала чужая баба, хоть она и сыновья. Вот не будет его, снесут на мазарки, тогда хоть забирайте, хоть продавайте или выкидывайте — ваше право, а сейчас, пока живой, дед Макар решил сам на ней спать.

Всякие мысли в бошку лезут. Старый Макар прислушался. Казалось, в доме тишина, а в то же время, размеренно тикают ходики, а вот шумнуло, наверное, дом проседает — старый, что уж говорить, а может, на улице шум раздался. Кто его разберет в глухой ночи. Темные ночи, тягучие, как само время. А разве время тягучее? Наверное, для каждого человека по-своему тянется. А здесь не успеешь оглянуться, глаза открыть, смотришь, уже день на дворе, а там и ночь наступила и опять думки и думки одолевают. Чего только не передумаешь темными ночами. Это молодые поспать любят, а старики уже вполглаза дремлют. Не успеешь глаза закрыть, а кажется, будто выпался. И начинают мысли в башке крутиться. И чем больше думаешь, тем больше их становится — мыслей-то, как ком снежный нарастают. И от них на душе тяжелее становится, словно каждая думка грузом на душу ложится. И не сдвинешь их никак, они к земле давят. Видать, время подходит.

Дед Макар взглянул в темное окно. Там за окном огород. Уж давно пора картоху посадить да всякую мелочевку, а у них еще невспаханная земля. Соседям стыдно в глаза смотреть. По улице идешь, на огородах бабьи платки виднеются, да мужики землю копают, грядки делают, а у них все позаросло сорняками. Зеленым ковром стелется березка. Все завололо, все заплела. Потом замучаешься косы выдирать. Сыну говорил, а он все рукой машет, все морщится, а его баба, вообще, фыркнет, в избу зайдет и быстрее на диван валится. Устала, бедненькая. Устала за столом ложкой махать, как веслом на речке.

А начнешь сына стыдить, он набычится, исподлобья посмотрит и начинает сваливать на другого брата, на Петруху. Он, сволота этакий, совсем про деревню забыл. Забыл, что здесь отец живет и брат старший. Мог бы приехать да помочь. А как приедет, ежли за сотни верст от родного дома обитает. Ездил, когда поближе жил, а сейчас перебрался за тридевять земель, не то, что приехать, порой дозвониться не может. А старший, Валерка, пользуется этим. Каждый раз носом тычет, всякий раз на братишку сваливает, а сам лентяйничает. Хоть бы башкой подумал, что зимой жрать станут. Вот и получается, что не на кого надеяться. Мужик в доме, а помощи никакой.

— Эх, сынок, сынок,— почесывая заросшую щеку, пробормотал дед Макар.— Думали с бабкой, что на старости лет подмогой станешь, а ты...

И махнул рукой.

И опять думки за думками... Когда бабка Марья была жива, младшенький сынок, хоть редко, но все же приезжал. Бывало, прикатит с женой и ребятишками, а бабка-то нарадоваться не может. И баба у него хорошая. Заботливая — страсть! И за ребятишками ухаживает, и за Петькой, как за дитем, смотрит. Чуть ли не с ложечки кормила. И уважение было к родителям. А как же! Все помочь норовила, как возле печи, так и на огороде. И не гляди, что городская. Все умела делать, никакой работой не гнуша-

лась, а что не понимала, так спрашивала. За все бралась. Все в руках горело. А вот у старшего, у Валерки, бабы не держались. Все какие-то шалопутные попадались. Одна гуляла, другая в рюмочку заглядывала, а третья — лентяйка, как сам. Наверное, каждый человек по себе вторую половинку ищет или судьба так распределяет. Хорошему человеку — хорошую бабу, ну, а плохому — что останется...

А бабка Марья спала и видела, что младшенький с женой приехал. Все ждала его. Телеграмму принесут, что они едут. Вот уж радости у бабки! И наварит, и напечет, а потом все в окошко поглядывает, все ко двору выходит и на дорогу смотрит. Ждет. А появятся, не знает, куда посадить сыночка с женой. За стол усядутся, она полный стол приготовит, сама примостится на краешек табуретки, подопрет ладошкой щеку и глядит на них, насмотреться не может, и слушает, а сама сидит, улыбается... А вечером, когда все улягутся, она с Петькиной женой, Катюшкой, усядутся на кухоньке, дуют чай из самовара с карамельками да сушками, а сами шепчутся, не могут наговориться, все друг дружке секреты рассказывали. Одна душу изливает, а вторая слушает, советует, словно мамка родная...

Дед Макар завздыхал, вспоминая свою бабку. Что ни говори, а хорошая баба ему досталась. Всякое в жизни случалось. Иногда казалось, бабка слишком перегибала палку, особенно, если лишку выпивал и начинал куражиться. Пьяному ничего не говорила. Стащит одежду, толкнет на кровать и спи, давай. А вот утром зудела. Нет, не кричала, как другие бабы, а спокойно говорила, но так, что готов был из дому сбежать — совестно становилось... Нет, даже не то, что стыдно, а вот здесь начинало свербеть, в груди болеть и так сильно, так мучительно, что он только кряхтел... Дед Макар кашлянул, потирая грудь. Правда, снесли на мазарки старуху, и словно кусок по живому отрезали.

— Батя, что тебе неймется? — недовольно заворчал старший сын, когда дед Макар сунулся на кухоньку, чтобы воды попить и случайно звякнул кружкой. — Шляется, шляется всю ночь по дому, как ненормальный. Ни себе, ни людям покоя нет. По-спать не даешь.

И зевнул: громко, протяжно, потягиваясь. А чуть погода, снова захрапел.

Дед Макар опять взглянул в окошко. Так, едва заметный рассвет. Еще темно, но внутри этой темноты стали просматриваться едва заметные дома, кусты над дорогой, а там сарай чернеет. Эх, глазами бы все переделал, а руки и ноги чужими стали. Давеча вышел во двор, хотел навоз вывезти, взялся за вилы, разок-другой подцепил, охнул и ноги подкосились. Едва с земли поднялся. Так стрельнуло в спину и куда-то еще, аж дух занялся и в глазах потемнело. Сына покликнул, чтобы помог до избы добраться. Валерка вышел, глаза дерет. Видать, опять к подушке прислонился. Стал ему говорить, что произошло, а сын матюгнулся, махнул рукой, опять обозвал полоумным и хлопнул дверью. Видать, снова спать отправился. Так и пришлось самому чуть ли не на карачках до крыльца добираться. Эх, жизнь-жизня...

Руки болят. Боль, как казалось, по рукам стекала в опухшие шишкастые пальцы и в самых кончиках собиралась, аж зудело в них, видать, выход искала. Дед Макар присел на табуретку возле окна. Рядом с окошком тумбочка, а на ней лежали очки и пожелтевшая газета. Сколько уж времени лежит, а читаешь, как новую. А в тумбочке стопка писем — это бабка собирала. Бывало, вытащит письма и начинает перечитывать. Медленно читала, по слогам. Остановится, взглянет поверх очков на деда Макара, слушает ли, и опять читает. Видать, тоску унимала... Сколько лет прошло, уж давно младший сынок перестал письма слать, а у деда Макара рука не поднималась выбросить их. Жалко, все же память о сыне, а возьмешь в руки, сразу свою бабку Марью вспоминаешь, как сидела, перебирала, читала... Здесь, в тумбочке, все их с бабкой богатство. Несколько значков, грамоты за хорошую работу, фотографии сыновей, внука и внучки, три снимка с бабкой — это фотограф снимал для районной газеты. Там она строгая, брови к переносице и смотрит сурово, словно сказать хочет,

а не задержался ли ты, Макарушка, на белом свете, а не пора ли ко мне перебираться, я жду тебя, дожидаясь, а ты до сей поры небо коптишь...

Всякие мысли в бошку лезут. Жизнь-то долгая была. Всего насмотрелись в ней — в этой жизни: и хорошего, и плохого, и веселого, и слезливого... А теперь все эти мысли наружу вылезают. Вроде спать улягешься, глаза закрыл и, кажется, что все — уснул, ан нет, словно шилом ткнули — это какая-нибудь думка появилась. Глаза откроешь и начинаешь ее со всех сторон рассматривать, да в башке мысли шевелить. Вроде бы думка ушла, опять глаза закрыл, и не успеешь понять, спал или нет, как снова шилом ткнули. И опять лежишь, тарачишься в ночную тьму, а сам перебираешь мысли, раскладываешь по полкам. И так до утра...

Вон, Валерка храпит, аж стены трясутся. И баба его, Анька, от него не отстают. Спят-посыпохивают, и никаких забот. Странно живут — одним днем. Не думают, что с ними завтра будет. День прошел, ну и... Дед Макар нахмурился. Может, сейчас дети такие — безголовые? А как же Петька... Он же ухватистый — страсть! Все на лету схватывает. И жинка его — такая же. А Валерка не думает. И баба его — лодырь. Вот тебе и родные братья, а такие разные.

Дед Макар прислушался. Заскрипела кровать. Валерка закричал. Поднялся. Зашлепал по скрипучим половицам. На двор сходил. Вернулся. Громыкнул крышкой на ведре. Звякнула кружка. Звучно попил воды. Опять закричал. Вернулся в комнату. Завалился на кровать. Недовольно забубнила его баба. А потом притихла. А вскоре и Валерка захрапел: густо, протяжно, переливчато.

Вот жизнь прожил, а наступает ночь, и начинают в башке всякие мысли крутиться. Никакого покоя от них. Все Валерку уговаривал, чтобы на кладбище сходить, ни разочка не был, как в деревню вернулся, а он, как обычно, отмахивался. Успеет проведать, уже никто не спортится, как он говорил. И дед Макар не удержался. Пока они дрыхли, собрался, взял батожок и направился за деревню. Там, среди березок, кладбище было. Сколько лет ему — не помнил. Казалось, всегда тут стояло. Зашел. Заблудился среди могил. В одну сторону ткнулся, в другую, все не туда попал. Потом стал по тропкам ходить, на кресты и памятники смотреть. Памятники стоят, а на фотографии уже не разберешь, кто находится. Повыцветали они под солнцем да морозом, ветрами выдуло и дождями намочило и осталась от человека лишь пустая рамочка. Ладно, если надписи сохранились, а ежели исчезли, тогда почитай, кто и человек исчез, и имя его позабудется. Сравняются могилки с землей и все, и никто уже не вспомнит, что здесь лежал человек, что жил на свете. Как бабка Марья говорила: «Ибо прах ты, и в прах возвратишься...»

Ходил дед Макар по кладбищу. Многих знакомых повстречал. Многие уж давно здесь лежат, вон какие могилки запущенные, а здесь недавние, даже фотокарточки красивые — это Танька Малуева, а там Иван Тихонин, гляди ж ты, уже многих снесли на мазарки, а он все живет, все небо коптит, а когда его Боженька заберет к себе — не может сказать. Наверное, много грехов накопилось за долгую жизнь, а может, не все переделал, что было задумано, — кто знает... Поэтому не забирают туда, а бабка-то ждет. В коротких мимолетных снах приходит и манит за собой, к себе зовет, он бы давно ушел к ней, но, видать, грехи не пускают...

Дед Макар устал от жизни. Понимал, что сыну в тягость. Не нужен ему. Все бубнит, всем недоволен. А начни сыну указывать, сразу в кошки-дыбошки. Не нравилось, когда носом тычут. А как же сына не тыкать, если ничего не хочет по дому делать. Живет словно квартирант со своей бабой. Утром поднимутся, сразу за стол и метут все подряд, что ни поставь. А она же — баба! Она же — хозяйка и не дело, когда старик за плиту встает или возле печки крутится. А они нажрут и уходят по делам, как говорят. Вечером пришли, как были в грязной одежде, так и бухнулись за стол, и даже руки не помыли. И скорее за куски хватаются, словно у них отнимут. Опять нажрут и быстрее на диван. Все, их не трогать. А если сунешься, начнешь

говорить, что нужно сделать по дому, что во дворе или огороде, так кроме рыков да матюгов ничего не услышишь. Квартиранты в жизни. Эх, жизнь-жизня...

Дед Макар чертыхнулся и тут же оглянулся на дверь. Из комнаты раздавался громкий храп. Опять посмотрел на окно. Казалось, долго просидел перед окошком, а за ним рассвет словно застыл. Скорее бы засветлело. Развидняется, тогда можно выбраться на улицу и посидеть возле двора. Устал за ночь в избе. Не спится.

— Скорее бы к одному концу, — пробормотал дед Макар. — Устал жить. Наверное, все люди на том свете отдыхают. А как же иначе? Конечно, отдыхают! Не успеют народиться, а Боженька всякие препятствия ставит, и с каждым разом все труднее и труднее. А если не осилишь, в канаву скатишься — и затолкают тебя, затопчут такие же, кто в этой канаве оказался. А другие идут по дорожкам, несут свой груз, что Боженька на спину положил. Кряхтят, но вперед идут. Чуют, если остановятся, враз в канаве очутятся, потому что другим нужно давать дорожку. Вот так и плюхаются всю жизньюшку, через все препятствия перебираются. И поэтому устают от жизни. И чем больше груза, тем тяжелее к порогу идти. А доберешься, хочется побыстрее сбросить груз, что на тебя с рождения взвалили, перешагнуть через порог и уйти туда, где тебя ждут-ждождуются, а там уж отдохнешь от этой тяжелой жизни.

Дед Макар взглянул в темный угол, где едва заметно мерцала лампадка. Невольно перекрестился, натолкнувшись взглядом на лик святого. И завздыхал. Он уж давно готов уйти к своей бабке. Давно приготовился. Даже одежда смертная в узелочке лежит. Как шкафчик откроешь, она на самом виду. Дед Макар не боялся ее — смерти, давно готов порог перешагнуть. Все там будем. Вот сказали бы ему или знак подали, что прямо сейчас ложись на лавку, и все, тебя заберут. И он бы улегся, не раздумывая. Там бабка ждет, а здесь никому не нужен...

Дед Макар качнул головой. Нужен, когда деньги есть... Вон вчера, едва получил пенсию, Валерка сунулся и стал выпрашивать деньги. Видите ли, своей бабе шубу захотел взять, пообещал ей, говорит. Это ж сколько зверей нужно убить, чтобы для такой бабищи шубу сшить. Уйму! И дед Макар отказал сыну. Вот шлендает по деревне в фуфайке, и пусть шлендает. А тот сразу взъерепенился. Стал говорить, что они его поят-кормят, все по хозяйству делают, а от него никакой отдачи, никакой помощи. Ага, отдай пенсию, а вечером на бровях вернутся. Им деньги на выпивку нужны, а не на шубы. Не успеют получить копейки на работе, сразу в сельмаг бегут, набирают бутылку и гуляют всю ночь или у дружков остаются, а утром, опухшие, расползаются по домам. А потом, когда закончатся деньги, деда Макара начинают трясти. Многие в деревне пьют, даже бабы, да не каждый похмеляется...

Завздыхал дед Макар. Покачал головой. Нахмурился, взглянув в сторону комнаты, откуда доносился храп. Потом опять глянул в окно. Зачернел сарай. Вот уж изгородь видна. А вдалеке промелькнул луч света. Видать, машина проехала. Эх, сынок, сынок... Опять закрутились думки деда Макара. Уж полжизни прожил сынок, а все какой-то неприспособленный. Все легкие пути ищет в жизни. Каждый год, как он перебрался в деревню, приходится с ним ругаться, чтобы хозяйством занимался. Земля стоит. Пора картоху сажать, грядки делать, а он не шевелится. Ладно, прошлый год сосед помогал. Правда, уплатить пришлось, а куда же денешься. Огород вспахал, да еще со своей бабой пришел, сажать помогли, а Валерка на крыльце сидел, все командовал, чтобы получше пахал и рядки поровнее делал, будто из своего кармана платил.

Слишком часто Валерка стал заглядывать в рюмку. Схлестнулся с соседом. Такой же алкашенок. Вот и пьянствуют. И его баба, Анька, с ними сидит, тоже рюмки опрокидывает. Странные времена пошли... Раньше, если лишнего пьешь, по собраниям затаскают, а если не исправляешься, отправят лечиться, а некоторых даже в тюрьму сажали. А сейчас, если взглянуть, всем наплевать на народ. Пусть пьют, пусть травятся и подышают, меньше заботы и никого лечить не нужно. Кто захочет жить,

тот не станет пить, а кто будет в рюмки заглядывать, тот подохнет. А с другой стороны, если посмотреть, как тут не запьешь, если в деревнях никакой работы нет. Вот многие и слетают с катушек. С горя, от безысходности. А другие делают все, чтобы людей спойти и в могилу свести. В магазин зайдешь, и глаза разбегаются. Все полки заставлены сверху донизу. Пей — не хочу. И люди пьют. Многие. А если денег мало-вато, в аптеке настойки продаются. Всякие. Торгуют дрянью, от которой люди умирают. И получается, что человек за свои деньги смерть для себя покупает. Такого нигде не увидишь — только у нас. Эх, беда, беда...

Дед Макар завздыхал. Вон, Иван, что напротив живет. Страсть, какой работающий был! Все в руках горело. Ох, мастеровитый! А потом работы не стало. Он помыкался, помыкался, и в город ездил, думал, устроится, но и там работы не нашел. Хотел еще куда-то поехать, да не получилось. Баба заболела. Не мог одну оставить. А денег нет, чтобы ее лечить! С горя стал прикладываться к рюмке. Сразу собутыльники нашлись — такого добра возле каждого магазина хватает. Только помани, а желающие всегда найдутся. Жenu похоронил и вообще с катушек слетел. Все из дома пропил. Голые стены остались. А дочка стала по клубам ездить. Такого на себя понавздевает, что титьки наружу торчат, того и гляди вывалятся. От отцовских рук отбилась, а к другим прибилась, или прибрали — кто ее знает, и мотается по рукам от одного к другому — мужиков убажает. А кто виноват, что сосед спился, и дочка по рукам пошла? Жизнь сделала такими и люди, кто к краю подталкивал.

Весна, а у него конь не валялся, как бабка Марья говорила. Дед Макар выглянул в окошко. Глаза бы не смотрели на огород. Запыхтел старик. Многие картоху посадили, всякую мелочевку на грядках, а они до сей поры телятся. Сынок со своей бабой, Анькой, выпастыся и вволю нажраться не могут, когда трезвые, а про пьяных и говорить не хочется... А ему одному не совладать с огородом. Раньше-то полегче было, когда бабка была жива. Все успевали вдвоем. И на время не смотрели. День год кормит. Вся силушка ушла, когда бабки не стало, а к себе Боженька не забирает. Вот и приходится мучиться на этом свете...

Дед Макар поднялся. Прислушался к громкому храпу. Вздогнул, когда заорал петух. Чертыхнулся. Вышел. Зябка повел плечами. На веранде набросил на плечи потрепанную фуфайку. Ткнул ноги в галоши и спустился по ступенькам. Собака, заметив его, гавкнула и тут же осеклась, спряталась в конуру, когда старик погрозил шишкастым пальцем. Скрипнув калиткой, вышел и уселся на скамейке возле двора, поглядывая по сторонам.

— Здоров, Макар,— донесся голос.— Что вышел-то? Все равно скотинку не держите.

— Здоров будь, Климка,— старик махнул рукой соседу.— А что, нельзя со двора выходить? Хочу на тебя посмотреть. Давно не видел.

Не удержался, съязвил дед Макар.

— А, ну гляди, гляди,— закивал головой сосед,— только дырку не просверли своим взглядом. Хе-х!

И, кашляя, засмеялся.

— Язва ты, Клим,— буркнул дед Макар.— Как с тобой бабка уживается. Другая бы давно кочергой да по хребтине, а твоя...

— А моя такая же, как я — тоже язва, да еще какая,— захекал, затрясся старый Клим.— Поэтому и терпит,— и тут же.— Слышь, Макар, а что картоху не сажаете?

Дед Макар чертыхнулся.

— Что-что...— заворчал он.— Валерка говорит, нечего сажать, силы тратить, когда можно в магазине купить. Он силушку не хочет тратить, а деньги готов направо и налево пускать, которых у него и нету. А как же, Климка, без огорода-то? Беда! На магазин надейся, а сам не плошай. Правильно говорили, как потопашь, так и полопашь.

— Твоя правда, Макар, как потопаешь, так и будешь зимой кушать,— закивал головой старый Клим.— И что надумал?

Дед Макар взглянул на небо. Чистое, ни единого облачка. Над речкой поднимался туман и надвигался на огород старика, все больше и больше скрывая землю в белесой мгле, словно хотел скрыть заросшую сорняками землю. Дед Макар горестно покачал головой. Разве так можно, чтобы землю неухоженной оставить. Такого же никогда не было. Чем больше за землицей ухаживаешь, тем больше она отдает. А надеяться, что Валерка в магазинах понакупает,— это бабка надвое сказала. Сегодня есть в магазинах, а завтра не будет, и что тогда? С голоду помирать или на власти надеяться, что завезут или помогут? Ага, завезут... Власть план выполняет на водке и алкашах. Чем больше пьют, тем больше денег. В этой жизни надежда одна — на себя и все на этом. Человек живет, пока занят работой. Да, так и есть. А если посмотреть на землю, она как и человек. Каждый год за ней ухаживают, пашут, сажают, боронуют, рыхлят, сорняки полют. Осенью соберут урожай. Перекопают, чтобы она по весне стала мягкой. А весна приходит, и не узнаешь землицу-то. И твердая, словно за ней не ухаживали, и сорняки недуром лезут. Значит, земля просит, чтобы за ней поухаживали. И снова приходится пахать, бороновать, полоть, чтобы осенью собрать урожай. И так каждый год. И получается, что человек, как пуповиной, связан с землей. Пока он работает на земле, он будет жить, потому что земля силу дает...

— Что молчишь, Макар? — отвлек от думок голос соседа.— Кричу ему, кричу, а он в небо уставился и что-то там рассматривает. Не иначе, свою Марью высматриваешь. Хе-х!

И тоненько засмеялся.

— Глянь, Климка, какое чистое небо,— завздыхал дед Макар.— Погода хорошая будет. Сажать пора, чтобы земля не застаивалась, чтобы своего хозяина знала. Нет, это земля — хозяйка, а мы — детишки ее. И мы не должны забывать свою мамку-кормилицу.

Дед Макар поднялся. Зашел в сарай, потом появился, держа в руке лопату, и, отмахнувшись от сына, который вышел на крыльцо, позевывая, старик открыл калитку, по тропке добрался до огорода. Постоял, осматриваясь, а потом всадил лопату и стал выворачивать пласты земли.

— А ты, Валерка, можешь покупать в магазине...— приговаривая, он копал.— И еще раз в магазине, и все запасы делай там, а я уж свое стану выращивать, покуда ноги держат.

И копал, изредка поглядывая на чистое небо.

Знал, что бабка Марья с небес на него смотрит и радуется...

Вадим Кулинченко
(г. Балашиха Московской области)

РАССКАЗЫ

Вадим Тимофеевич Кулинченко, капитан 1 ранга в отставке, ветеран-подводник, участник боевых действий (Израильско — Египетская война 1967 года, боевая служба в Средиземном море на атомной подводной лодке «К-131»). Публиковался во многих центральных, региональных и флотских газетах и журналах.

В ОККУПАЦИИ

Первого июня получил письмо с малой Родины, города Острогожска Воронежской области от товарища, который на год младше меня. Письмо пришло в символический День защиты детей. Оно напомнило мне наше детство, когда Острогожск был оккупирован фашистскими войсками, и мы, шести-семилетние пацаны, переживали ужас этого времени. У меня уже правнучка старше того возраста, и воспоминания о той поре только вызывают страх — не дай Бог им, нашим правнукам, пережить такое.

Товарищ пишет о том, что в городе уже мало осталось наших ровесников, а мужского пола почти нет.

— Вот, — пишет он, — пошел к двоюродному брату в гости, который с 1933 года рождения, но еще в памяти, хотя и не ходит, как ты. Невольно вспомнили о начале войны, и что нам пришлось пережить в 1942 году, когда фашисты оккупировали наш город. Воспоминания тяжелые, поэтому мы и редко обращаемся к ним...

Это случилось через год после начала войны, в такой же летний жаркий день. Уже во всю полыхало пламя войны. Фашисты, потерпев поражение под Москвой, повернули на юг, и Воронеж, как и Острогожск, в один миг из тыловых городов стали фронтowymi. Жизнь в них и до этого была не сахар, а тут превратилась в ад.

В городе шли слухи о приближении вражеских войск, но никто не ожидал, что оккупация случится так быстро.

Нашей семье, раненому отцу, которого мама привезла из Вологды, куда после ранения в голову под Ленинградом он был вывезен из блокадного Питера, райкомом партии была выделена подвода с двумя лошадьми для эвакуации. Загрузив кое-какой скарб и посадив нас с братом, которому было три года, а мне шел седьмой, в подводу, рано утром пятого июля 1942 года тронулись в путь. Старые дедушка и бабушка пошли нас провожать. Наверное, это нас и спасло.

Мы далеко не успели отъехать, когда в девять часов немцы начали бомбардировку города. Основной их целью был мост через реку Тихая Сосна, по которому отходили отступающие наши войска. Но бомбы падали кругом, появились трупы убитых женщин и детей. Нам чудом удалось спастись и вернуться домой, где нас ждал полный разгром. На наш дворовый участок упало две бомбы — одна в конце сада, а другая недалеко от дома, выворотив с корнем яблоню и образовав огромную воронку. Дом был полуразрушен, но пригоден для жилья. Но главное, мы остались живы. Но как после этого не верить в судьбу?

А шестого июля в город вошли немецкие танки. Началась оккупация города, которая длилась 228 дней, а мы, все его жители, жили в постоянном страхе. Кое-кто сегодня говорит, что это немного. С этим можно и согласиться, но прожить эти дни в постоянном страхе, это стоит многого.

Город стал наполняться различными войсками. Я отлично помню, что мы, выселенные в сарай, пережили, как их называла бабушка, «непрощенных квартирантов», немцев, венгров (мадьяр), румын, а на улицах я даже наблюдал итальянцев с перьями на шляпах. И у каждого из них были жесткие требования к жителям, основное из которых было — за неповиновение расстрел.

На третий день оккупации вся наша семья пережила стресс. По доносу соседки, как я узнал позже, на отца, что он коммунист, его забрали полицаи. Два дня мы жили в постоянном страхе, что его расстреляют или повесят. В городе на площади уже стояли виселицы с повешенными коммунистами и просто жителями. Но и тут судьба улыбнулась нам. На третью ночь кто-то постучал в окно. Это был отец. Ему удалось бежать из концентрационного лагеря, который был на торфяниках, а отец отлично знал эту территорию еще по довоенной работе. Отца спешно отправили в деревню к тетке, где он и прятался до конца оккупации. Но эта история требует отдельного рассказа.

К слову, в Острогжском районе немцы организовали 14 концентрационных лагерей, в которых содержалось 100 тысяч советских военнопленных и местных жителей, строящих железную дорогу на Сталинград, так называемую «Берлинку». Это одно из белых пятен Великой Отечественной войны. Сколько погибло там наших людей, одному Богу известно. Их хоронили прямо у насыпи. Сегодня эти места позабыты, и поисковики, которых показывают по ТВ, не знают об этом. Их больше привлекают места больших сражений, но были и «тихие места», где решались судьбы войны.

О «Берлинке» я впервые услышал от своего друга Ивана Черкасова в конце 90-х годов прошлого века, который был на девять лет старше меня и которого 15-летним пацаном схватили и отправили строить «Берлинку». Но ему с тремя такими же ребятами удалось бежать, когда их везли в концлагерь, поэтому и остался жив. Потом он еще сражался с самураями... Да, трудная судьба досталась нашему поколению.

Я увлекся своими воспоминаниями и забыл о письме товарища. В нем он делится своими впечатлениями о жизни в оккупации. И хотя мы жили в одном городе и в одно время, но воспоминания у нас разные, но в основном не радостные.

...Вспомнили ребят,— пишет Володя Котов,— Масюкова Толю и Рымарева Валу, рождения 1931 года, которые жили рядом с нами на Новой Сотне (слобода города) и они всегда брали нас с собой. По наши меркам, они были уже большими.

За нашими домами было небольшое озеро, в котором до войны красноармейцы купали своих коней, а рядом были склады, где немцы организовали скотобойню. Водоем мы называли Зарой. Рядом с ним немцы соорудили выгребную яму, куда выводили весь ливер убитых животных. Фрицы ливер не ели, а выбрасывали в яму. Там всегда толпились ребята с сумками и ножами. Немец вываливал в яму с подводы ливер, и тут же ребята бросались к яме, кромсали ливер, прятали в сумки и бежали с этим «богатством» домой. В этой яме всегда стояла вонючая жижа...

Позвольте отвлечься на свои воспоминания:

— Наша семья также жила в слободе Новая Сотня, тоже недалеко от скотобойни, только с другого края. Наш дед был еще крепким мужиком и немцы привлекали его к работе на скотобойне. За дедом приходил полицай и отводил его туда. Естественно, там ему поручалась самая грязная работа, за которую его «награждали» цыбаркой (большое ведро) крови животных. Бабушка разливала эту кровь по противням, она застывала, ее резали на кусочки и жарили. Это был деликатес. А в это время наша мама, ей было всего 29 лет, выменивала последние вещи на какое-нибудь зерно и картошку в окрестных деревнях. Это было опасно, но голод не тетка!

Еще до оккупации жители города жили впроголодь, а в оккупации вообще стало туго — магазинов не стало, а базар совсем оскудел...

Возвращаюсь к письму товарища:

— Как-то в августе месяце пришли мы за ливером, меня брат к яме не подпускал, я стоял на подхвате. Приехал немец, открыл короб и вывалил ливер. Стал смотреть, как пацаны кромсают отходы. Потом схватил одного пацана и кинул в яму. Лето, жара — в яме черви плавают, кишки плавают и пацан бултыхается, кричит, а немец смеется.

Ребята вытащили пацана из ямы, я его хорошо знаю, отмыли в Зарее, успокоили.

На следующий день привозит немец ливер, высыпает в яму. Смотрит, но никто из ребят не бросается за ливером. Фриц недоумевает. А ребята постарше кинулись на него и столкнули в яму. Немец толстый, барахтается в яме, кричит, а ребята смеются. «Киндер,— вопит,— помоги выбраться!» Пожалели ребята фрица. Подали ему колючую проволоку, он не дурак, обмотал проволоку клеенчатым фартуком и кое-как выбрался сам. Расплата не замедлила свершиться.

Ночью мадьяры и полицаи устроили облаву по домам на пацанов старше десяти лет, стащили всех на конюшню и до крови перепороли шомполами... И все равно народ ходил к яме. Жить-то надо было, надеялись на наших...

У меня на тот момент иные воспоминания:

— Пока мама наша крутилась, добывая кое-какую еду, бабушка ни на шаг не отпускала нас от себя, так что мы не могли участвовать в «походах» к выгребной яме. Довольствовались тем, что дед Фатеевич иногда приносил с бойни.

Как-то мама пошла на рынок — базар и не вернулась. Ее не было двое суток. Представляете наше состояние. А тут еще поползли слухи, что немцы окружили базар и держат людей для каких-то целей. А там была наша мама!

Потом узнали, что людей ждали для машин-душегубок, которые следовали из Харькова по железной дороге. Но слава советским летчикам, которые разбомбили этот состав, а партизаны довершили его разгром. Продержав людей двое суток и не дождавшись машин, людей отпустили. Акция уничтожения жителей Острогжска была сорвана.

А каково было нам, детям, которым бабушка и дедушка ничего не могли объяснить, где мама? Вот так и ходили в оккупации наши родители по лезвию бритвы — ведь для оккупантов жизнь аборигенов ничто, тем более фашистам, для которых все мы были недочеловеки. Мы, дети, не понимали происходящего, но подсознанием чувствовали, что происходит что-то страшное.

Возвращаюсь к письму своего товарища, нашел эпизод, когда он увидел эсэсовцев. Здесь надо признать, что память нам стала изменять. СС действительно носили черную форму, даже полевые, например танковая дивизия СС «Мертвая голова», но Володя почему-то вспоминает их в серой форме. Это могла быть полевая жандармерия:

— Видел эсэсовцев, но у них была не черная, а серая форма, мышинового цвета. Рядом со школой квартировал немецкий врач-хирург, а у него был денщик всегда веселый, Ганс. Как-то я катался на санках в яру возле школы. Он поймал меня, ему нужны были санки, чтобы подвезти к дому бревно. Ганс заставил меня тащить санки, а сам шел впереди, насвистывая. Не доходя школы, только он вышел за угол хаты, как вдруг перепуганный бросился ко мне. Думаю, чего он перепугался? А он мне — киндер, шнель бегом нах хаузен! Я выглянул из-за угла, вижу стоит легковушка, а возле нее немцы в серой форме. А Ганс мне: СС. Пух-пух и тебе капут! Шнель домой! Так я увидел СС...

Да, подумал я,— кого только из оккупантов не было в Острогжске. Но долго они не продержались.

Но не только голод подстерегал детей военной поры. Масса военных случайностей могла стать и становилась причиной бед. Один случай из моей детской жизни:

— Советские войска окружили Острогожск, но еще не вошли в город. Немцы, находящиеся в городе, пытались вырваться из кольца. Их танки метались по улицам города из одного конца в другой, пытаясь нащупать брешь в наступающих войсках. Город бомбили и обстреливали. Жители прятались в погребах. Подвал и погреб — понятия разные. Мы из нашего маленького погреба решили перебраться в подвал к соседям напротив, где уже собралось много семей с нашей улицы. С тех пор я верю в смысл мудрых слов — «На миру — и смерть не так страшна!». Когда мама меня и трехлетнего братишку повела туда, в конце улицы появился немецкий танк, а улицы в районном городишке узкие, танк быстро приближался. Мы засуетились и растерялись. Я и мама успели перебежать дорогу, а Вова остался на другой стороне улицы. Нас как будто парализовало. Маленький брат плакал, махал ручонками, а на нас надвигалась машина фашистского танка. И вот он, чуть не задев нас, промчался мимо, громыхая и зловонно воняя выхлопными газами. Тогда все обошлось, видимо, потому, что танкисты были озабочены своей судьбой. Будучи уже взрослыми, мы рассуждали с братом: что стоило тогда немцам дать очередь из пулемета или чуть-чуть вильнуть машиной, и... нас нет! И таких случаев во время войны была масса, в большинстве заканчивавшихся печально и для взрослых, и для детей.

Оккупация — ад не только для основной массы населения, но для детей особенно. Это, как часто повторял мой покойный отец, первым бросившийся в горнило войны, он был «политбойцом», понятие и термин замалчиваются до сих пор — «Кому война, а кому и мать родна!» В оккупации люди понимали цену друг другу, цену тем, кто живет рядом:

— Зимой 1943 года, когда группировка немецко-венгерских-румынских и итальянских войск попала в окружение (Острогожско — Россошанская операция 13—17 января), началось паническое бегство оккупантов из города Острогожска. Немцы не оставляли склады, а, подорвав их, подожгли. Один из таких продовольственных складов был на нашей улице. Люди, измученные голоданием, бросались в огонь, чтобы добыть кое-чего съестного. Устремилась в огонь и моя мама. Я стоял у самого огня, а она выбрасывала мне куски сала, сыр, макароны и снова бросалась в горящие развалины. Я пытался это богатство снести домой, но по дороге все отбирал боровососед, который и при немцах жил неплохо. Он держал лавочку и, наверняка, прислуживал оккупантам. Эта подлость отложилась во мне на всю жизнь. Уже в 60-е годы прошлого столетия, приезжая в отпуск в родные края, я всегда при встрече с ним высказывал ему свое презрение. К сожалению, такие, как он, безбедно жили при оккупантах, не получили по заслугам и после нашей Победы... а их потомки хорошо живут и сегодня. Изворотливость их кредо жизни. Почему это так, я понял, прожив большую, нелегкую жизнь. Опыт дает истинное понимание жизни, но не жизненные блага. Добро и правда побеждают только в сказках, а в реальности зачастую наоборот.

Последствия оккупации, да и всей войны в целом, продолжались и после Победы. Хотя это была уже пора надежд, но поесть досыта нам суждено было еще не скоро.

Растущий детский организм требовал пищи. Поесть вдоволь хлеба было постоянным желанием. Мало кто сегодня помнит голод 1946—47 годов, особенно из жителей больших городов, которые властью «родного» правительства снабжались за счет деревень и малых городов. Провинция снова выручала страну. А мы, 10—12-летние, считали за лакомство лепешки из желудевой муки. Желуди собирали в лесу, дуба достаточно в Воронежской области, и сами мололи на муку. До сих пор помню лиловый цвет этих лепешек....

Впервые я поел конфет в 1950 году, и то не шоколадных, когда уже работал в бригаде грузчиков, возившей товары из Воронежа в Острогожское отделение ТОРГА

(торговое государственное предприятие). Мы, дети войны, рано созрели для труда. Учеба была для нас роскошью, к которой мы стремились, не взирая ни на какую усталость.

Пребывание на оккупированной территории долго «икалось» для детей военных лет и после нашей Победы. Пришло время поступать в институты и училища, и мы были вынуждены отвечать на позорную графу анкеты — был или нет на оккупированной территории? Страна делила своих детей на два сорта, подозревая тех, кто испытал вражеское рабство, в чем-то неблаговидном. Не унижительно ли это?

Все было. И бедная Россия (имею в виду весь Союз) испила полную чашу горести той страшной войны. Но, судя по всему, не извлекла печальных уроков той трагедии. У нас осталась одна великая Победа — это похвально, но тернистый путь к ней почему-то не очень афишируется, а это неправильно.

Поэтому у нынешнего поколения вырабатывается инстинкт — была Победа, а остальное не так важно. «Победителей не судят» — очень страшное заблуждение! Но очень трудно перебить обух плетью — трудно переубедить тех, кто видит в войне способ наживы. Для них страдание детей пустой звук. Никогда богатый не услышит бедного — это постулат истины. Для богатого слезы бедного — это деньги. Нынешняя действительность — подтверждение этому!

Читатель моложе меня, возможно, удивится моим не радостным детским воспоминаниям, и будет прав по-своему. Не испытал ужасов страшной войны и видевший ее только в кино, он ищет в ней романтику. В кино мы больше видим героизм наших бойцов, нашу Победу, но за кадром остаются страдания простых людей, мучения детей и стариков, а это и есть настоящие будни войны, о которых общество почему-то считает неэтичным рассказывать, а тем более показывать. А это, на мой взгляд, самая действительная пропаганда против войны. Американцы не испытывали ужасов оккупации за всю свою историю, поэтому они так лицемерно и цинично относятся к оккупации других стран своими солдатами. Любые иностранные солдаты, будь то и миротворцы, чужие солдаты и положительных эмоций они не вызывают!

Этот короткий рассказ не отражает всех аспектов оккупации, но что это страшное зло в истории человечества — факт!

ТАНК

Виктору Афанасьевичу уже за восемьдесят, но у него часто встает перед глазами, а иногда и снится, тот безымянный фашистский танк на узкой улочке небольшого городка Острогжска в далеком январском 1943 году. Водитель танка мог легко раздавить трех мирных людей — его, тогда ему было семь лет, трехлетнего братишку Вову и их маму, которой было всего 29 лет.

Мамы, Анны Леонтьевны и брата уже нет в живых, а он еще живет, вспоминая кошмары далекой войны. Так распорядилась судьба.

Всю жизнь Виктора Афанасьевича мучает вопрос: почему тогда это громадное, смердящее выхлопными газами чудовище не уничтожило их? Уже в зрелом возрасте они с братом не раз обсуждали этот вопрос, не приходя к однозначному выводу. И всегда эти страшные воспоминания для них оканчивались одним предположением, что людская логика не предсказуема.

Детская душа впечатлительна, и часто страшные ситуации, происходящие с детьми, остаются в их памяти навсегда. Виктор помнит те январские дни 1943 года более отчетливо, чем августовские 1942-го, когда оккупанты почти без единого выстрела заняли родной город. Полугодовая оккупация заставила быстро повзрослеть. Этому способствовали полугодовалая жизнь, постоянные тревоги за маму....

Однажды она пошла на базар и не вернулась. Ее не было три дня, а когда она вернулась, рассказ был страшен. За это время плакали не только они, но волновались

и дедушка с бабушкой, которые не могли объяснить детям, что происходит вокруг. Их выгнали из дома в сарай, и они не могли даже приблизиться к дому, где обосновался немецкий офицер с денщиком. Денщик травил их овчаркой, если они приближались к дому.

А с мамой тогда произошло следующее: городской базар, а это около тысячи человек, был оцеплен гитлеровскими солдатами. Ждали машины — душегубки из Харькова. Машины следовали по железной дороге. Продержав людей более трех суток и не дождавшись машин, их отпустили. Благо было еще тепло. Продержаться три дня и три ночи помогла людям взаимовыручка. Но что чувствовали люди морально?.. Рассказ матери был о переживаниях. Она все время думала о детях, а они о ней.

Уже будучи взрослым и изучая историю Острогожска — Россошанской операции, Виктор нашел объяснение тому случаю. Машины-душегубки действительно следовали по железной дороге в Острогожск, но советские летчики разбомбили эшелон, а партизаны довершили дело.

Судьба благоволила к семье Виктора. Отец Виктора, забранный вначале полицией, сумел бежать из концентрационного лагеря, и теперь благополучно дождался в деревне освобождения. Виктор вспомнил, как радостно они встретили отца, который, сражаясь под Ленинградом, был очень сильно ранен в голову, но сумел выкарабкаться из когтей смерти. Месяц был без сознания, три месяца не говорил... Эвакуированный из блокадного Ленинграда в Вологду, сумел дать об этом весточку в еще свободный Острогожск. И мама ринулась к нему. Через все фронтовые дороги привезла домой. Врачи говорили, что он долго не протянет, а он прожил еще более сорока лет. Такова была тяга к жизни.

Отец еще с трудом говорил, а тут оккупация города. На следующий день после оккупации его прямо из-за стола взяли полицаи. Он был коммунистом, а кто-то донес, что он вернулся. Его спасло то, что, брошенный в лагерь, который располагался на торфяных разработках, он отлично знал эту местность, и ночью ему удалось бежать. Когда он ночью появился дома, Виктор помнит этот радостный переполох, его тут же отправили к тетке в дальнюю деревню, где он просидел в подвале долгие месяцы.

Освобождение города шло не сразу. Чувствовалась какая-то напряженность. Исчез куда-то немецкий офицер со своим денщиком. Начались бомбежки, теперь уже своими самолетами. Опустели улицы, люди прятались в своих погребах-подвалах. Так было и с семьей Виктора. Но у них был погреб небольшой и холодный, находиться в нем долго было нельзя. Через улицу наискосок стоял большой дом Минковых с большим подвалом. Ночью дедушка пробрался туда и, вернувшись, сказал, что там собралось много соседей и приглашают их. «На миру и смерть красна,— добавил он.— Мы с Саней (так звали бабушку) пойдем сейчас, а ты, Анна, собирай детей и топай за нами». Мама согласилась, но сказала, что пойдет с началом рассвета.

Утром мама вручила Виктору узелок с одеждой, сама взяла узел побольше, и, держа Вову за ручку, повела детей на улицу. Улица была пустынной. Мама перешла с Виктором на другую сторону улицы и, оставив его с узелками, хотела вернуться за Вовой, чтобы перенести его. И тут тишину улицы оборвал страшный рев, из проулка вырвалось железное чудовище — огромный фашистский танк. Он быстро надвигался, комья грязного снега летели из-под его гусениц, а главное — этот страшный рев. Виктор с мамой оцепенели, а на другой стороне улицы громко заплакал Вова. Мама застыла в ужасе. Улица была неширокой, танк мчался по середине. Что стоило ему чуть вильнуть в сторону — и людей не стало. Мог и пулеметчик нажать на гашетку, и пулеметная очередь скосила бы людей, которые стояли в оцепенении, ожидая самого страшного... Но танк промчался мимо, обдав их смрадом выхлопных газов.

Скинув оцепенение, мама бросилась к Вове. Прижав его к груди и подтолкнув Виктора, забыв про узелки, они бросились к дому Минковых. Только попав в подвал,

они перевели дыхание. Вова стал успокаиваться, а у Виктора продолжал стоять в глазах страшный танк со зловещим крестом на броне...

Все обсуждали происшедшее, никто не рисковал выходить из подвала, и только старый дедушка пошел за их узелками. Его долго не было, все стали волноваться, пока через полчаса не послышался его голос: «Люди, выходите! Наши пришли!»

Во дворе стоял наш боец в белом маскхалате, который приветствовал выходящих словами: «Выходите, люди, на свет божий! Город наш, и фрицы больше сюда не вернутся».

После этого Виктору еще многое пришлось пережить. В послевоенные годы, когда в голод и желудевые лепешки были в радость, пришлось пережить гибель товарищей на боеприпасах, оставленных войной. Мальчишки — любопытный народ. Все это оставило неизгладимые следы в памяти. В зрелые годы во время службы подводное столкновение тоже прибавило седых волос. Но случай с танком остался в памяти Виктора Афанасьевича особой меткой...

Совсем недавно тот случай с танком возник в памяти, когда на обычной дороге под колеса самосвала едва не попал мальчишка такого же возраста, как он в те страшные дни. Виктор в силу своего возраста и болячек теперь с палочкой ползает, как черепаха, стоял у обочины дороги и смотрел на мальчугана, который не спеша переходил дорогу. И тут на полном ходу, газуя, показался самосвал. Виктор понял, что может случиться беда. Что он мог сделать?! Он только успел громко, командирским голосом крикнуть: «Беги, пацан!» Мальчишка оглянулся и стремглав бросился с дороги. А у Виктора зашло сердце и дрогнули ноги. Он как будто вновь очутился в том страшном 1943 году....

Как-то на уроке мужества в школе ученик шестого класса спросил его: «Вам не было страшно, когда служили на подводной лодке?»

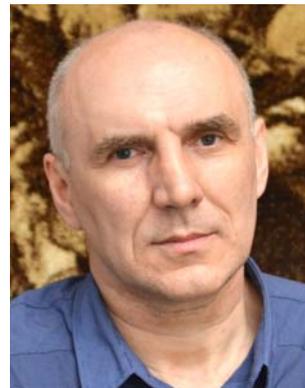
Тогда он, не раздумывая, честно ответил: «Да, было!»

И это правда. Не боятся только дураки! Но страх взрослого и ребенка — это разные вещи. Взрослый видит страх с размышлениями, а ребенок воспринимает его мгновенно, и он откладывается у него навсегда. Кто испытал страх в детстве, может помнить его всю жизнь, особенно в экстремальных условиях.

Пусть наши дети будут счастливы и не испытывают страха в детстве. Война — это сплошной страх, пусть он минует людей, а новое поколение о войне пусть узнает только из книжек, а не в реальной жизни. Детство без страха есть предпосылка достойной жизни.

Юрий Жекотов
(г. Николаевск-на-Амуре)

АМУРСКИЕ ПРИВИЛЕГИИ

Трудился электриком в леспромхозе, главным зоотехником совхоза, директором коррекционной школы-интерната. В настоящее время работает учителем в школе. Почетный работник общего образования РФ. Член Союза писателей России. Лауреат нескольких международных и всероссийских литературных конкурсов. Печатался во многих журналах. Автор пяти книг прозы.

Точно уже не помню, с какого конкретного дня, но тянется мое знакомство со Славкой Бурляковым из богатого на приключения и происшествия детства. Никогда в закадычных друзьях мы с ним не значились, но кучковались в одной ребячьей ватаге, объединенной по месту проживания в портгородке. Частенько под впечатлением просмотренного фильма или прочитанной книги наша дворовая компания делилась на две противоборствующие стороны, которые вступали между собой в отчаянные баталии: сражались на замастряченных из подсобного материала «мушкетерских саблях времен Людовика XIII», «пополняя индейские племена Сиу и Апачей» устраивали стрелковые дуэли на самопальных луках и томагавках (слава богу, обошлось без серьезных травм), зимой и летом гоняли мяч на спортплощадке, которую в нынешнее коммерческое время занял магазин.

Славка в юные годы проявлял атаманские задатки, выделялся среди нас, тогда всех без исключения сорвиголов, особой отчаянностью и безбашенностью: в городском парке палил по мишеням из самодельного пугача зарядами из серы и проволоки; дрессировал отловленную им гадюку, собираясь превратить ее в танцующую факирскую змею; как-то без всякой страховки забрался по балконам на четвертый этаж многоквартирного дома, чтобы помочь товарищу попасть в собственную же квартиру...

Но молодо-зелено, укатали сивок крутые горки, вправили нам учителя из школы № 13 и сама жизнь мозги на место, остепенились ребята из дворовой компании, позаканчивали техникумы-институты, обзавелись семьями, поразъехались...

Со Славкой, извините, нынче Владиславом, а для кого уже и Владиславом Павловичем, пересекаемся мы и теперь. При встречах обязательно «здоровкаемся». А если никто не несется галопом, разрешая постоянный круг важных жизненных проблем, то, бывает, перекинемся парой-тройкой фраз, так, ни о чем, о сущих пустяках, но обязательно расспрашиваем друг друга о друзьях детства, о тех, кто выпал из кругозора: как там у них, все лиросло-сложилось?

А тут столкнулся я с Владиславом нос к носу накануне Дня рыбака, и, понятное дело, слово за слово, завязался у нас разговор о рыбной ловле. Товарищ оказался докой в обсуждаемом вопросе, освоил рыбацкое дело от и до, и выяснилось, что нынче в свободное от работы время пропадает на Амуре.

Бурляков так мастерски и заразительно разглагольствовал о превратностях рыбацкого дела, в таких живописных деталях и подробностях поведал о некоторых сво-

их открытиях, сделанных на реке во время хода лосося, что ненароком обмолвился и я, что тоже не против был бы забросить сетку: «А то, что получается?! Я в третьем поколении нижеамурец, можно сказать, абориген здешних мест и должен по всем понятиям быть с рыбой на «ты». Но вот не сложилось. С удочкой еще куда ни шло, а мой рыбацкий опыт на «красную» рыбу просто смехотворен. А ведь одно дело — приобретенная с рук горбуша или кета, а другое — сам процесс!»

Завернул я так беседу, скорее всего, поддавшись эмоциям, ради поддержки разговора и где-то в порядке самокритики, как местный житель, не освоивший настоящих амурских привычек. Но только заикнулся на счет порыбачить, как сразу встретил заинтересованный отклик и полную душевную поддержку приятеля:

— А почему бы и нет! Чего там: посидим, молодость вспомним! У меня возле поселка Субботино конкретное «нагретое» место!

— Замечательно, — без особого воодушевления заметил я, не ожидая такого резкого перехода к практическому решению рыбацкого вопроса, и заявил с некоторой неопределенностью: — Вот с работой надо бы уладить...

Но Бурляков вцепился в меня мертвой хваткой, проявив настоящие рыболовные качества, где главное, чтобы добыча заглотила наживку, подседа на крючок, а выведи ее на бережок — это уже вопрос второстепенный и легко решаемый, тут, где надо, дай чуток слабины, а в остальном все наматывай и наматывай на себя лесу.

— В субботу работаешь? — начал допрос Владислав.

— Да, да! В школе уроки, — даже где-то обрадовался я найденному поводу увильнуть в сторону, сойти с крючка. При этом разочарованной гримасой и выдохом с сожалением, показывая некую свою обреченность. — Вот же собирался! В кои-то века! Хотел поддержать компанию, но не сложилось. Может, как-нибудь в следующий раз...

— А в воскресенье? — проявил настойчивость приятель.

— В воскресенье?.. — задумался я, и когда неопределенную паузу тянуть уже было невозможно, вынужденно признал легко проверяемый и давно сложившийся режим работы отечественных учреждений образования. — В воскресенье школа не работает.

— В субботу вечером рванем! С ночевкой, — подвел итоги нашим недолгим сборам Бурляков.

«Вот же заикнулся, а теперь идти на попятную, отказываться от своих слов — было бы выглядеть в глазах товарища несерьезным человеком», — сокрушался я, не высказывая свои мысли вслух. Но делать нечего, я еще раз обреченно вздохнул и включился в обсуждение нюансов, связанных с организацией грядущей рыбалки...

На всякий случай перед самым расставанием поинтересовался у приятеля:

— У тебя лицензия до какого срока?

— Какая еще лицензия? На отлов горбуши, что ли? Да чтобы я лицензию?! — завелся с полуоборота Бурляков. — На родной реке?! Ни в жизнь! Это кто же на меня ограничения наложил?! По какому праву?! У кого я еще должен разрешение спрашивать? Из принципа не буду!

Конечно, после таких заявлений Бурлякова мне, как законопослушному гражданину, не помышляющему идти ни на какие нарушения, надо было сразу откланяться и делать ноги: «Извините, но такая рыбалка чревата всякими последствиями. Нет тут вам никакого моего согласия...»

Но эта же дружба с детства! И хранятся у нас до плешей во всю голову перед ней какие-то непонятные обязательства! Присутствует вдобавок в человеке некоторая черта или свойство характера, когда он, не желая обидеть, подвести сотоварища, отказывает себе в праве категорически мыслить, уже и сам обрекает себя быть втянутым в сомнительное предприятие. А Бурляков еще и подначил, резанув по живому:

— Что-то я тебя не узнаю! Ты чего междуешься-то? Ты кого боишься? Мы у себя дома! Что, был-был герой, да спекся?!

— Да в принципе-то я не боюсь,— «подавшись на провокацию», захохотился и я, выказывая тем самым поддержку доморощенной «пугачевщине»...

— Ну, так я за тобой в субботу заеду, часикам к семи,— пообещал напоследок Владислав.

В угоду дружбе детства как-то рассорился я со сном в оставшиеся дни до рыбалки. Выползли из дремучих глубин подсознания страхи и переживания: «Это как же так, в одночасье заделался я махровым браконьером?.. Узнают на работе, это что же будет...». В последнюю ночь перед рыбалкой все-таки сморило ненадолго...

Сколько ниточке ни виться, а с печальным концом придется мириться! Сколько вору ни воровать, а расплаты не миновать! И поделом.

В большом зале суда, набитом до отказа возмущенной толпой, со скамьи подсудимых я что-то мямлил невразумительное себе в оправдание.

— Ну что, попался?! Позор ему!.. Да это же перевертыш!.. Вшивая интеллигенция!.. Хамелеон!..— раздавалось из зала, который не скупился на скорые обличительные вердикты, напрочь забыв добрые слова.— Как он ловко маскировался!.. Закрался в наши ряды!.. Враг народа!..

Долгое время никак не пытавшийся успокоить зал, и даже покровительствовавший его оголтелости и кровожадности, устремив на обвиняемого суровый безапелляционный взгляд и всем своим видом утверждая неотвратимость скорого сурового наказания, наконец, взял слово главный судья. Указав на меня своим праведным перстом, он обратился к собравшимся:

— Что будем с ним делать?

Лишь ненадолго стихнув, вновь накалился страстями зал:

— Нечего с ним церемониться!

— Нельзя такое больше терпеть!

— К высшей мере!..

— Понятно, что высшая! А какая? — уточнил слуга Фемиды.

— Пули еще на него тратить?! Четвертовать к едреной фене! — тут же выкрикнул какой-то особо справедливый заседатель.

Публика в зале тут же одобрительно закивала головами: — Четвертование! Четвертование...

Не дождавшись чтения приговора судьей (а чего там, и так понятно!) два бугая, подхватив меня под белы ручки, повели из зала напрямик к месту казни. Кто-то особенно «сердобольный» и «жалостливый», в глазах кого приговоренный, то бишь я, наверное, выглядел этаким счастливым и везунчиком, злобно бросил мне в спину:

— Это он еще легко отделался!..

После такого безрадостного сна без всякого воодушевления и настроения, пакуя рюкзак, я обреченно думал, что втягиваюсь в большую авантюру, переступаю опасную черту, делаю шаг в бездну... Но, как подневольный и загипнотизированный, не мог повернуть дело вспять, принимал грядущее, как злой рок, как неизбежное, а в назначенный срок сгреб вещички и направился к выходу, в последний раз сиротливо окинув взглядом квартиру: вернусь ли, нет ли, пусть не богатая обстановка, но все оказывается такое симпатичное, привычное... Можно сказать, родовое гнездо. Все же теперь потеряешь, и было бы из-за чего... обидно... и грустно...

В тот вечер, выйдя из дома, я на всякий случай огляделся у подъезда: может, уже, кому следует, догадались и устроили засаду, чтобы пресечь на корню преступные поползновения, или установили слежку... но ничего такого подозрительного не заметил. Скорее всего, будут брать с поличным...— мелькнула мысль, и я пошел к автомобилю.

В отличие от меня на улыбчивом лице Владислава не было и намека на какие-то

угрызения совести и терзания души. Небрежно сунув мой рюкзак в багажный отсек автомобиля и с шумом прихлопнув крышкой, будто выстрелил из стартового пистолета, он по-гагарински скомандовал:

— Поехали!

За окном мелькали очертания такой привычной и размеренной жизни, за которую уже невозможно было зацепиться и откуда меня резко вырвали и увозят в тартарары. Необъезженные и непослушные мысли катились кубарем, таранили друг друга, билась о черепную коробку: рушилась вся моя будущность, перепутались и ломались грандиозные планы, «живую» горели несостоявшиеся перспективы...

Словно несовершенный робот, словно заводная, но малофункциональная машинка (куда направили — туда и пошел), бестолково сутился я на берегу, делая все непопад, больше путаясь под ногами у рулившего процессом Владислава. Рассудок же все скребла и занимала одна мысль: «Скоро все закончится! Нас неминуемо настигнет справедливая кара!..»

Бурляков, по-видимому, списывая мою нерасторопность на отсутствие всякого рыбацкого опыта, лишь незлобно подшучивал и в итоге по моим способностям при постановке сети отвел мне место на веслах, указав курс на возвышавшуюся над окружающими деревьями ель. И я во всю мощь своих рук включился в рыбацкую эпопею, борясь с небольшим течением, греб на природный ориентир, словно желал вырваться из вражеского плена и спрятаться под его вечнозеленой кроной.

А между тем сетка была благополучно натянута. Створы определены. И все нам пока сходило с рук... А потому устал бояться и я, стали постепенно улетучиваться куда-то мои страхи.

Оглядевшись по сторонам, заметил, что жизнь продолжается, причем наполнена разнообразными явлениями. Щедрое солнце на прощание богато дарило летнему дню аметисты и сапфиры, оттопырь только карманы, да подставь рюкзаки — насыплет всем желающим сокровищ до самых краев, в каждую складку-прореху, в любую емкость-посудину. Видно, дождавшись урочного часа, массово полетел в сверкающее царство мотыль-поденка. То ли лишь забавы ради, то ли в погоне за легкокрылыми мотыльками-бабочками, завывпрыгивала из воды, подставляя чешуйчатые бока закатному солнцу, рыбная мелочевка — чебаки да пескарики.

Так уж, наверное, устроен человек: все время находится в поисках смыслов жизни — никак не может найти золотой середины и хрупкого равновесия. Радость без меры и долгую удачу начинает воспринимать как должное и обыденное: что имеем — не храним, потеряем — плачем; долгое же пребывание в состоянии угнетенности и подавленности в итоге порождает у него сопротивление и бунт: не верь судьбе — спасение в борьбе... И так любые наши чувства, хочешь не хочешь, но когда-нибудь одни из них обязательно ослабевают, и на смену им приходят противоположные...

— Для снятия стресса! — вытащил Владислав из багажника широко известную стеклянную емкость, наполненную прозрачной согревающей жидкостью.

— Да уж,— буркнул я, еще без особого энтузиазма и оптимизма. Но товарищ, держа бутылку в вытянутой руке — «большое» лучше видится на расстоянии — тут же закрепил свою недавнюю мысль новым аргументом:

— Все лучшие лекарства на ней настояны! А для наших северных параллелей без нее никак нельзя! От ревматизмов всяких и для расширения сосудов!

— Давай по одной,— согласно махнул я рукой.

— За День рыбака!..— прозвучал тост.

Первая ломоносовская норма обожгла дыхание, прокатилась по горлу и ухнулась с горки, как в пропасть, а вторая уже не сгнула совсем, отозвалась, загорячила кровь, осветлила ум...

— Сегодня негласный закон: рыбинспекция нас, рыбаков, не трогает — тоже

читит праздник! — припозднился с ободряющей новостью для моих недавних терзаний товарищ, но тут же внес поправку: — Но это только наши местные охранники понимают. В это же лето пришло контролеров понаехало. У них другие законы и порядки. Макли свои наводят. Но ты не дрейфь, если что, отобьемся!

— А кто дрейфит? Я, что ли?! — неожиданно заартачились-забравировали во мне ломоносовские миллиграммы.

— А помнишь, как ты хмырю с межрайбазы, Прыщем его, кажись, звали, рожу начистил? — неожиданно вспомнил приятель подробности моей далекой биографии.

Мое лицо, наверное, на короткое время превратилось в обескураженную физиономию: не путает ли меня с кем-то Владислав? Может, кто другой тогда в детстве отличился? Во всяком случае выпал из моих прошлых мысленных записей тот день. Но память же имеет такие свойства — тут же нашел я себе в оправдание: кому-то дано помнить все перипетии юных лет в мельчайших подробностях, у кого-то былое вспоминается полосами «просвет — туман — просвет...», а у иного полная «амнезия» — начисто стираются все детские годы. А потому, чего тут ломаться, набивать себе цену... Если товарищ помнит, то так оно и было. Не стал я отнекиваться, отчего-то даже размял-потер тыльную часть правой кисти, будто после той давней драки еще побаливает какой-то суставчик и, осознавая, что в глазах товарища я наверняка сейчас выгляжу геройски, таким авторитетом, признал, смакуя слова:

— Нельзя было тогда не связаться! Получил этот гад по полной! И было за что!

Владислав смотрел на меня с явным одобрением, а я, самовоодушевляясь, «рос» в собственных глазах. И уж ответный вопрос, так поворачивался разговор, был за мной. Поинтересовался у приятеля первым, что вспомнил из детства:

— Слав, а тогда, помнится, ты гадюку тренировал — танцевать ее пробовал научить, кажется. Получилась что-нибудь у тебя или нет?

— А куда она денется! Наши змеи лучше всяких факирских кобр могут плясать! Такая музыкальная и талантливая оказалась гадюшка! Вприсядку по кругу ходила и даже подпрыгивала! «Барыню» или «Камаринскую» легко выдавала! — не моргнув глазом, на полном серьезе, и пойдя догадайся, а вдруг и в самом деле не врет, заявил Владислав.

Владислава потянуло на воспоминания. Он травил байки... Разинув рот и забыв про всякие недавние страхи и браконьерские заморочки, я слушал и, где нужно, вставлял свое правдивое слово... Нашлись еще тосты и поводы... Спиртное бродило по своим законам, вытаскивая из закоулков мозга всякие интересные мысли. Набирая обороты, закрутилась карусель разговора, но все больше сводился он к одному и тому же: мы еще не выпали из обоймы! Мы еще такое можем!..

— Молодец, что вытаскил меня на рыбалку! — искренне подвел я первые итоги амурского вояжа.

— Да ты же нашенский! Местный! Давай еще по одной за Амур! Вон он какой! — обвел рукой сотоварищ необъятные просторы реки.

— За Амур! Святое дело! — поддержал я Владислава...

— Первый тайм,— после тоста в честь великой дальневосточной реки, не закусывая, Владислав неожиданно затянул песню,— мы уже отыграли!

— ...и одно лишь сумели понять! — я вовсе не солист — не песенник, но не растерялся, без предварительной спевки, с ходу поддержал товарища...

Надо же, и оказалось: большинство слов этой замечательной песни Александры Пахмутовой и Николая Добронравова мы помнили и исполнение выдали подобающее... Не хуже, чем Александр Градский, наверное... Да кто нас осудит, кто заругает, от души ведь пели, дурака не ломали, а потому без всякой внутренней фальши. И настроение самое расчудесное! Как здесь не спеть?!

— Чтоб тебя на земле не теряли, постарайся себя не терять...— тянули мы вместе, обратившись к могучей реке. И мудрый Амур прекрасно нас понимал, не глушил

песню, а даже аккомпанировал, давал с малой волной нужную мелодию, которая только подчеркивала всплески наших рыбацких душ...

— Не пора ли нам проверить сеть? Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть! — после музыкальной паузы вернулся к рыбацким заботам товарищ.— Рассчитывать, правда, на удачу особенно не приходится, я уже тут неделю караулю — красноперка и конек залетают поодиночке, а горбуши хотя бы хвост словить — пусто. Затягивается ход, где-то в морях краснорыбица еще гуляет. Но придет время — поперет валом!

Видно, время пришло! В награждения за долгие ожидания с самого края сети Владислав вынул две горбуши. А потом пошло — поехало! Освобожденная из капроновых ячей рыба-серебрянка одна за другой плюхалась в лодку... Даже ночью поблескивали рыбины чешуей, прогибались упругими телами, искали возможность вернуться в родную стихию...

— Ну, ты и фартовый! — восторженно сделал вывод приятель в отношении моей случайной для рыбалки персоны.— Во прет-то! Ну ты даешь! Угадал! Выехал под самый ход!

Здорово мнить себя фартовым! А в принципе: кто бы сомневался! Может, я залог рыбацкой удачи, талисман успешного лова, ко мне рыба сама в руки идет?! Всякие другие мысли, что вроде со мной такого раньше не случалось, и нет никаких предпосылок думать о своей особой везучести, я уверенно гнал прочь. Чего тут сомневаться и голову ломать, со стороны то виднее! Может, я до сих пор не те ставки в жизни делал, не развил — не использовал как следует свой дар и предназначение! Может, мое дело рыбалка, обниматься и миловаться с рекой, бесконечно встречать утренние и вечерние зорьки!..

После первой проверки сети затаренный под жвак мешок с рыбой мы спрятали в прибрежных зарослях, так, на всякий случай, чтобы не иметь при себе никаких улик. И, видно, сторожились не зря.

Мы только собирались продолжить разговор за жизнь, как слышали шум мотора. Показавшийся вскоре катер держал курс прямо на нас. Однако метров за тридцать от берега лодка остановилась.

— Пришлые! Ищут, где бы пожить, — каким-то внутренним чутьем определил Бурляков, и вдруг сорвался с места, подошел к самой кромке воды, присел, выкинул коленце, привстал, прихлопнул в ладоши и, выбросив руку вперед, запел частушку:

*Коли не было б воды,
Не было б и сетки!
Все инспекторы на речке
Сплошь марионетки!*

Конечно, если задуматься на трезвую голову, то частушка прозвучала каверзная и никуда негодная. Но где ее тогда было нам взять на рыбацком берегу — эту трезвую голову! Не существовало тогда для нас ни цензоров, ни редакторов! Это был смелый шаг! Дерзкий вызов от имени всего нижеамурского рыбацкого сообщества! Товарищ бросил перчатку! Но, оказалось, никто не спешил ее поднимать. Инспекция, или кто там был в лодке, ни бе ни ме ни кукареку, ни в зуб ногой, ни назад — ни вперед, чего-то выжидая, застыли на месте.

Владислав же поймав кураж: вот мы — молодцы какие, обвели вокруг носа охранную службу! Да вдобавок сразили, укололи, и все нам нипочем! — выдержав лишь небольшую паузу и повторив нехитрые телодвижения — кульбитцы, запел новую частушку:

*Рыбинспектор, как жар-птица,
Ему дома не сидится!
Голова болит с утра...*

Тут товарищ, не сумев сходу подобрать нужную рифму, на пару секунд замешкался...

— Там извилина одна! — неожиданно для себя выручил я Владислава, из солидарности отчего-то также невзлюбив рыбоохранную службу, вслед за приятелем пустился во все тяжкие, обнаруживая тем самым, что, оказывается, во мне до поры до времени спал самый злостный браконьер.

Хотя, если по правде разобраться, чего там придираются, обвинять рыбинспекцию, они те же люди, что и мы,— рыбаки, о двух руках и двух ногах, выполняют свои обязанности. Не было бы рыбной охраны, так такой разгул был бы на реке, и еще неизвестно: осталась бы там хоть какая-то рыба!

Охранники, или кто там был в лодке, наверное, покрутили пальцем у виска в наш адрес или просто отсмотрели бесплатный концерт, но с нами выяснять отношения не стали, предпочли ретироваться.

Для нас же, полных сил продолжить концертное выступление, такой демарш добровольного зрителя был полной неожиданностью. Вдобавок, прямо таки чувствовалось, что муза — вот она, рядом витает и с нами нынче запанибрата, потому вдогонку уходящей лодке раздался еще один разительный куплет:

*Я русалочку словить
В сеточку пытался,
Рыбинспектор проезжал —
Только хвост остался!..*

— Да ну их! Давай лучше споем нашу любимую! — предложил Владислав, когда объект для критики отгудел-отзвучал на широкой амурской дороге.

— Давай! — свел я брови, напряженно вспоминая: «Какая же эта наша лучшая песня?»

— Первый тайм...— завел товарищ.

— Мы уже отыграли!..— подхватил я.

На весь этот рыбацкий день сроднились мы с рекой, на своем генно-аборигенном уровне отстаивая право на лов рыбы. Не терзая больше душу напрасными сомнениями, находил себе я оправдания: «Мы здесь, можно сказать, в научных целях, для исследования процесса рыбалки. Наши предки рыбачили, отцы и деды, а мы чем хуже? Не на продажу же. Для себя. Покушать, угостить, знакомых-родственников. Не разбогатеем, не озолотимся. Лишь возьмем свой пай с высокого замеса, где стараются не для кого-то, а для всех, для народа. Ведь у нас здесь, на Северах, на Нижнем Амуре, никаких больше привилегий перед жителями других губерний, кроме двухэтажных снегов, жгучих морозов и лососевой рыбалки».

На всякий случай, если вдруг нашим выездом на Амур заинтересуются рыбоохранные органы, то воспринимайте это мое признание как явку с повинной. А повинную голову меч не сечет!

Хотя чего это я? Владислав какой год держится на одних принципах и не сдастся! В общем, не будем мы проявлять малодушие. Такое наше будет последнее слово: все это сочинено только для красного словца, так, чтобы себя потешить. Вся эта история про рыбалку — один лишь художественный вымысел! Сами же понимаете: чего только не придумаете за долгую зиму, ожидая короткого северного лета. Хотите, у Владислава спросите, он подтвердит, расскажет все как надо — правильно, а больше никто с нами не рыбачил, нет больше свидетелей. То есть этих. Как их? Во, вспомнил — героев рассказа.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ФЕОФРАСТ В ТРАМВАЕ*

Когда мне в прошлом уже приходилось размышлять над этим предметом, я нередко с удивлением задавал себе вопрос: почему же это в нашей Элладе, несмотря на одинаковый климат и одни и те же условия воспитания для всех эллинов, существует такое различие в характерах людей... После того как я со всей тщательностью сравнил людей добродетельных и порочных, я счел нужным описать, как те и другие ведут себя в жизни.

(Феофраст, «Характеры»)

Природа познается в развитии, а характер человека в поступках и беседах. Однако желательно, чтобы этот познаваемый гражданин не был вашим сослуживцем, тем более начальником, подчиненным, родственником, врачом, а пуще всего — не был бы другом. Такой идеальный кролик встречается только в трамвае; он и развивается, то есть движется вместе с вагоном, он совершает определенный набор поступков. Часто он и беседует, ибо провинциальный трамвай маршрута «Кольцевой» не метро столичных и университетских городов, где кролики закрываются от досужего любопытного глаза вечерней газеткой (ныне — «Московским сексомольцем» и «Масонскими новостями») или самоучителем тамильского языка или иврита; все равно чем, лишь бы одурманить на время вынужденного общежития свой мозг и застраховать себя от случайно-любопытной деревенщины, не понимающей, что подземка вовсе не поезд дальнего следования.

У нас в трамвае не читают, это вовсе не в характере его общительных и дружелюбных обитателей. Даже если вы не оригинал, утром подсаживающихся в вагон большого кольца и до темноты не покидающей любопытной машины, все равно ежедневно, по будням, от получаса до полутора вы проводите в одном или нескольких трамваях четырнадцати городских маршрутов. Поэтому-то суждение о человеческих характерах формируется у горожанина именно в нем, в трамвае. Нигде кролик так не естественен, гол, лишен защитных очков, газет, одежды, должности (особенно за забором, за дверью кабинета с тамбуром и преданной секретаршей — цербером), как в нашем трамвае. Наконец, вы можете надеть темные очки и жадно рассматривать в упор трамвайную публику. Это предосторожность, а заодно спасает вас от подобного же встречного изучения со стороны случившегося рядом собрата по коллекциониро-

* Трактат «Характеры», принадлежащий древнегреческому эссеисту Феофрасту (Феофрасту — по другому написанию), стоит у истоков обширнейшей европейской литературы «бытоописания нравов и характеров». Мы сочли возможным наше видение таковых качеств отнести к «лихим девьяностям», ибо никогда так характеры не обнажаются, как в эпохи общественной и душевной смуты...

ванию психологических типов. Ибо людей в темных очках у нас по привычке опасаются и избегают.

Итак, милости просим на мой любимый маршрут большого кольца.

* * *

Ирония — это качество, весьма неодобрительное в трамвае, уличающее в неблагонамеренном отношении к усредненному пассажиру, а иронизирующий — вот какой человек. Он чаще всего в очках, правда, не темных, а с каким-то зеленоватым оттенком. Трудно понять, что он хочет сказать своими ироничными словами, ведь народ в вагоне прежде всего ориентируется на интонацию голоса, но ответ на свои сомнения в обыденной жизни ищет в выражении глаз. Трамвайная публика — чудом сохранившаяся чистая раса наивного и потенциально доброжелательного русского человека. (Не следует, что иронизирующий обычно из осторожно диссидентствующей интеллигенции, из «наших»). Даже если он и не таков в обыденной жизни, но в трамвайный вагон входит точно таким же, каким его предок сошел с последней в городе конки.

Ирония же происходит от скептического мировосприятия. Раньше скептиков было мало и их считали неопасными чудаками, у которых жены слишком легкомысленны, а теперь стало много, почти все стали скептиками, их считают завистниками, не имеющими родственников или просто блата на службе, в администрации района, в суде, словом — везде.

Сам же иронизирующий тем плох, что иронизирует он постоянно и постепенно разучается любой другой интонации, то есть становится специалистом иронии, а, как говаривал Козьма Прутков, всякий специалист подобен флюсу — он всегда односторонний.

* * *

Никакая другая черта характера не вызывает столько отвращения в людях, независимых от перцепиента льстивости, но в то же время столь нужна в зависимом общении, как льстивость. Для трамвая льстивость необязательное качество. А льстец — вот какой человек. Он есть самый сознательный мерзавец. Сознательный потому, что лезть редко бывает врожденным свойством, но благоприобретается родительским воспитанием соответствующего образца. Это и не условный инстинкт, ибо последний можно выработать лишь незамедлительным закреплением в виде раздачи корма или лакомства, в то время как лезть приносит только долгосозревающие плоды. Значит лезть для поддержания своей сущности требует умственного принуждения. А раз так, то она есть сознательное действие. Мерзавцем же льстец считается и является таковым по той причине, что лезть развращает и потому делает, в свою очередь, мерзавцами всех тех людей, которые ранее, с детских лет, в ранг таковых вроде бы и не готовились. То есть лезть разрушает личность, а поскольку льстец преследует своими действиями конкретную для себя выгоду, то он льстит людям, имеющим возможность вознаграждать. Такие же люди обычно поставлены над многими другие. Становясь мерзавцами с помощью льстецов, они приносят всеобщее бедствие. Высшая цель льстеца — усыпить и скинуть. К этому он стремится всю свою сознательную жизнь.

Льстивый человек, в силу своей профессии, в каждом видит потенциальный объект для лести, поэтому он обычно полагает необходимым лучше пересолить, нежели недосолить — особенность ремесла. Поэтому в трамвае льстец не толкается, не раздражается, охотно пробивает чужие абонементы, а выходя из заплеванного, замороженного и дребезжащего вагона, не применит сказать водительнице: «С большим удовольствием проехал в вашем трамвае, сударыня!»

* * *

Пустословие начинается как глупость, продолжается как маска, а заканчивается языковой стороной демагогии или демократии; кому как нравится. Своего рода эротическое извращение — женское пустословие. А пустословный — вот какой человек. Если он необратимо глуп, то повторяет все что услышал от мамы, папы, в общей бане, на работе, по «тельавивенью» и по телефону. У него хорошая слуховая память.

Пустословие как маска опасна, особенно для доверчивых и наивных людей. Таких пустословцу в маске легко одурманить. Пустословец — демагог, это профессиональный актер. О женщинах умолчим; у каждого пола свои недостатки. Пустословный человек чаще всего утомителен, но поскольку жертва избирается из воспитанных людей, то последним приходится слушать до конца и притом с вежливой улыбкой самурая, вынимающего из своего живота меч после харакири; неприятная операция, но отказаться от нее уже нельзя. Очевидно, с некоторым любопытством на пустословного можно смотреть через толстое, звуконепропускаемое стекло: у него такая прекрасная, отработанная артикуляция губ, жесты рук изящны и округлы.

В трамвае пустословы терпимы. Еще терпимее, когда ты лежишь на верхней полке неспешного пассажирского поезда дальнего следования. Заснуть мешают толчки на стыках рельс, читать — глаза болят, думать — неохота, курица и домашние котлеты съедены, а тот внизу соловьем безмозглым разливается. Одна интонация бархатистая вылечивает от дорожной немощи.

Пустословие сродни гипнозу: оно полезно, но только в клинических случаях, когда человек специфически болен. Самый великий пустослов нашего времени — лучший немец, американец и израильтянин, предатель всех времен и народов — муж ныне покойной Раисы Максимовны...

* * *

Неотесанных все мы любим страстно, ибо где еще как не в разговоре с неотесанным, да в кругу порядочных слушателей, можно продемонстрировать свое *comme il faut*? Неотесанный же, бедняга,— вот какой человек.

В гостях, где он первый раз и совершенно случайно, так что компания совсем не его круга, развеселившись, рассказывает байки, которые заканчиваются словами: «... И вот учительница говорит: дети! Водород взрывается в колбе со звуком пу-у-у-к!»

Он же публикует в местной рекламной газете объявление: «Где можно купить балалайку?» — И потом полтора месяца показывает всем друзьям, знакомым и полужнакомым напечатанный для него ответ, извещающий, что в ТОО «Сирена» (ул. Барона Врангеля (б. Перекопская), 77 «а», тел. 92-33-12) имеются в продаже импортные трехструнные балалайки «*Casatshok*» тайваньского производства по цене от 120 \$.

Впрочем, неотесанность — признак девственно-нетронутой, здоровой народной природы. В трамвае от него тот вред, что наступает на ноги отесанным пассажирам и не гасит боль извинениями. Польза же от пребывания неотесанного в вагоне — чисто эстетическое наслаждение зрителей при виде грубого, но натурального, не искусственного предмета, например, свежего тамбовского окорока, особенно если рядом на витрине тараканится пластмассово-белковый датский сервелат.

Неотесанность — ампула коверных клоунов.

* * *

Угодливость или услужливость может быть вредной или полезной в зависимости от того, кому и от кого она направлена. И пословицы, которым нельзя не верить, о том же говорят. Угодливый же — вот какой человек.

Когда в недавние еще времена периодических табачных кризисов вы обегали в

понедельник полгорода и, отчаявшись найти себе хоть какое-то занятие, подходили к табачному киоску и вместо киоскерши видели записку: «Ушла в О.М.Р.П.», то сразу успокаивались и возвышенно думали, что табачница ушла в Общество международной родительской помощи. А тут подходит угодливый и по своему почину дает обидную для романтически-возвышенной души расшифровку: «Ушла в отдел местного рабочего питания» или что-то в этом роде.

Вред от угодливого в его надоедливости, польза — в определенном удобстве; не надо отлавливать вечно глухих старух и допытываться как найти нужный номер дома. Угодник-профессионал неприятен всем остальным кроме обхаживаемого. Это сложное качество человеческого рода, очень часто бескорыстное. Угодник также отличается от расчетливого льстеца, как веселая и добрая б... от валютной проститутки.

В трамвае угодливый всегда полезен, ибо здесь он выступает любителем. Профессиональные же качества угодливый проявляет в более достойных, официальных местах. Любопытна их встреча в вагоне 13-го маршрута: угодник-профессионал наслаждается действиями угодника-любителя. Что заставляет его задуматься. И на том спасибо.

* * *

Отчаянность не следует путать с отчаянием. Отчаянный с отчаянием пытается понять, почему был в свое время введен ГОСТ 6649-53 «Булка городская» вместо ОСТ 5109, 5140 и 5141 в разделе «Булка французская»? Точно также он ломает голову: термин «брокер» удачнее издавна практикуемого «маклер»? Отчаянный же с отчаянностью — вот какой человек.

Он либо от природы безрассудно смел, либо его нервная возбудимость (большое содержание адреналина в крови) превозмогает сознательную, воспитанную осторожность.

В житейском понимании отчаянный чаще всего глуп, нежели умен; чаще невоспитан, чем воспитан до уровня среднего обывателя. Можно сказать, что подобно женщине, он живет более сердцем, чем умом. Умный и воспитанный отчаянный, притом психически идеально уравновешенный,— это на один процент прекраснейшей души человек, а на остальные девяносто девять исключительное в своем роде, затаенно-коварное, дальновидное чудовище. Патологически несовместимые качества.

В трамвае отчаянных не наблюдается; в детстве они ездят на «колбасе», между вагонами и на крышах. В зрелые годы они либо БАМ строят, либо на отсидке находятся, а в новейшие времена сплошь на «мерседесах» мчатся в неоглядную даль. Женщины во все времена их любят страстно, но с недоверием.

* * *

Тупоумие всегда врожденное, потому и число тупоумных статистически определено, а сам носитель этого порока — вот какой человек.

Если он когда-то в несчастливую пору своей жизни лечился в психоневрологическом диспансере, потом, как водится, его периодически вызывали повестками на осмотр, а еще позже, лет через пять-шесть, его по ошибке вызовут совсем уж напрасно, то на извинения регистраторши (мол, могли и не приходиться, просто ваш начальник должен был по повестке позвонить им в регистратуру...) он с гневом ответит:

— Мой начальник цеха не унижится до того, чтобы звонить в ваш диспансер!

Мораль такой репризы: можно и пить из колодца, и плевать в него, а заодно и на самого себя.

В трамвае тупоумный сторона страдающая. Он не может сообразить (в недавние времена), почему в трамвае можно компостировать троллейбусный абонемент, если нет трамвайного, но почему нельзя использовать дорогой пятикопеечный автобусный? Это выше его интеллектуальных возможностей сообразить, что автобус при-

надлежит пассажирскому автотранспортному предприятию, а механизмы на электрической тяге — коммунальному хозяйству города. У кого денежки у того и девочки.

По моим наблюдениям, более всего тупоумных встречается в среде демократической интеллигенции, мастеров производственного обучения в профтехучилищах и школьных преподавателей труда — практиков. Может быть это и не так, а если так, то разве их вина в этом? Очень похожи на тупоумных унтер-офицеры, но это всего лишь следствие уставной дисциплины.

* * *

Крохоборство противоположно безудержной щедрости, а поскольку в наши прагматические дни последнее чаще всего есть род лицемерия, то по логике вещей получается, что крохоборство противостоит лицемерию, а значит является качеством скорее положительным. Сказанное — достойный пример того, как из верных посылок могут следовать ложные выводы, ибо крохобор — вот какой человек.

Крохобор прежде всего жертва одностороннего воспитания. Его так сильно муштровали в детстве по части аккуратности, экономичности и мелочной бдительности, что в переломном возрасте случилось пересахарение. Сахар же вкусен и полезен лишь когда кладется пропорционально объему и качествам продукта.

* * *

Крохобор и домашние шлепанцы подбивает подковками, чтобы «сносу им не было», а потом раз в год нанимает за немислимую сумму халтурщиков для переукладки изгвожденного паркета.

В «офисе» начальник-крохобор пилит и пилит несчастного, опоздавшего на минуту, но и в голову ему не приходит выяснить: почему Н. с обеда приходит на час позже, а К. уходит на час раньше? То есть крохобор чаще всего вредит самому себе.

В трамвае пожилой крохобор похваляется своей догадливостью. Войдя в вагон, он вынимает из кармана записную книжку, а из нее пачку проколотых абонементных талонов и полоску чистой бумажки. Последнюю крохобор компостирует и по полученному образцу ищет талон с аналогичным абрисом проколов. Когда его начинают укорять и стыдить старушки (по всей видимости из бывших коммунисток), он весело и с прибаутками объясняет, что-де совесть дело наживное, а у него за неделю экономия на бутылку «Русской» набегает! Совесть — богатство, а мы люди бедные...

Не следует путать с крохоборами мелочных изобретателей и детей-коллекционеров гвоздиков, пуговиц, вкладышей от жвачек и прочей мелкой дряни.

Плюшкин — гений крохоборства (Гоголь был злой человек), но его последователи никогда не соберут ему на памятник: они отделаются позеленевшими копейками и пяточками советского еще, а то и царского чекана.

Кстати, о мелочных изобретателях; все же, по здравому разумению, они близки к крохоборам. Лет десять доводилось ездить на службу за Носково на третьем номере трамвая мимо Комбайнового завода (ныне АОТ «Рашель-фармер» — мастерская по производству кос и серпов). Так аборигены маршрута не раз указывали на невзрачного гражданина, работавшего уже четверть века на комбайновом рядовым технологом. Все эти двадцать пять лет он приходил на службу на полчаса раньше и по лично разработанному графику обходил участки цехов. Усевшись ровно — по звонку — за свой стол, 15—20 минут, пока женщины причесывались, оформлял рацпредложение, которое в обеденный перерыв сдавал в цеховой БРИЗ, что гарантировало «десятку за инициативу». Складываясь друг с другом, инициативные десятки в стабильных советских рублях постепенно одели-обули всю семью, построили двухэтажную дачу, купили кооперативы дочери и сыну, кирпичный гараж, в который вскорости въехали «Жигули» последней по тогдашнему времени модели. Правда нелюбящий крохобо-

ров бог наказал: одну рядовую «рацуху» заприметил матерый заводской изобретатель Волков и такую панаму из нее соорудил на предмет изменения всего техпроцесса изготовления комбайновых шнеков, что потом два года он сам и руководство завода отходили от кассы с разбухшими карманами. Здесь технолог сорвался, мертво запил, был уволен и изгнан женой из дома. Но на его счастье, пришли новые, крохоборско-меркантильные времена. Он одумался, вовремя и в нужных местах побегал с трехцветным флагом, а при раздаче должностей победившей демократией получил высокий пост заведующего городскими общественными туалетами, которые он тотчас сделал платными. Купил «Мерседес» и был восторженно принят супругой. Неисповедимы судьбы человеческие!

* * *

Все мы суетимся, но настоящий суетливый — вот какой человек.

Ему всю жизнь снится один и тот же сон: спешащий человек в великой спешке по спешно построенной дороге спешит на наспех собираемое соревнование по сортировке пшенично-гороховой смеси.

Спешат обычно либо кипучие бездельники, либо деловые люди. Все остальное население сидит в пивных либо отдает почести спешащим, рассевшись вокруг арены, на которой первые суетятся, суетятся, суетятся... А зачем? — Сёрен Кьеркегор остроумно заметил: хочется неудержимо хохотать, когда суетящемуся человеку падает на голову черепица с крыши, ибо его спешка в жизни не продолжила ни на секунду отпущенной длительности ее.

В трамвае суетливый безусловно вреден: не стоит на отведенном месте, а без толку мечется по вагону, толкая пассажиров и наступая им на ноги. Суетливого никогда не перепутаешь с услужливым, но часто такой беспокойный пугает народ; думают — вошел контролер. Не место таким в общественном транспорте.

* * *

Любимый сюжет великолепных советских фильмов 50-х—60-х годов: взбесившийся академик в восемьдесят лет бросает свою почтенную Эсфирь Исааковну, что шла с ним рука об руку с народовольческих времен, и влюбляется в семнадцатилетнюю студентку Шурочку (Впрочем, партком и президиум Академии восстанавливают статус-кво, а Эсфирь Исааковна утешает Шурочку и поит ее чаем со свежей мацой и малиновым вареньем). Еще умные древние греки указали на это опасное свойство стариков молодиться, назвав его *опсиматией*. Это явный признак сексуальной инфантильности, а сам опсимант — вот какой человек.

Он полагает: я почтенен духом, но молод телом (в то время, как все нормальные старики считают наоборот) и объясняет этот геронтологический эффект правильным режимом жизни. Поэтому опсимант очень бережет себя.

В день полочки и накануне больших революционных, новодемократических и старорелигиозных праздников он пьет с молодыми подчиненными, а когда компания расходится, то с сожалением в голосе говорит:

— Эх, ребятки, жаль что у меня на сегодняшнюю ночь ангажирована девочка, молоденькая такая, лет девятнадцати, студентка... а то бы сводил вас на одну хатку. Смак! Три подружки там — на любой вкус, пальчики оближешь!

Когда же чувствует по ухмылкам самых непочтительных, что не верят, то, придя в свою старохолостяцкую квартиру с текущими трубами и поблекшими обоями, мучаясь и страдая желудком, до двух часов ночи пьет крепчайший чай и читает без очков старые газеты, чтобы утром появиться на работе с желтым лицом и синяками под глазами. Однако побрит он тщательно, а остатки волос на темени и висках зачесаны в игривую спираль.

Вообще такой человек любит подстригать волосы в носу, а на базаре покупает подозрительные корневища жень-шеня и золотого корня у восточного человека в оранжевой бараньей шубе. Разумеется, они поддельные.

Для трамвая молодящийся находка. Никто так лихо не вскакивает с места, чтобы уступить его красотке, бабушке с неподъемной сумкой, на худой конец — мамаше с наглежащим уже в три года младенцем.

Опсимант в руководстве — раздолье для карьеристов.

* * *

Нечистоплотность или антигигиеничность — качество исторически относительное. То, что считалось чистоплотностью пятьдесят лет тому назад, сейчас — нечистоплотность. И так везде, во всем, всегда. А нечистоплотный чаще всего — вот какой человек:

— У нас нет дома ванны, а все близлежащие бани перепрофилировали под ночные массажные заведения.

— В столовой своего учреждения он ест салными ложкой и вилок, потому что в кухонной моечной вторую неделю нет горячей воды.

— На работе он ходит в запачканных до колен грязью брюках, в невымытых заляпанных ботинках, ибо на улице осень, грязь на асфальте взбухла, а в учреждении щетки для чистки не предусмотрены дисциплинарным уставом.

— И так далее до бесконечности. Натуральный же нечистоплотный выявляется в мелочах: ковыряет пальцем в носу, не чистит под ногтями, волосы грязны и всклокочены.

В трамвае нечистоплотный плюет на пол, аккуратно выворачивает для чистки от слипшихся крошек брючные карманы и с наслаждением ссыпает весь годовой сор на пол. Зимой он раскрывает рот и с тупым упорством шумно дышит в стекло, оттаивая пятачок. Зачем ему видеть тысячу раз виданное? — Он и сам не знает.

* * *

Болтун — находка для шпиона! Многие еще помнят плакаты с этим лозунгом, а болтливый — вот какой человек.

У обычного, нормального человека слух связан с языком через обдумывающий мозг. У болтуна же по необычайному капризу природы барабанная перепонка и основание языка связаны натянутой струной, так что все слышимое тотчас воспроизводится языком. В этом вред болтуна для человеческого общества, ибо редко кто из людей терпит подле себя стократный усилитель собственной речи.

Болтун полезен только в одном случае: когда в квартире, где собрались гости, погасло электричество (например, самый пьяный согнул хозяйкину вязальную спицу узкой буквицей «U» и со смехом вставил ее в розетку). Поскольку все говорящие и поющие приборы тотчас умолкли, а сами люди с изобретением телевизора разговаривать разучились, то именно болтун восстанавливает общий звуковой фон; не хлопать же крышкой о кастрюлю?!

В трамвае болтун — находка для общительного пьяницы, скучающей девушки на выданье и ... для настоящего шпиона. Вообще говоря, все шпионы гнездятся в трамваях Большого кольца; больше им в «закрытом» городе податься некуда.

* * *

Новые времена махрово распушили такое человеческое качество, как бессовестность. Это то, что мы осуждаем в других людях, но тайно стараемся выработать в себе, а бессовестный — вот какой человек.

С точки зрения официанта: когда на поданный счет с рублями (ранее с копейками) клиент и расплачивается с точностью до рубля (ранее — до копейки).

С точки зрения шофера: человек, попавший под колеса его машины.

С точки зрения основного наследника: все остальные родственники покойного и так далее.

Верх бесстыдства, когда некто пьет за счет другого, а под конец, расцеловавшись, просит сотню-другую «до четверга».

Бессовестная женщина — это та, которая, встретив на бульваре любовника, прогуливающегося со своим сыном, тетешкает последнего: «Ули-ули-гули! Вот и женишок для моей Иришки растет!»

В трамвае бессовестный это не безбилетник даже, это человек и понятия не имеющий о нынешней цене билета. Это ему незнакомо. Никакие теории не заменят практику, а практики покупки трамвайных абонементов у бессовестных нет. С бессовестными часто путают пенсионеров, входящих с передней площадки, а также грубых, необразованных людей, не уступающих места старушкам, беременным и инвалидам войны, труда и межнациональных конфликтов.

Бессовестный, как правило, человек жизнерадостный и крепкого, неугасимого здоровья.

Кстати по поводу ныне совершенно забытого правила входа в транспорт с передней площадки. Отменено оно явочным порядком напрочь. Однако память о некогда бытовавшем порядке в народе жива. Один мой приятель, десятью годами старше, даже опаздывая на работу, стремится войти в заднюю дверь трамвайного вагона, ибо памятно 15 суток принудработ за попытку войти в переднюю дверь в год запуска первого (советского) искусственного спутника Земли, то бишь в пятьдесят седьмом.

* * *

Наследием предыдущего проклятого прошлого (предыдущего — в отличии от недавнего 1917—90 гг., также ныне отнесенного к категории «проклятого») считается суеверие. Это когда люди были наивными и пугливыми, беззащитными перед воздействием климатических неурядиц. Сохранилось суеверие и поныне, а суеверный — вот какой человек.

Если он напился невзначай и попал в вытрезвитель, то в следующий плановый запой он выберет для священнодействия распивочную в противоположном конце города. Это чистое суеверие, ибо вытрезвители имеются в каждом районе, даже в противоположно расположенном.

Суеверный зашел в магазин (во времена уравнительного распределения) и случайно «напал» на дешевую полукопченую колбасу. В то время, как обычный человек возьмет полкило, кило на крайний случай, суеверный же купит разрешенные два килограмма, затем снова отстоит в очереди, опять купит два кило и устроит скандал, когда продавец опознает его в третий заход и откажется взвешивать колбасу. Это тоже суеверие, покупать четыре кило колбасы, ибо хотя в следующий раз он ее встретит нескоро, но как же он не бережет свой и домочадцев желудок, питаясь несвежей, третьесортной, почти несъедобной колбасой?

Темный суеверный не садится в трамвай 13-го маршрута и просто в вагон с инвентарной цифрой «13». Просвещенный же суеверный не садится в номер седьмой (несчастлирое число у греков) и в тот же тринадцатый. Впрочем, когда они опаздывают на поезд, свидание, работу, домой — после работы, они едут в этих самых номерах, но только не произносят их вслух и молчат на вопросы неграмотных: «Че, это тринадцатый? А? Оглох что ли?!».

Суеверный все время боится, что вот-вот в вагон войдут контролеры, поэтому жметя к двери и вглядывается во входящих на остовках женщин, отыскивая также

контролера: женщина лет 40—50-ти, в драповом пальто и без сумки. Последнее особенно его настораживает, суеверный выпрыгивает из уже тронувшегося трамвая, в то время как вошедшая, отнюдь не контролер, спокойно пробивает абонемент и садится. Ее сумку держит стоящий рядом супруг, интеллигентный школьный учитель.

Суеверие вредно, от него идут многие хлопоты.

* * *

Недоверчивость не похожа внешне на осторожность также, как грубая сомнящая женщина не похожа на умную и дальновидную любовницу, то есть все дело в эффекте приятного или неприятного впечатления, а недоверчивый — вот какой человек.

В общественном туалете недоверчивый прежде всего убедится в работоспособности смывного бачка. Здесь недоверчивость еще граничит с осторожностью. Но бывает, что недоверчивость граничит с глупостью. Если такой человек на почте запутается в бланках и индексах, а вмешавшийся со стороны спросит: «Вам, наверное, бланк для заграничной посылки нужен?» — то недоверчивый с признаком глупости закричит на все помещение: «Что я, шпион что ли, за границу посылать!?!» А когда ему резонно заметят, что не только одни шпионы за границу посылают и не одни диверсанты за границей живут, тот возразит, что он грамотный и достаточно читает газеты и смотрит телевизор, чтобы знать кто там живет.

Чистопородный недоверчивый даже летом, в сорокаградусную жару, требует подогрева пива, не доверяя словам буфетчицы, что оно «и без того кипит».

Недоверчивый отрицает все слухи. Иногда это приносит ему хороший результат. Так недоверчивый тридцать лет хранил облигации послевоенных займов, не веря скептикам что-де все пошло прахом, а потом регулярно, в известные дни, стоит в очереди в сберкассе и выходит с очень довольным лицом.

В трамвае недоверчивый сам пробивает абонементный талон, хотя бы для этого ему нужно протиснуться с полвагона через спрессованную толпу. Поэтому недоверчивый в часы пик — истинный бич божий для пассажиров. К тому же он входит в трамвай всегда с передней площадки первого вагона и выпытывает у водителя номер трамвая и возможные отклонения от маршрута; номерным знакам и объявлениям по внутренней трансляции он не верит.

* * *

Вестовщичество в корне изменило свою суть с античных времен до наших дней. Если раньше это было связано со злой магией накликания беды на чужую голову, то теперь это благодушное изобретение слухов, а сам вестовщик — вот какой человек.

Он читает газеты и делает далеко идущие выводы, то есть, говоря языком ученым, экстраполирует события. В этом смысле он сродни Норберту Винеру, отцу кибернетики, который подошел к идее своего учения (правда, двадцатью годами раньше основу кибернетики, как всеобщей организационной науки, разработал русский марксист А. Богданов...) также рассматривая экстраполяцию — в техническом ее приложении. Так что основной творческий метод вестовщика непорочен. Напрашивается вывод: порочен сам вестовщик, поскольку делает неверные выводы из верных посылок.

Вестовщик предрекает на очередных выборах в Госдуму победу красно-коричневых фашистов и Нины Андреевой, погашение долгов «МММ» обязательствами госбанка, войну с казанскими татарами, Китаем, США, Канадой, ЮАР, островом Занзибар. Он пророчит исключение России из Международного валютного фонда и, как следствие, исчезновение из продажи на ближайшие пять лет соли, спичек, подсолнечного масла, соленых огурцов, а также экзотических колониальных фруктов и овощей.

Вестовщик по своей прихоти разводит и женит киноактеров и певиц из оперы и эстрады, государственных деятелей и продавщиц соседнего универсама.

Чаще и охотнее всего вестовщик предрекает ухудшение погоды и вообще всемирной экологии из-за «спутников», испоганивших всю земную атмосферу.

Вестовщика можно понять. Это просто неудавшийся оратор, политик и дипломат. Без ума, конечно. А имеет все внешние атрибуты соответствующего таланта: безудержная словоохотливость дергает и дергает его за язык.

Трамвай — общественная трибуна вестовщика. Он с нее вещает и доволен, ибо из трамвая на ходу не выйдешь, вот и публика не расходится во время лекции.

Лично я люблю вестовщика в трамвае. По крайней мере это лучше чем пьяный матершинник или рассуждения интеллигентных дам о правильности курса реформ Гайдара-Явлинского-Боннэр.

* * *

Бесстыдство — обезьяний порок, но если для нашего прородителя он естественен, то для *homo sapiens* — это отвратительный атавизм. Он не менее противен, нежели другие атавизмы: хвостатость, сплошной по телу волосяной покров (как у моего бывшего начальника Велимира Семеновича Танкерова), борода у женщины, женские груди у мужчины, отсутствие последних у женщин... Все одинаково вызывает неприязненное чувство и от бесстыдных людей сторонятся, а сам он — вот какой человек.

На службе бесстыдная женщина всегда стремится отпечатать свои бумаги вне очереди. Поэтому она отзывает в сторону секретаршу и по секрету сообщает ей доверительно, что-де начальник по-рассеянности потерял где-то подготовленные ею к отправке в министерство отпечатанные документы. Она же хочет выручить их директора и просит ее, секретаршу, заново и срочно отпечатать с черновика эти самые 50 страниц. Но чтобы начальник («А он у нас человек хороший, совестливый») не испытывал неудобства, пусть она сделает это незаметно для него и отпечатанный документ отдает ей.

Бесстыдный человек способен отнять конфету у ребенка, копейку у цыганки, надежду у падающего, посох у слепого... Словом, перечислению нет конца. Для бесстыдного не существует очереди (см. выше), порядка, но одно он свято чтит: субординацию и чинопочитание. Это только помогает ему чувствовать себя на вершине безудержного бесстыдного чувства безнаказанности. Однако бесстыжие очень многим нравятся. Бесстыжая женщина привлекает мужчину доступностью, а бесстыдный мужчина покоряет женщину своим суррогатом смелости и мужественности, вседозволенности и житейской практичности. Словом, бесстыдство заменяет в глазах женщины все те качества, которые ее традиционно гипнотизируют и зачаровывают; как удав кролика.

Многие полагают, что бесстыдство только рядится в тогу естественности поведения. Они не правы. Как и все другие спекулятивные качества человека, бесстыдство хотя и вырабатывается в человеке искусственно, но становится качеством естественным. Это означает, что бесстыдный не считает, будто он отклоняется от каких-либо общепринятых норм морали и поведения.

В трамвае бесстыдный способен украсть передаваемый абонементный талон, но пробивать для себя он его не будет, спрячет впрок, а постарается в суতোлке украсть еще и передаваемый пробитый талон. Вообще говоря, в трамвае трудно разобрать: кто бесстыдный, а кто нет.

* * *

Бестактность случается от двух причин: от невоспитанности и от чрезмерного воспитания, сам же бестактный — вот какой человек.

Воспитанный бестактный — кандидат в бесстыдники, невоспитанный же есть жертва среды. Тот и другой могут сознавать и неосознавать свою бестактность. Но что

особо удивляет — любой из них всегда тактичен с начальником и только совсем уж бестактный одинаково равно ведет себя в любом присутствии. Такому лучше совсем рта не раскрывать и работать ночным сторожем.

Особенно досадлив тот бестактный, который, сидя за праздничным столом, рассказывает какую-нибудь байку и обязательно скажет, обращаясь к хозяину дома: «Да-да, Петр Карпыч, это случилось именно в тот день, когда я утром встретил вас выходящим из вытрезвителя»... Бестактный — горе в людском собрании, конфуз для родственников, умной жены и взрослых детей.

Бестактный, попросив у вас закурить и получив сигарету, тут же не применит заметить: «Ты, дорогой мой, никогда не бери сигарету из пачки руками, а предлагай пачку, чтобы я сам мог взять. Может у тебя сифилис и ты заразишь человека...»

Кстати, бестактный, встретив приятеля, просто неработающего в тот день по болезни сослуживца, не удовлетворится ответом, что-де болен, а станет допытываться: чем болен, не заразен ли воздушно-капельным путем... Даже у женщины.

Бестактная женщина (как правило, одинокая и невзрачная), кошка которой воспитывает двух народившихся котят, на вопрос добродетельного соседа, взявшегося пристроить одного котенка, — «А как же второй?» — обязательно ответит: «Это не вашего ума дело».

В трамвае бестактный уступает место молодящейся старушке, чем приводит ее в кислое негодование. В остальном бестактный так же трудно отличим в трамвае от обычного человека, как и бесстыдный. Все подобные качества нивелируются в общественном транспорте.

* * *

Пожалуй, грубость по всем оценкам самая противоречивая черта характера человека, ибо в производственной среде грубость считается признаком деловитости и энергичности. На женскую душу и сердце мужская грубость производит самостимулирующий эффект. В то же время грубость в принципе нетерпима в светском общении, в педагогике и пр. Сам же грубиян — вот какой человек.

Он не употребляет слов вежливого общения. Если жена, любовница, подруга по-женски бездумно пожалуется ему (дескать, старшая сестра недовольна ее новой прической, платьем, туфлями...), он тотчас взбеленится, подойдет к несчастной сестре и грубо отзовет ее в сторону:

— Эй, ты, слышишь, отойдем, поговорим!

А услышав в ответ на обвинение, что имевший место разговор дело родственное, тут же, ухмыляясь и приглаживая гребешком волосы, ответит, что еще неизвестно кто кому здесь больше родственник.

Раньше грубияны ходили в смазных сапогах с галошами и играли на гармошках. Теперь же по большей части они носят темнозеленые фетровые шляпы с маленькими полями, играть сами не умеют, зато пьют много водки и самогону, но встречаются и вовсе не пьющие. Последние чаще всего хамы-максималисты; их ничто не излечит. Грубиян обычно хорошо ладит с начальником, особенно на грубых физических работах, поскольку здесь начальники верстаются из таких же грубиянов.

В новейшие времена грубияны из молодых отрастили себе огромные морды и животы, носят разноцветные цирковые спортивные костюмы китайской фабрикации, на голове — синей картуз с утиным козырьком и надписью «555», а занимаются мелкой спекуляцией.

«Интеллигентный» грубиян — законченный тип хама и подонка. Его обычно терпят, не желая связываться; в силу своего происхождения он обладает большой свирепостью, наглостью, физической силой и поддержкой собратьев-грубиянов. Он опасен, как опасен зверь. Интеллигентность же приобретает, как правило, на отсидке в лагере строгого режима.

Подлинный бич божий — грубиян в трамвае. От него даже и уйти нельзя. Приходится терпеть. Испытывать наслаждение — это смотреть, как в трамвае 3-его или 9-го номера грубиян «окучивают» еще более грубые или не грубые, но сильные люди. Грубиян смиряется только перед силой, ибо он зверь.

* * *

Приверженность к олигархии — свойство очень многих людей; оно воспитывалось исторически. Сам же приверженный к олигархии в обыденной жизни (в общественной, политической, гражданской, социальной — все это многословно и многократно описывается и списывается в толстых и тонких книгах романов, повестей и пр.) — вот какой человек.

Он водит пятилетнего сынишку по зоопарку, показывает на зверей в клетках и объясняет, подбирая соответствующие содержанию объяснений тон речи, выражение лица, позу: это, сынок, обязяны — несерьезные животные; вот пресмыкающиеся, гады, хорошо во всякой жизни устраиваются! А это? Это-о... Ишь ты, табличка какая: «Дружное семейство льва и волков» (небойсь, завхоз деньги на клетку волкам пропил, а серых подселил ко льву!). Видишь, сынок, вон лев сидит, мясо кушает. Он везде главный зверь, начальник! Смотри, кость обгрыз и волкам передал. Те и рады костям, а у льва еще полтуши осталось телячьей; сейчас отдохнет и продолжит завтрак. Так, сынок, и в жизни должно быть: начальник — лев, ближние подчиненные — волки, а все остальные — мелкие зверушки.

Сам приверженный к олигархии жизнь свою не мыслит без льва-начальника. В этом смысле он велик и жалок одновременно: велик своей верой в строгую регламентацию мироздания, а сочувствие вызывает неумением прыгнуть в части должности и оклада выше своего шестка. Жены чаще ими недовольны.

В трамвае приверженец олигархии, если при нем чемодан, всегда пробивает положенные по инструкции три багажных абонементных талона, даже в нашем городе, где это отродясь не принято. Кроме того, он пугает и раздражает пассажиров, одергивая бабок, расшумевшихся по поводу нищенски малых пенсий и бесконечно растущих цен. Таким людям наиболее сложно жить в период переходных эпох, когда в государстве нет твердой руки. Люди это чаще хорошие в соседском общегитии.

Ворчливость есть признак добродушия или вечного недовольства; в последнем случае она сближается с брюзгливостью. А ворчливый — вот какой человек.

Он ворчит на работе, в семье и даже наедине с самим собой. Ворчливые пожилые женщины общаются, преимущественно, со своими котами и собаками, которым импонирует такое внимание.

Ворчливому достаточно самого малейшего повода. Это своего рода глухая словесная лавина, которая не может не обваливаться в положенное ей время. Причина ворчливости, как ни странно, кроется в неуверенности — младшей сестре робости. Человек, будучи наделен очень подвижным языком и в то же время сомневаясь в своем праве и способности громко излагать то, что он думает и считает нужным сообщить другим людям, после длительной борьбы искушения с робостью приходит к компромиссу: становится ворчуном. А поскольку ворчливого никто не слушает, то и ему становится безразличным: слушают его или нет. Так и привыкает ворчать, даже находясь в одиночестве. Правда, в последней ситуации ворчливого не следует путать с самоговорящими тихими идиотами; у них это болезнь, недуг, ворчливый же — жертва неуместного сочетания черт характера.

Добродушные ворчуны безвредны, даже оригинальны и полезно смягчают напряжение чрезмерной в ином сообществе деловитости и прагматизма. Вечно же недовольные или брюзги надоедливо и утомительны, но и они не из тех, кто кусает явно или изподтишка.

В трамвае ворчливому раздолье. Раньше, когда в вагонах были кондукторы, то ворчуны сплошь недовольствовались тратой государственных средств и малой механизацией в транспорте. С заменой же живых людей на бездушные компостировочные автоматы они чуть не со слезами стали вспоминать старушек с билетными сумками через плечо.

Постоянный объект их ворчливости: скорость движения (то малая, то чрезмерно высокая), неровная работа мотора, пробки в пиковые часы, искры на стыках рельс или на контакте пантографа с проводом и т.п.

Ворчун в трамвае такая же неизбежная фигура, как, скажем, бравый полковник в очереди на приобретение акций в конторе «Русского дома селенга» (в эпоху его расцвета).

Вред от них небольшой, да и то чисто клинического характера.

* * *

Назойливость человека — это не назойливость комара; комара можно прихлопнуть, а человека приходится слушать и даже со зверской гримасой доброжелательности, поскольку назойливый почти всегда вежлив, кроме того он — вот какой человек.

Назойливый, не понимающий своей настырности, образуется примерно так. Он проходит мимо газетного киоска и видит совершенно случайно, по ошибке выставленный на витрине киоскершей номер порнографического журнала, особо популярного в данный сезон среди школьников, импотентов и сексуально-озабоченных демократов. Задыхаясь от восторга и волнения, он ощупывает карманы, находит бумажную мелочь и покупает номер, заплатив положенные 35 рублей. Выждав календарный месяц, он уже со специальной установкой подходит к киоску, искательно улыбается и спрашивает очередной номер. Киоскерша понимающе улыбается знакомому клиенту и достает требуемое из-под прилавка. Непонимающий достает четыре десятки и вручает продавщице. Та кладет их в ящик стойки и еще раз улыбается. Клиент не уходит и выжидательно смотрит на киоскершу. Та гасит улыбку и раздраженно бросает на прилавок пятерик.

Еще через месяц назойливый непонимающий подбегает к киоску, но не находит ни улыбки, ни номера. Продавщица сквозь зубы сообщает, что-де журнал в их киоск более не поступает (А он сам видит, как рядом старшие школьницы любознательно рассматривают только что купленный свежий номер). Он огорчается, но тем не менее каждое 10-ое число задает утомленной назойливостью киоскерше свой глупый вопрос. И так будет длиться до тех пор, пока редакция журнала не уедет в Нью-Йорк или Тель-Авив, либо к власти в стране не придут коммунисты или фашисты.

Так формируются непонимающие назойливые, мешающие деловым людям работать.

Понимающий назойливый чаще всего добивается своего, особенно если попадет на человека со слабыми нервами, не выдерживающим болтовни.

Называют еще и третий тип — назойливых языком. Но это большей частью женщины, не столько назойливые, сколько обыкновенные болтушки.

В трамвае назойливый пристаёт к вам, интересуясь нужной ему остановкой. И хотя вы объясните, что сами едете до конечной и скажете, когда будет нужная тому остановка, назойливый еще раза три напомним, а выходя из вагона, опросит и других пассажиров.

* * *

Тщеславие — тень от фальшивого венка лавра, так что обладателя такого качества собственно следует пожалеть, но характер тщеславного столь отравлен ношением обманной тени, что мы уже не задумываемся о предтече, а ненавидим несчастного носителя отвратительного порока. Сам же тщеславный — вот какой человек.

Наиболее распространенный тип тщеславного — средний начальник. Такой вызывает к себе строптивного подчиненного, публично обидевшегося на него, и, увещевая, говорит: вы, конечно, понимаете, что к старшему по должности необходимо чувствовать так сказать, ну ... почтение что ли какое! Так говорит еще малоопытный в деле тщеславия молодой и зарывающийся начальник. Он прям и бьет не в бровь, а в глаз. Более опытный склоняется к спеси. Высокопоставленный опытный тщеславец придает своему качеству характер величественности, то есть в передаче своего сияния тщеславия он использует посредников.

Отвратительнее всех бесчиновный тщеславный; он зол как собака, спесив как начальник. Это чистое отродье славного тщеславного племени.

В трамвае тщеславный ездит по необходимости, считая этот вид общественного транспорта низким для себя. Однако если выхода нет, то он все же входит в вагон, проходит и усаживается на боковое (слева) одиночное сиденье, чтобы не иметь соседа. Если же левый ряд полностью занят, то проходит в угол передней площадки и отворачивается к окну. Он молчит, абонементы никому не пробивает, делая вид, что не замечает протянутой руки. Он неприятен.

* * *

Скарედность — гипертрофированная бережливость. Сам же скаредный — недостойный потомок порядочных родителей — вот какой человек.

Он жаден до неразумения. Если в здоровом коллективе некто из сослуживцев не успел сходить пообедать в перерыв и прямо от задержавшего его начальника входит в комнату, где закусывает булочкой скаредный, и, не в силах побороть реакцию на выделение желудочного сока, просит отломить ему кусочек, тот, пугаясь, быстро запихивает булочку в рот, с трудом прожевывает ее, давится, обижается и говорит: но я же сам не обедал. При таком раскладе он может потерять друга; повторю, в жадности скаредный неразумен.

Скаредный осторожен до нелепости. Если некто просит у скаредного-книгособрателя дать почитать на пару дней 3-ий том полного собрания сочинений Густава Эмара или Шолохова, обещая полную сохранность («Даже дышать буду не на страницы, а отворачиваясь в сторону!»), тот с самым ласковым и понимающе-усталым видом объяснит просителю следующее. Дескать, он и не сомневается в порядочности и бережливости своего давнего приятеля, но вдруг, не дай бог, пожар или дом («Он ведь блочный у тебя?») обрушится. Значит я останусь без 3-го тома? Какая же тогда цена будет собранию сочинений?..

Если скаредный маленький или средний начальник, то он подбирает на учрежденческой помойке выброшенный старый шкаф и волочит его в свой отдел. То же самое он призывает делать и подчиненных. У такого начальника постоянно на рубль пятаки делаются и никогда наоборот.

Понятно, что в трамвае скаредный ездит без билета и другим то же самое советует. Кроме того, он иногда делает целый круг на трамвае кольцевого маршрута без надобности, теряя час-полтора, зато от всего сердца радуется: на один абонемент весь город объехал!

* * *

Когда речь идет о черте характера — подлости, то наиболее педантичные различают два подвида этой черты: подлюлюбие и подлокорыстие. Поскольку оба родственные эти понятия непосредственно связаны с сеятелями подлости, то их носитель, подлец — вот какой человек.

Подлюлюбец и подлокорыстный — это любитель и профессионал подлости, поэтому их особенности в отношении к подлотоворению и определяются этими статусами.

Подлолюбец жить не может, не делая гадостей. Это его театр, искусство, самовыражение, услада, альфа и омега бытия, жизненная потребность. Делать подлости — это его эйфория. Поэтому-то подлолюбец обычно не пьет, не курит, слабо интересуется женщинами; разрядку он находит в другом.

Подлокорыстный творит гадости в силу своей профессии. Поэтому он может восемь часов в день (с перерывом 48 минут на обед) быть подлецом, а остальное время суток, выходные, отгулы, праздники и отпуска использовать по-своему, то есть и не быть подлецом. Как и в любой обычной профессии, подлокорыстный может работать «без любви и без ненависти». Такой страшен в служебное время, но является вполне нормальным, даже доброжелательным человеком после «работы», то есть когда он утомился совершать неприглядные деяния или это не гарантирует корысти. Но трудоголик-профессионал подлокорыстия много страшнее подлолюбца, ибо использует свой страшный опыт в любых ситуациях, где сверкнет золотая или серебряная монета, а то и на медяки разменяется.

Стандартная шутка подлолюбца: звонить по телефону или писать анонимные письма и называться доброжелателем. Иногда он бросает из окна на тротуар вслед проходящим людям мелкие монетки и наблюдает, как те их ищут и поднимают под смех дворовых зевак. Имеются у подлолюбцев и другие интересные занятия.

Любимые же методы работы подлокорыстного — подсиживать начальника, выживать подчиненного, подкладывать свинью коллеге.

Как правило, профессионал много тоньше и умнее любителя, иначе он бы не сумел жить своей работой, а переквалифицировался в обычного, малоинтересного человека с какой-нибудь малоодоходной профессией.

В трамвае подлолюбец нарочно неправильно называет остановки старушкам, детям и слабосильным интеллигентам, то есть от кого нельзя получить по шее. Подлокорыстный же кладет пробитый абонемент в карман, а передавшему отдает завалившийся в том же кармане старый, пробитый другим номером. После чего быстро уходит в противоположный конец или вовсе на остановке переходит в другой вагон.

В новейшее время, подлость — основа жизненного успеха.

* * *

Бахвальство и высокомерие — это два варианта выражения чрезмерно развитого самомнения. Носитель таких занимательных качеств — вот какой человек.

Бахвальство усматривается у человека, самомнение которого, в силу врожденного добродушия и склонности к фантазированию, выливается в грезы о собственной значимости. Напротив, высокомерный человек чаще туп и нехудожественен, так что его самомнение выражается надутыми щеками, бессмысленно-серьезным выражением глаз, бледностью стиснутых губ. В эпоху американизации отечественной жизни такой человек постоянно жует жвачку, вырабатывая квадратность от природы мягкого, бесформенного славяно-татарского подбородка.

Бахвальный чаще хвастается преосуществлением естественных человеческих стремлений к успеху у женщин, физической силой, бескорыстием, силой воли. Высокомерный роняет сквозь зубы о своем уме, значимости и общественной полезности.

В трамвае бахвальный человек кричит на весь вагон, что он ездит без билета уже третий год и впредь не собирается платить из ухарства и озорства. Высокомерный платит, молчит и торчит как пень на самом проходе. Не вздумай его толкнуть: обольет презрительным взглядом.

* * *

Трусость — преувеличение обычного страха, а трусливый — вот какой человек.

Он боится: физической боли, ответственности, большого и малого ума, смелости,

собак, сиамских котов, коров и быков, лифтов, пьяных, милиционеров, высоких людей, мышей, крыс, тараканов, пить холодную и горячую воду, водку, есть несвежую селедку и черствый хлеб, лазить по деревьям... Словом, он боится всего.

Его жалеют, а женщины не любят (если только он не богат).

В трамвае трус боится: контролеров, особенно здоровых и грудастых баб с бляхой на безымянном пальце, быстрой езды трамвая на спуске, сквозняков, соседей в грязной рабочей одежде, толкучки в час пик, обледенелых ступеней и т.п.

Это противоречивая натура. Бог ему судья.

* * *

Злоязычие происходит от бессильной злобы, когда злоба не может выхлестнуться через дела (нет власти), через каверзы (нет изобретательности ума), через кулаки (нет силы). Тогда злоба выходит через язык. Сам же злоязычный — вот какой человек.

Он прислушивается к общему разговору, а в удобный момент вставляет холодную, едкую фразу, так, что разговор тотчас иссякает.

Злоязычный всегда найдет к чему придраться: погода, политика, внешность, голос, запах, пение птиц, лай собак, распоряжение начальника и поведение подчиненного.

Мужчины чаще всего злоязычат по поводу чужих жен, начальства, политики и экономики; то есть там, где все себя считают специалистами. Женщины же — по поводу поликлиник и больниц, врачей-гинекологов и педиатров, а также чужих опять же жен, магазинов, очередных любовниц начальников и чужих мужей.

Безотносительный злоязычный теряет почву под ногами и вырождается в злого ворчуна.

В трамваях водится классический тип злоязычного. Он язвит в адрес водителя за неверный ход машины и набирается слухов о внеплановом повышении цен. Каждое злое слово его радует.

* * *

Маршрут замкнулся.

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

БОЛЬ СОЛДАТА

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Только под вечер дед Наум вернулся домой.

Был он худ и сморщен. Одет в изжеванный пиджачишко защитного, по его мнению, цвета и в линялые, прежде синие брюки, с пузырями на коленях.

Нетвердые шаги довели деда Наума до тумбочки с узорчатой бумажной салфеткой. Она стояла в изголовьи кровати, застланной по-солдатски «конвертом».

Дед привалился к жесткой подушке, подумал вполсилы: сколько годочков ему уже наступало? Пятьдесят пять, угадал правильно. И полулежа отстегнул медали. Поднес их к близоруким глазам, будто уверялся в полной сохранности своих реликвий. «За отвагу». «За боевые заслуги». «За оборону Сталинграда». И ему казалось, что вместо медалей он видит старшину Коркина с разодранным в крике ртом. Видит, как этот крепыш в заляпанных глиной кирзачах вымахнул на бруствер траншеи, замер там на какое-то мгновение и побежал, оскальзываясь, вместе с другими автоматчиками по вспаханному дождем полю. А он, Наум, прильнул к станкачу, наслаивает очередь на очередь и за грохотом пулемета не слышит невнятного бормотания «Юнкерса». Не слышит... И перелом жизни, по самому хребту. Контузия оглушила его, одарила немотой и дрожью пальцев. И, значит, по прибытии домой, в Киренск, ружье на гвоздь, а в тайгу лишь за кедровым орехом.

Со временем речь и слух вернулись к нему. Живи и радуйся! Но как жить, чему радоваться, когда по зловредным языкам растекается молва, что беспрестанная дрожь его пальцев вспоена не взрывной волной, а милашкой-граммуличкой. Обзаведись даже медицинским справочником, не докажешь молве свою правоту: пущена неведомо кем, сила в ней убойная, и излету ей нет. Вот и бубни, принимая стаканчик, про «жизнь огорченную». Даже сегодня, в День Победы, в день рождения своего, когда притертый к графинчику на праздничном столе, он полнил рюмочку, не обошлось без этого. А отвратная же работа — оправдываться, виноватить бомбу и, горячась, под ухмылки и реплики собутельников реабилитировать сподручницу-белоголовку.

— Я это... с ней накоротке, паря. Не наркомовская норма... это... меня шибает по пальмам-гулянцам. А контузия, мать ее!..

— Конечно, контузия, дед Наум. Конечно!.. Если трахнуть разок бутылем по темечку, будет тебе и контузия.

— Ну и дурак ты, Васька! — Дед Наум за рюмку, как за последнюю обойму. А медали его — усердно позванивать, словно вели перебранку с насмешником. — Иди в военкомат. Там тебе майор Степанов растолкует, как справно воевал сержант Гольдин, Наум Давидович.

Васька тыркнул деда Наума в ребро, сказал назидательно:

— Сержант Гольдин, как мне известно из особых источников, справно бегал от фрица. До самой Москвы. Чтобы на октябрьские покрасоваться на параде. У Сталина на виду.

— Про Сталина не скажу. Чего это ему уличать меня на параде. А вот насчет «бегал»... Тебя бы, дуrolома, не на танцы-гуляницы, а туда, в сорок первый.

— Сам сиди там. И не высовывайся.

Васька любил представлять себя стратегом, умеющим разбираться в оперативных оплошностях начального периода войны. За эти ошибки он и кроил деда Наума, будто именно он, сержант Гольдин, личной волей своей разоружил старую линию укрепрайонов, передвинул ее к новым границам, к неподготовленным для обороны рубежам, и тем самым дал возможность немцам докатиться до белокаменной.

Дед Наум скорбел от таких слов. Не Главком, пулеметом командовал.

— Смотри сюда, Васька! — Он хлопнул себя по груди.— Вот! Это... «Отвага». Не за красивые глаза, да! Мне ее тогда, в отступлении... А медаль образца сорок первого года... Эх, ма! Не твоя даровая брызгалка — «Двадцать лет Победы...»

Дед Наум гневно подрождал руками у лацкана чужого пиджака. И сорвал бы медальку, родом из 1965 года, если не привитое с измальства уважение к награде.

— Не кипятись, отец.— Васька отвел его руки к графинчику.— Прими стопоря. Полегчает...

Может, и впрямь полегчало деду Науму от привычной рюмочки. Может, полегчало от столь же привычного перезвона медалей. И он, закусив маринованным грибом, повторил:

— Иди в военкомат, дуrolом. Там тебе растолкуют.

— А мы и без военкомата. Здесь. Возьмем да проверим Наума Давидовича.

Васька провел зажелктым от табака пальцем по медалям деда. Но они глухо молчали. Не отзывались переливчатым звоном на странную ласку.

— Ишь ты, здесь,— дед Наум вывололся из внезапного недоумения.— Войну, что ль, организуешь? Ну и Гитлер!

— Войну — не войну. Но маленькое сраженьице гарантирую. Понимаешь...— Васька привлек деда Наума поближе к себе.— К нам, понимаешь, комбинатчикам бытослуги важнец-бумага пришла. Из Иркутска. Будем шить шубы из собачьего меха.

— Ну и шейте. А сражение твое причем?

— Не допонимаешь! Материала-то нет! Жди его с нарочным. Когда еще придет. А план уже спустили. Дошло? Не-а? Да что тут непонятного? Этот «материал» бегаёт по нашим улицам в неограниченном количестве. Бери тулку и устраивай себе великий отстрел собак.

С некоторой брезгливостью дед Наум высвободился от Васькиного захвата.

— Ты это брось! Не на танцах-гуляницах, паря.

— Э-э, выходит, слаб ты на кишку, сержант Гольдин, Наум Давидович.

— Я бывало на медведя ходил.

— А кто у нас не ходил на хозяина? Поговори, так каждый, оказывается, ходил. Включая и безногого Силыча.

— Да ведь это... ноги свои он потом захоронил. Под Берлином. А медведя мы с ним...

— Ладно, отец. Медведя... Чего же ты тогда собак испугался? Блохастые твари, заразу разносят, гигиену нам разрушают. Пристрелить их — это чистый навар для общества.— Васька обернулся к соседу по столу.— Правильно, а? Петро!

— Сто процентов,— отозвался Петр. И тут же, залив свои «сто процентов» горячительным градусом, добавил: — Но не на его двор твои уговоры. Руки у него трясутся.

— Это ты брось! — возмутился дед Наум.— Я на фронте, когда затишье, в снайперы перебирался из максимистов.

— Вот и покажи нам, отец,— горячо сказал Васька,— сержанта Гольдина. Любо посмотреть на него в справном состоянии. А дедом Наумом потчуй посла, за белой-разливной, картошкой в мундире и малосольной кондевкой.

У Наума Давидовича подсластилось под сердцем. Он себе летуче понравился: этакий живиный, бравонький, легкий на подъем. Встал над столом, уронив вилку с фаянсовой тарелки на пол.

— Ну как?

— Огурчик!

Солнце слалось у самого горизонта. Полыхающее, высвечивало дальние пятистенники.

Они завернули к Ваське, за ружьями. И направились к стародавней помойной яме, облюбованной бродячими собаками. Как мнилось деду Науму, и собаки должны были воспользоваться выгодой от повсеместного пиршества. Однако не домыслил: отбросов сегодня куда больше, чем обычно. Вот бездомное племя и не растеклось по задворкам, а стягивалось сюда, к мусорной куче, на дурманные запахи.

Васька торкнул деда Наума локтем в бок.

— Сколь ходового материала, а?

Дед Наум, ощущая сосущую пустоту под ребрами, взвел курки. Взгляд его остановился на каком-то чахоточном кобеле.

Но Васька удержал дедовы стволы крепкой рукой кожемяки.

— Ты на шкуру глаза разувай. На шкуру. А у этой твоей псины — шкуры, как от козла молока. Вон, погляди, правее. Ценная шкура пасется.

— Сучку нельзя! — мотнул головой дед Наум.— Рядом с ней — ишь ты! — сосунки балуют.

— Ты это брось, отец. Сосунков жалеть, доху не кроить.

— Сучку нельзя!

— Э-э, дед Наум,— с сожалением протянул Васька.— Выдохнулся из тебя сержант Гольдин. Слеза в глазу, слюна во рту, в душе маразм да трусость.

— Не шали! Я тебе не мальцы-гулянцы, окстись, пакостник...

Дед Наум вновь поднял двустволку. Притер ее к плечу. Охватил прыгающим пальцем спусковой крючок. Повел ружьем вдоль добротной шкуры, вывел к вопросительно повернутой к нему мордашке. Выщелил зрачок. Но этот зрачок, живой, с материнской теплыню, затянутый мутной поволокой, как бы наплывал, разрастался в озеро, полное добра и света. И мушка отказалась служить, запрыгала, точно контузия, искалечившая его, затронула и ее тоже. Неприятная оморочь окутала его мелким ознобом, предрекая нечто уже знакомое, и оттого страшное. Что? Дед Наум не успел осмыслить это «что», как гуттаперчевые пробки, исчезнувшие из ушей, снова заполняют их, пресекают потявканье щенков и злое урчание облезлого кобеля. Последнее, что он услышал, это:

— В Ташкенте ты воевал, дед Наум, а не...

Выстрела он не услышал. Но увидел, как пламя вырвалось из Васькиного ружья, и мохнатая тунгусска дернула головой, вываливая из расколотого черепа серых мозговых червей вперемежку с кровью.

— Не балуй! — вскричал дед Наум, не слыша собственного голоса.

Тулка, выбитая из рук Васьки старым солдатом, воткнулась стволами в помойную яму. Васька шагнул было к ружью, но, растеряв в резком движении всю свою хмельную отвагу, нерешительно оглянулся. На него угрюмо смотрел сдвоенный зрачок «бельгийки». Дед Наум, бывший сержант Гольдин готов был стрелять.

...В День Победы, в день собственного рожденья, когда весь Киренск в этот вечерний час хороводил в пиршеском раздолье, дед Наум сидел дома один, присло-

няясь к жесткой подушке. Наушники, подвешенные над изголовьем кровати, были для него немые. Хриплому голосу московского диктора не удавалось пробить пробку глухоты.

Дед Наум вновь пристегнул к изжеванному пиджачку, защитного, по его мнению, цвета свои награды и, поднявшись с одеяла верблюжьей шерсти, медленно пошел к двери, так и не услышав желанного перезвона медалей. Пошел на улицу, туда, где в зарождающихся сумерках дожидались его осиротевшие щенки.

А вдогонку, когда он захлопывал за собой дверь, пулеметными строчками ударило из наушников:

*«Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папиросы».*

Но эти пулеметные строчки были выпущены уже после боя, просто ради того, чтобы салютовать победе. И они прошли мимо деда Наума, бывшего сержанта Гольдина, пулеметчика-максимиста.

Евгений Скоблов
(г. Москва)

МАРШ В МЕТРО

Наш постоянный автор.

Снова метро. Я люблю перемещаться по столице в подземке. Мои приятели — автомобилисты посмеиваются надо мной, дескать, насколько могли бы расшириться границы моей личной свободы, управляй я автомобилем... по широким проспектам Москвы. Но я непреклонен. Дело даже не в бесконечных пробках и времени, потраченном в них, других автомобильных «заморочках», связанных с парковкой, штрафами и прочей ерундой, а в том, что когда уже много за пятьдесят, садиться за руль, тем самым перестраивая свою жизнь под новые колеса, на мой взгляд, просто неразумно.

Мне нравится отдыхать в пути, а точнее, активно отдыхать, будь то автобус, купе вагона поезда дальнего следования или вагон метро. Активно, значит, заниматься чем-то, на что не хватает времени дома: читать, например, смотреть фильмы с экрана гаджета, может быть даже, делать заметки в творческий блокнот. Однажды я сделал наброски целой главы для детской повести в жанре фэнтези за несколько поездок в метро. В моей «путевой» сумке всегда имеется очередная интересная книга, которую всегда хотел прочитать, да все никак не получалось...

Сегодня я без труда отыскал свободное место в достаточно заполненном вагоне и, хотя ехать недалеко (от «Пролетарской» до «Баррикадной»), уселся поудобнее, достал книжку и очки. Когда читаешь в метро, до нужной станции добираться гораздо быстрее. Проверено! И сейчас, читая старую советскую фантастику, я словно возвращаюсь в далекие шестидесятые прошлого века... из светлого будущего, а именно: из декабря 2019 года. И знаете что? Это — прекрасно! Произведения той эпохи, в основе своей гуманистические и заряженные энтузиазмом и позитивом, привлекают, притягивают, заставляют думать и мечтать. Искусственный интеллект, каким его представляли в середине прошлого века... обмен разумом, полеты в другие галактики, гипнотические сны, переносящие в разные пространственно-временные измерения...

Стоп. Что-то меня отвлекает. Нет, не отвлекает, а раздражает. Прокрадывается, заползает в мое сознание через слух. Нечто такое, что мне неприятно и что отвергает все мое существо. Я поднимаю глаза от книги и вижу напротив меня улыбчивого парня, впрочем, уже и не парня, а молодого мужчину, одетого, как парень. Одежда модная, но слегка поношенная (может быть, из секунд-хенда), как и его рюкзак, который он зажал между коленками. Капюшон куртки, который он, очевидно, носит постоянно, сейчас откинут, густая светлая челка накрывает лоб, достигая бровей. Взгляд светло-серых глаз сначала блуждает по пространству вокруг и, наконец, замирает на мне. В руках он держит смартфон, из динамика которого достаточно громко, так, что слышно мне через проход, несмотря на гул движущегося поезда, звучит музыка. Это хорошо известная у нас, а еще лучше — в Германии, строевая песенка, начинающаяся со слов: «Вен ди зольдатен дурш ди штадт марширен...», которая исполнялась под оркестр в составе воинских подразделений... в том числе и СС.

Я вдруг понимаю, что оставшиеся четыре перегона до «Баррикадной» я читать уже не буду.

Парень-мужчина, глядя в мою сторону, продолжает нахально ухмыляться. Он

понял, что «достал» меня, и мы с ним на одной волне, хотя и по разные стороны. Собственно, этого результата он и ожидал. Видимо, я ему сразу чем-то не понравился, и этот цирк он устраивает специально для меня. Я мельком оглядываю пассажиров рядом — никакой реакции. Кажется, что никто ничего не замечает, хотя я не сомневаюсь, что музыка очень хорошо слышна в радиусе нескольких метров как минимум. Людей немало, но никто не смотрит в сторону человека, слушающего — специально не в наушниках, а через динамик — фашистские марши в московском метро.

Между тем, он включил следующий трек — раздаётся очередной марш, очень популярный в Третьем рейхе «Lore, Lore, Lore...». По всему, у него целая подборка, а может быть, и ВСЯ память телефона заполнена этой и подобной хренью... типа речи фюрера на каком-нибудь нацистском «Съезде Великой Германии»...

Я чувствую, как что-то внутри меня зашевелилось и медленно поползло из области сердца все выше и выше. И вот оно уже в голове. Потом снова в сердце. Поскольку из глубин памяти всплывают кадры из документального фильма Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм». Впервые я посмотрел его по телевизору, будучи еще подростком, года через два после выхода на экраны. А потом еще и еще раз, когда появлялась такая возможность. В новом времени я его относительно недавно пересмотрел в интернете... 1933 год, нацисты приходят к власти в Германии... Фюрер принимает парад... Сожженные в печах концлагерей... документальные свидетельства зверств фашистов, архивные фотодокументы... Уничтожение миллионов людей... бомбардировки... пожары... Нюрнбергский процесс... колонна пленных немцев на улицах Москвы, за которыми следуют поливальные машины и... вот эти марши...

Этот подонок, а теперь — отныне и навсегда — я его считаю только таковым, не дослушав до конца, включает следующий марш истинных арийцев, как мне показалось, сделав звук чуточку громче. Интересно, он собирается заниматься этой демонстрацией (лично для меня, в этом сомнений нет) до тех пор, пока я, опустив плечи, не выйду на своей станции? Сам он, судя по всему, скоро выходить не собирается.

«Станция "Китай-город". Платформа справа», — раздаётся из динамика. Народ выходит и заходит, но никто не обращает на нас внимания. «Нас» — это потому, что и он, и я понимаем, в чем проблема этой незапланированной совместной поездки. И мы продолжаем упорно смотреть друг другу в глаза, только он при этом улыбается, а я нет.

Потому что теперь мне вспомнился художественный фильм 1976 года «Горячий снег» по роману Юрия Бондарева. Как раз тот эпизод, где командир батареи лейтенант Дроздовский, которого играет Николай Еременко, отдает приказ красноармейцу Сергуненкову (его роль исполняет Александр Кавалеров) «уничтожить гадину» — немецкую самоходку, пулемет которой не дает нашим бойцам поднять головы из окопа. И Сергуненков, обреченно взяв противотанковые гранаты, обращается к своему товарищу-ездовому напоследок: «А ты, Рубин, коней мучить будешь — на том свете найду...» Задачу он выполнить не смог, его срезает пулеметная очередь...

Тем временем со смартфона звучит очередной марш. Он знаком и мне, это «Хорст Вессель» — марш штурмовиков СА, позже ставший, по сути, вторым гимном фашистской Германии

26 июня 1941 года мой дедушка, тридцати шести лет отроду, получил в военкомате винтовку и ушел на фронт красноармейцем. Маленький тихий служащий из Конотопа, которому «*однажды прекрасным утром постучалась в окошко небольшая, казалось, война...*», он очень пригодился там, на передовой, поскольку в совершенстве владел немецким языком. Дедушка начал свою войну в 1941-м и окончил 9 мая 1945-го, отвоёвав (как я узнал из открытых архивов Министерства обороны в интернете) на Втором Украинском, Четвертом Украинском, Воронежском и Западном фронтах. Бог уберег его, и он вернулся с орденом Красной звезды и медалью «За боевые заслуги». И... он сделал еще одно главное дело своей жизни. Мои бабушка и папа, которому тогда было девять лет, как члены семьи красноармейца, воюющего в действующей армии, получили право на эвакуацию из Конотопа, который в скором времени заняли фашисты.

«Следующая станция "Пушкинская",— раздалось из динамика.— Осторожно, двери закрываются».

Мне показалось, что он сделал музыку еще громче, наверное, прочитал что-то новое в моем лице и теперь наслаждался эффектом и своей безнаказанностью. В самом деле, что ему может сделать лысеющий дядюшка — очкарик в нелепой кепке? Да ничего! А на любые слова у него, разумеется, заготовлен ответ. Поскольку он всего лишь безбидно слушает музыку, что не запрещено законом. И ему совершенно наплевать на то, что это кому-то может не понравиться. Кому не нравится, пусть не слушает. Или ездит на личной машине.

У меня, само собой, другой взгляд на ситуацию. Он сформировался еще тогда, когда я услышал первые аккорды «Wenn die Soldaten». И даже не взгляд, не мнение, а решение, которое по ходу движения трансформировалось в призыв к действию. Вот... и строки из Высоцкого вспомнились: «...*Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие, как часовые...*».

Все, пора. Если не сейчас, то никогда. Если не я, то никто. Родина-мать зовет...

Я, намеренно изображая старичка, который не без труда приподнимается со своего места (отчасти так оно и есть) встаю, снимаю очки и вместе с книжкой укладываю в сумку. Надеваю перчатки. Кажется, что все эти действия тянутся медленно, как в замедленной проекции. На деле, всего десяток-другой секунд. Поезд уже начинает замедлять движение, приближаясь к станции «Пушкинская». Я делаю один шаг, но не в сторону дверей, а прямо к человеку, который слушает сам и заставляет слушать других фашистские марши... в моем метро. В моей Москве. В моей России.

И он ничего не успевает, поскольку расслаблен, самоуверен и самодоволен. Ничего опасного он не ожидает от дедушки, который может лишь кривиться, если ему что-нибудь не нравится. А зря. Поскольку если ты, парень, делаешь кому-то вызов, заявляешь о себе, то должен быть готовым ко всему. Рядом с любителем нацистской музыки стоит юноша в наушниках, с другой стороны — дама, из уха которой тоже торчит, но беспроводной наушник, и она с кем-то ведет торопливую беспрерывную беседу.

Я резко хватаю своего оппонента за белокурую шевелюру, чуть притягиваю к себе и, что есть сил, всаживаю правое колено в его лицо. Все происходит молниеносно, пожилой мужчина, дремлющий рядом, даже не пошевелился. Удар вышел очень сильным, я попал где-то в область челюсти, и парень поплыл. Глаза закатились, помутнели, из носа закапала кровь.

Когда мне было шесть или семь лет, этому приему научил меня папа. За последние пятьдесят лет я его не применил ни разу. Но вот, пригодился... Смартфон, выпавший из его рук, валяется в проходе и молчит, очевидно, сбились настройки. Поезд уже на «Пушкинской».

— Извините, товарищи,— обращаюсь я ко всем и ни к кому конкретно,— концерт окончен.

Мой враг все еще не очухался, что-то бессвязно бормочет, размазывая по лицу кровавую слизь. На меня с изумлением глядят студент и дама, поперхнувшаяся на полуслове, но они не в силах даже пошевелиться, поскольку все произошло слишком быстро. А может быть, они испугались меня? Мало ли что...

Уже покидая вагон, предварительно совершенно случайно наступив на смартфон, я услышал за спиной женский визг:

— Позвоните машинисту! Вызовите полицию! Тут страшная драка!

Крики раздаются тогда, когда пассажирская масса, сгрудившись на перроне «Пушкинской», уже ввалилась в вагон.

Сердце бешено колотится, норвит выскочить из груди, и, хотя за мной никто не гонится, я быстренько, насколько позволяют силы, взлетаю вверх по лестнице перехода на «Тверскую». Уже около эскалатора я на всякий случай снимаю куртку, сворачивая ее подкладкой наружу, и поворачиваю кепку козырьком назад. Это на тот случай, если по горячим следам будут ловить пожилого хулигана — нарушителя общественного порядка на Московском метрополитене имени В. И. Ленина.

Сергей Москвитин
(г. Ленск, Якутия)

**«ЕСЛИ Б ВЫ ЗНАЛИ,
КАК ХОЧЕТСЯ ЖИВОПИСАТЬ!»**

Сергей Владимирович Москвитин родился в 1967 году в городе Дальнереченске Приморского края. Окончил Казанский авиационный институт. Работал журналистом в газете «Ленский вестник». 17 лет руководил литературным объединением Ленского района «Фламинго». Член Союза журналистов, Союза писателей России. Публиковался во многих журналах, автор 25 книг. Главный редактор альманаха «Вилуйские зори», издаваемого в Мирнинском районе (Якутия).

ФОМИЧ И ВАСЬКА

Якутский мороз крепчал. Ожидающих на остановке было всего трое, это значит, автобус придет еще не скоро. Фомича охватило тоскливое чувство беззащитности перед жестким, неумолимым натиском холода. Старые вышорканные ботинки «капитулировали» первыми, превратившись в колодки для пыток. Пальто моды еще самых застойных времен продувалось насквозь. Уже в который раз за последнее время Фомич вспомнил свои теплые унты, которые утащил и пропил внук Серега.

Внук рос беспутным и вряд ли бы сумел окончить школу без дедовой помощи. Фомич, проработавший в этом учебном заведении четверть века учителем истории, русского языка и литературы, уговорил бывших коллег натянуть внуку тройки по трем предметам, которые тот прогуливал. Вся надежда была на армию, но и она не сумела вправить мозги пустившемуся вразнос оболтусу. После службы Серега окончательно сел на дедову шею. На работе внук нигде больше месяца не задерживался, расчетные деньги пропивал в компании друзей, столовался за дедов счет, а в последнее время повадился таскать из его дома вещи. И даже унты не пожалел.

Похлопывая себя по бокам и пританцовывая от холода, Фомич с надеждою глянул уже в который раз в конец улицы, не покажется ли из-за поворота огонек долгожданной «единички». К тому времени, когда заветный «пазик» вынырнул из туманной морозной мглы, на остановке у главпочтамта скопилось уже десятка полтора основательно продрогших горожан, а Фомич продрог до такой степени, что с трудом заставил заочневшие ноги вскарабкаться в автобус. В салоне заиндеветшего от дыхания пассажиров автобуса было не так зябко, и пока «единичка» доехала до автостанции, старик слегка отогрелся. Финальный марш-бросок до дома он, конечно же, сделает бодро, по-молодецки, а уж потом отогреется чайком.

Погрузившись в морозную мглу, Фомич что есть силы припустил домой. Шагов за сто от дома услышал рядом с собой жалобный писк безнадежно замерзающего существа. «Котенок, что ли? — шевельнулась внутри сострадательная мысль. — Околет ведь, ежели не подобрать». Не раздумывая более, Фомич сунул заочневший комочек за пазуху и прибавил шагу.

Вот и дом! Облако морозного пара медленно и нехотя растворилось в теплом

квартирном воздухе. Фомич вытащил притихшего на груди котенка и пустил на пол. Когда рыжее существо застучало обмороженными лапками-ледышками, Фомич цокнул от удивления: надо же, как сильно ноги себе обморозил малыш! Выживет ли? Интересный какой: месяц-полтора от роду, рыженький, а глаза голубые. Кто же это его в такой мороз на улицу выставил?..

Встрепенувшись, скинув с себя верхнюю одежку, старик бросился спасать малыша. Набрал в таз холодной воды, сунул туда кошачьи ноги. Котенок, похоже, полностью доверился человеку и не сопротивлялся. Наверное, понял, что все страшное уже позади.

Фомич жил бобылем давно, схоронив супругу. Бодрый не по годам, щуплый и абсолютно седой, он и на восьмом десятке предпочитал вести тихую, неторопливую холостяцкую жизнь вдовца. Готовил себе сам, время от времени стирал вручную заношенные до дыр майки и рубашки, наводил как мог порядок в доме. И мастерски пек блины. Взрослая дочь Марина навещала старика часто, приносила ему книги, журналы и газеты, пила чай с блинами, делилась новостями, сокрушалась по поводу беспутной жизни сына Сережи, который «никак не может порвать с плохой компанией друзей»; иной раз готовила отцу что-нибудь вкусненькое, а потом убежала обратно к себе. А Фомич снова оставался наедине со своими мыслями и думами. Его это вполне устраивало, он привык. Жизнь в одиночку позволяла старику всецело предаваться своему любимому занятию. На протяжении всей сознательной жизни Фомич писал стихи. Писал талантливо, чему, несомненно, способствовали врожденное умение образно мыслить, богатая на события жизнь, два высших образования и почти полвека работы учителем. Районные газеты публиковали его стихи охотно, республиканские удостаивали такой чести редко, а центральные не публиковали вовсе, безответно и безрезультатно поглощая многочисленные послания провинциального поэта. И все же одним единственным стихотворением Фомичу удалось проникнуть в московский альманах, вот только было это давно, еще в шестидесятые.

О том, чтобы издать собственную книжку стихов, старик начал помышлять не так давно. Лишь назревавшее 80-летие заставило Фомича крепко призадуматься, что же будет с чемоданом рукописей, столь дорогих ему, выстрадавших бессонными ночами стихотворений, басен и поэм? Неужели после него эта куча исписанных, отпечатанных на видавшей виды старенькой машинке листков — итог всей его жизни — окажется где-нибудь на мусорной куче? Неужели? Спихватившись, Фомич начал лихорадочно приводить в порядок свои залежавшиеся бумаги, перетряхивать в сознании старые, еще недостаточно зрелые, на его теперешний взгляд, стихата; переписывать, перепечатывать, исправлять... Этой работой он и занимался последние несколько лет. Вчерне рукопись будущей книги уже была готова, оставалось лишь начисто перепечатать все ее страницы.

Рыжий котенок, которого Фомич с первых же дней окрестил Васькой, шел на поправку. Как это ни удивительно, Марина приняла непосредственное участие в его излечении. Побывав у ветеринара, принесла Ваське чудодейственную мазь, обработала и перебинтовала ему задние ноги. Через какое-то время Васька стал смело опираться на самую безнадежную, казалось бы, лапу. Вот только обмороженный хвост отвалился. Два-три звеньшка на месте разрыва со временем затянулись кожей, а кожа обросла шерстью. Через пару месяцев после спасения подросший и окрепший Васька начал ловить мышей и, похоже, окончательно выбросил из своей кошачьей головы приключившуюся с ним трагедию. По-хозяйски важно, вперевалочку ходил он по двухкомнатным «апартаментам» Фомича, и при этом хвост-коротыш его забавно двигался из стороны в сторону, как гузка у гуся. Кот и Фомич жили дружно, душа в душу и даже научились понимать друг друга с полуслова. Встанет, бывало, Фомич у электроплиты, прислонившись к батарее отопления, и призывно похлопает себя по бедру:

— Васька, Васька!

А Васька уже понял, ему дважды повторять не надо. Сжавшись пружиной и понимающе муркнув, прыгает к старику. Знает, что Фомич обязательно подхватит его на руки, а потом приласкает и приголубит. Васька же, пристроившись на руках у Фомича, благодарно урчит и аккуратно, щадяще запускает от удовольствия свои коготки в предплечье Фомича. В такие минуты старик и сам испытывает своеобразное наслаждение. Много в нем еще осталось неистраченной любви и нежности, потребности дарить тепло своей души. Раньше, когда он учил ребятишек, все было замечательно: дети охотно впитывали в себя флюиды его учительской доброты. Флюиды, которые за долгие годы сознание Фомича привыкло вырабатывать, тратить и восполнять. Так, наверное, привыкает организм донора производить кровяные тельца.

На заслуженном отдыхе первое время ветерану было тяжело, но он сумел перебороть в себе чувство невостремленности, увлекшись стихотворчеством.

Весна наступила для Якутии удивительно рано. Мартовское солнце подогрело на крышах снежные покровы, и они, ошетилившиеся частоколом сосулек, стали сползать вниз. Почернели дороги и сугробы, потяжелели шубы на плечах у ленчан. И заголодели во сто глоток по ночам мартовские коты.

Зов природы пробудил в Ваське доселе неизвестные ему инстинкты. И если раньше он робко и ненадолго решался покидать теплый и уютный мирок Фомича, то сейчас стал проситься во двор регулярно. Его исследовательские отлучки становились все продолжительнее, и вот однажды он не пришел ночевать. Перед тем как лечь спать, Фомич раза три звал кота с крыльца, выкрикивая в темноту двора призывные «Васька, Васька!» и «кыс-кыс-кыс!». Зато утром гулена, продрогший и осунувшийся, уже ждал Фомича на крыльце.

— А-а-а, вернулся, бесхвостый,— несказанно обрадовался Ваське Фомич,— ну входи, входи.

Сразу же с порога Васька запросил есть и с превеликим удовольствием впился зубами в огромный кусок минтая, который не пожалел для него Фомич.

Насытившись, Васька блаженно растянулся на кресле и выключился из этого мира чуть ли не на весь день. А на ночь глядя снова ушел гулять. Отныне он редкий раз оставался ночевать дома. Чем теплее становилась погода, тем большую часть суток кот проводил во дворе. Вскоре Фомич выяснил причину его походов. Это была огромная, раза в два больше самого Васьки, пушистая черно-белая кошка. Фомич удивился ее необычному окрасу. Черные и белые шерстинки на ее теле располагались не пятнами, как обычно, а вперемешку, примерно так, как выглядят соль и перец, когда их перемешают для строганины.

Кошка важно и кокетливо шла по узенькой дорожке торца заборных досок, а Васька покорно сопровождал ее сзади. Казалось, что он, бесхвостый, без ума от большого пушистого хвоста своей подруги и готов последовать за ней хоть на край света, лишь бы его королева позволила ему, бесхвостому, это делать. Залюбовавшись парочкой, Фомич, однако, спохватился:

— Васька, пойдем, я тебя покормлю!

Голодный Васька в ответ понимающе муркнул, но подруга его, оглянувшись, властно мяукнула жениху:

— Не с-мяу-у-ть!

И Васька покорился. Лишь много позднее, вволюшку нагулявшись со своей савицей, он пристроился перед кухонным окном Фомича, которое выглядывало на проезжую часть, и жалобно заканючил, чтобы хозяин пустил его в дом и накормил.

Апрель пролетел стремительно. Сугробы осели, растеклись лужами по обочинам дорог. По ночам еще примораживало, и стремительно проносящиеся мимо дома Фомича автомобили звонко хрустели корочками льда на лужах. В последний апрельский денек Фомич встал поздно, ибо перед тем как лечь, по обыкновению засиделся

за своими стихами, а ночью ему долго не давала покоя бессонница. Внук Серега вчера заявился пьяный, ударил и обматерил кота. Его задевало, что дед дарит свою любовь не ему, родному внуку, а какому-то подобранному коту. Обиженный Васька пулей вылетел во двор и больше не появлялся.

Фомич прошлепал на кухню, к умывальнику, поставил на плитку чайник, раздвинул занавески окна. Утро выдалось хмурое. Два пятна на обочине дороги привлекли его внимание. Это было какое-то знакомое цветовое сочетание: бледная рыжина и соль с перцем. Недвижимо вытянулся перпендикулярно дороге, распластавшись на комковатой, промерзшей за ночь земле, Васька, а в метре от него в такой же позе, на боку, вытянув лапы, его пушистая подруга.

— Что это, почему спят так близко к дороге? — екнуло сердце у Фомича и как-то неприятно вдруг опустилось, похолодело все внутри, когда он сообразил: да их же машиной сбило!

Напялив кое-как второпях куртку и ботинки, старик выбежал наружу. Он отказывался верить в догадку, но безжалостная действительность подтвердила ее. Шерсть окоченевших трупов «поседела» местами от холодного инея. Ошибки быть не могло, это его любимец Васька, ведь у распластавшегося на обочине кошачьего трупа тоже нет хвоста. Это его Васька, это его Бесхвостый, это его ставший уже родным и близким кот, а рядом — его подруга!

Мимо безразлично пронеслись один за другим бесконечные автомобили-преступники...

Всхлипнув, Фомич подобрал с мерзлой обочины оба застывших тельца и пошел во двор. Он оцепенел от горя и соображал мучительно медленно. Где-то здесь, за дверью, была штыковая лопата. Копать сейчас, конечно же, будет трудно, но он как-нибудь справится. Взяв лопату, Фомич, тяжело ступая, заковылял в дальний угол двора. Слез, сбегавших затейливыми дорожками по его морщинистым щекам, он не чувствовал.

Николай Макаров
(г. Тула)

ИГРЫ XXII ОЛИМПИАДЫ

40 лет назад, 19.07.1980 — 03.08.1980, в Москве проходили Летние Олимпийские игры 1980 года (официальное название — Игры XXII Олимпиады).

Это — первые в истории Олимпийские игры на территории Восточной Европы, а также первые Олимпийские игры, проведенные в социалистической стране.

Часть соревнований Олимпиады-1980 проводилась в других городах Советского Союза, а именно: парусная регата стартовала в Таллине; предварительные игры и четвертьфиналы футбольного турнира состоялись в Киеве, Ленинграде и Минске; соревнования по пулевой стрельбе прошли на стрельбище «Динамо» в подмосковных Мытищах.

Игры также известны тем, что более 60 стран бойкотировали Олимпиаду в связи с вводом в 1979 году советских войск в Афганистан. Некоторые спортсмены из стран, бойкотировавших Игры, все же приехали в Москву и выступали под олимпийским флагом. Предыдущим был бойкот 29 африканскими странами Олимпиады-76 в Монреале, а следующим стал бойкот Советским Союзом и еще 13 странами летних Олимпийских игр в Лос-Анджелесе в 1984 году.

Мне тоже пришлось — нет, конечно же, не участвовать в этих Играх, — а быть непосредственным свидетелем эстафеты Олимпийского огня по территории Московской области.

Участники Эстафеты — элита советского спорта (не ниже кандидаты в мастера спорта СССР) — пробегали свой этап в один километр (плюс-минус) не понарошку, а в полную силу. Не то, что накануне Зимней Сочинской Олимпиады: будь чинушей разного разлива или плати бабло, и протелепайся с факелом десятков метров.

16 июля 1980 года эстафета Олимпийского огня прибыла в Тулу.

17 июля 1980 года эстафета Олимпийского огня прибыла в Подольск Московской области.

18 июля 1980 года эстафета Олимпийского огня финишировала в Москве.

...Начало июля 1980 года.

Два раза большая часть личного состав 51-го гвардейского парашютно-десантного полка (в то числе и врач 1-го батальона гвардии капитан медицинской службы Н. Макаров) выдвигалась в район реки Лопасня, что недалеко от города Чехова (город образован из рабочего поселка Лопасня), где на берегу оной реки по двое суток полк стоял лагерем.

Эти дважды по двое суток личный состав полка тренировался по обеспечению движения эстафеты Олимпийского огня. Первый день солдаты и офицеры стояли в оцеплении по обе стороны старой Московской дороги от Серпухова до Подольска

(70 километров); во второй день — по обе стороны новой трассы (М2) от Подольска до МКАД (16 километров). Одним и тем же составом 70 и 16 километров — улавливаете разницу.

В таком же порядке мы стояли в оцеплении и в те торжественные дни (да, да — для нас это были настоящие торжественные моменты нашей жизни). В первый день Эстафеты (не тренировки) штаб 1-го батальона располагался аккуратно около очередного километра — зоны передачи Олимпийского огня. Кавалькада машин впереди бегущей спортсменки, кавалькада сзади. На одной машине — запасной факел на случай какого непредвиденного случая: с факелом ли, со спортсменом.

К отметке передачи огня симпатичная девушка подошла шагом, подняла свой факел к поднявшему свой факел визави, новый факел зажегся, и спортсмен отправился отмерять свой километр. Организаторы Эстафеты старались чередовать этапы: этап бежит девушка, следующий — юноша; и наоборот.

Мы — офицеры штаба батальона — окружили спортсменку, все старались поддержать факел, сфотографироваться с ним, получить автограф. В какой-то момент девушка (забыл, забыл ее ФИО) потеряла из виду свою догоревшую бесценную ношу и чуть ли не плача просила вернуть ей факел. С ним уже фотографировались солдаты взвода связи и взвода снабжения батальона. Мы не стали больше испытывать ее терпения, отдали факел. Тем более, ей пора было садиться в подъехавший автобус, забирающий спортсменов.

Во второй день — 16 километров — мы стояли чуть ли не плечом к плечу вперемишку с милиционерами. И зрители — не разрозненные зеваки предыдущего дня, а многочисленные группы людей обретались вплотную за нашими спинами. Поэтому во второй день обошлись без автографов, без фотографирований. Главное, чтобы не украли у спортсменов факел, оставленный им реликвией на память.

А у нас остались фотографии и воспоминания о тех незабываемых днях — днях Эстафеты Олимпийского огня 1980 года...

ОЛИМП

Людмила Попова
(г. Москва)

ЛЕНИН ВОЗВРАЩАЕТСЯ
(Отрывок из книги)

Людмила Александровна Попова – член Академии российской литературы, член Союза российских писателей, член редколлегии международного журнала «Новые Витражи». Работает переводчиком в Главном управлении по работе с иностранными дипломатами при МИД России. Автор ряда книг. Регулярно печатает свои произведения, а также переводы произведений современных французских писателей в журнале «Новые Витражи». Дипломант международного конкурса «Созвездие духовности» 2017 и 2019 годов.

Люди — порочные существа. Есть старинная восточная легенда про мудрого правителя, который на спор доказал своему визирю, что все его подданные — обманщики и пройдохи. Знаете эту легенду?

— Нет. Расскажите!

— Правитель одной восточной страны поспорил с визирем, доказывая, что люди коварны и не достойны доверия. Визирь, напротив, был уверен, что люди в основе своей добры и отзывчивы. Тогда правитель приказал гражданам до утра наполнить городской фонтан молоком. При этом распорядился, чтобы ночью незаметно для окружающих дно фонтана покрыли белыми простынями. Наутро правитель с визирем отправились к фонтану и увидели, что он наполнен водой. Очень немногие жители принесли молоко, остальные решили: «Пусть все несут молоко, а я вылью в него воду. Никто ничего не заметит...».

— Вот что я вам отвечаю на это, молодой человек,— усмехнулся старик.— Сам этот мудрый правитель приучил своих подданных ко лжи и обману. Разве не он постоянно грабил их? Разве не он купался в непристойной роскоши, растлевающей душу, в то время как трудовой народ прозябал в нищете?! Представляю роскошный дворец восточного правителя и убогие жилища его подданных! И зачем, скажите, наполнять фонтан молоком? Глупая трата добра, которое дорого стоит для бедняков. Так что, в итоге, народ поступил мудро. Я одобряю такой поступок.

Старик помолчал, а потом неожиданно спросил:

— Вы верите в реинкарнацию?

— В реинкарнацию? — Молодой человек отпил глоток вина, прежде чем ответить.

— Кажется, вы мне уже задавали этот вопрос... Ну, допустим...

— Так вот, я — реинкарнация Владимира Ленина...

— Я считал вас потомком Ульяновых...

Старик испытующе посмотрел в лицо собеседника. В его глазах мерцал странный свет, а может просто отражался огонь камина.

— Нет, дорогой друг! В меня вселилась душа этого гения. Это ведь больше, чем просто потомок, не так ли?!

«Или он захмелел, или я имею дело с безумцем»,— невольно подумал Макс.

— Вы, конечно, спросите доказательства. Пожалуйста! Я боготворю свою жену, но в семейной жизни случается всякое. Однажды мы сильно повздорили из-за какого-то пустяка. Я вышел из дому и пошел, сам не зная куда, размышляя, что семейное благополучие, достаток и дети — это еще не самое главное в жизни. А что тогда главное? Работа? Но она тоже для того, чтобы обеспечить семью. Неужели мы существуем только для того, чтобы сытно поесть, добротнo одеться и обзавестись детьми? Я бесцельно шел наугад, завернул в переулок, увидел книжный магазин. Переступил порог, опять же бесцельно, просто так. И вдруг продавщица улыбнулась мне и сказала:

— Ну, наконец-то! Мы вас ждали. Вот ваши книги!

И указала на аккуратно расставленные на полке томики в строгих бордовых обложках, похожие друг на друга, как монахи буддийского монастыря. Взяла один из них и протянула мне со словами:

— Ведь вы за ними пришли?

Обложку украшал круглый медальон с выпуклым профилем лысоватого человека с бородкой клинышком, над медальоном золотыми буквами было напечатано: ЛЕНИН.

Открыв книгу, я прочитал: В. И. Ленин, сочинения, издание четвертое, 1953 г., том 5, май 1901— февраль 1902.

— Да,— ответил я неожиданно для самого себя,— мне нужны эти книги!

Продавщица назвала цену, и, представьте себе, я нашел в кармане ровно столько, сколько следовало заплатить! Но и это еще не самое удивительное...

Старик замолчал. Помешал поленья кочережкой, от чего золотым фейерверком взлетел сноп искр.

— Самое удивительное ждало меня впереди. Когда я привез книги домой и расставил на полках все 36 томов, мне не терпелось узнать, что там внутри? Вытащил наугад томик, полистал, начал читать статью и вдруг почувствовал, что я ее уже знаю! То есть, прочитав первые страницы, знал, что будет в конце. Меня поглотила эта интересная игра: угадай-ка! Увлечшись, я надолго задержался с книгами, и заглянувшей ко мне жене рассказал, что со мной произошло. Она ответила насмешливо: «Я всегда подозревала, что ты — ненормальный, теперь у меня не осталось и тени сомнения». Старик рассмеялся и продолжал:

— Досконально изучив все 36 томов, я понял ошибки ленинской идеологии, из-за которых его затея провалилась... Самая главная из них знаете какая?

— Нет,— осторожно ответил Макс, пригубив бокал и ломая голову над тем, стоило ли добавлять вина собеседнику? Не вредит ли алкоголь его здоровью? Не бредит ли он?

При этом он вглядывался в черты старика, пытаясь найти сходство с Лениным, образ которого ему был знаком по фото и картинкам. Совершенно ничего общего. Вместо лысины густая щетка седых волос, нос с горбинкой, ярко синие глаза... И ростом выше среднего, а Ленин был, как известно, невысок. Скорее всего, важно не внешнее сходство, а духовное... И вообще, что он, Макс, знает о мире? Вот это было бы действительно безумством — вообразить, что знаешь все. Даже великие ученые остерегаются делать подобные заявления...

Старик между тем продолжал философствовать.

— Человеческая масса подобна потоку воды, которым можно манипулировать, управлять. Самый простой пример: покажите людям дерево и скажите, что оно священо, и к нему потянутся для поклонения. Объявите некоторое время спустя, что это дерево ядовито и опасно, и его срубят под корень и сожгут. Никто не отяготит себя вопросом: как же так?! Так вот,— он многозначительно поднял вверх указательный палец правой руки,— так вот, слушайте меня внимательно!

— Да, да,— поспешно выдохнул Макс, освобождаясь от своих мыслей.

— Главная ошибка Ленина была в том, что он недооценил человеческую психологию. Он полагал, что обеспеченные всем необходимым и хорошо образованные граждане будут старательно трудиться на общее благо. Ничего подобного! Слышите меня? – Ничего подобного! Люди ленивы по своей натуре и не любят трудиться.

— Вы исключаете трудоголиков и талантов?

— С первых дней существования советская власть стала преследовать и уничтожать самых предприимчивых и трудолюбивых крестьян. Колхозы себя не оправдали. Еще Столыпин заметил, что фермеры производят больше и лучше, чем коллективные хозяйства. Сам же Ленин неоднократно отмечал, что русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями. Причиной тому, по его мнению, были царский режим и остатки крепостного права. «Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме», писал Ленин в своей статье «Очередные задачи советской власти». Для этого в СССР организовывались соревнования и прославлялись передовики. Но тех, кто действительно умел хорошо работать и мог этому научить других, убрали. Вторая ошибка: в Советском Союзе трудоголики уравнивались зарплатой с общей массой. Таланты, конечно, поощрялись, поэтому расцвело множество блистательных деятелей культуры и науки. Но это были единицы. А вся советская неконкурентная промышленность из года в год выпускала одни и те же однообразные товары, которые по качеству и эстетике все больше отставали от аналогов, изготовленных в развитых капиталистических странах.

Отсутствие конкуренции — тормоз в экономике. Рекламируемые в СССР соревнования и состязания передовиков со временем превратились в фарс, где «победителей» назначали или вытаскивали за уши. Такие соревнования никого не вдохновляли. Чтобы обеспечить прогресс, нужна или беспощадная конкуренция, как при диком капитализме, или строгий порядок, как при Иосифе Сталине. Капиталистические страны, где маховик конкуренции заставляет максимально выкладывать силы и умения, делают колоссальные успехи. Самая продвинутая капиталистическая страна сегодня — США, там новая система порабощения в виде кредитов. Человек может купить в кредит буквально все: землю, дом, машины... Никто не заставляет его, как прежде, трудиться по тринадцать часов в сутки, он сам лишает себя отдыха и сна, чтобы расплатиться за кредиты. Вот в чем секрет неукротимого прогресса капиталистического строя. Так может, капитализм — это лучший государственный строй, ведь он двигатель прогресса? Нет, капиталистическое общество нездорово: в нем небольшая кучка собственников присваивает чудовищные богатства, а трудящиеся, которые создают эти богатства, страдают от нищеты, бесправия и унижения. В то время как производство товаров растет и развивается, баснословно богатеет небольшая группа узурпаторов, а миллионы трудящихся обречены на бедность. Такова ущербная суть капиталистического строя, его неизлечимая хроническая болезнь, подобная злокачественной опухоли, требующая серьезного лечения. Об этом много написано великими мыслителями. Почитайте хотя бы роман Анатоля Франса «Остров пингвинов», одного из таких мыслителей, он не только историю человеческого общества отобразил, но и прозорливо предсказал наше будущее. Поразительно, но даже теракты предугадал! Этому роману нет равных по глубине содержания и изяществу стиля...

Но вернемся к Ленину. Он стремился создать общество, где каждому человеку гарантированы условия для нормальной жизни: работа, отдых, просвещение, культура, забота на случай болезни и старости. Скажите, что в этом плохого? Я уже говорил, что люди очень внушаемы, их, как потоки воды, можно направить в любое русло. Сейчас действует мощнейшая система обработки человеческого сознания, на помощь радио и телевидению пришел интернет, всемирная паутина, в которой человека цепко держат, как муху. С малых лет люди барахтаются в этой пагубной среде. Но пусть сегодня все СМИ успешно внушают, что Ленин — зло, настанет час, когда лю-

ди поймут обман, и с новым энтузиазмом примутся за строительство справедливого общества, поверьте мне! И никто не сможет им помешать! Общество всеобщего благоденствия — это неизбежное будущее человечества на земле!

— И что, опять революция? Ведь миллиардеры не отдадут добровольно свои богатства и власть. Не нарушится ли равновесие в мире, созданное свыше? Я читал о строгом порядке и распределении обязанностей у пчел, муравьев, если его уничтожить, все погибнут...

— А сейчас люди, по-вашему, не погибают? В Латинской Америке, Азии и Африке десятки и сотни тысяч людей ежедневно гибнут от невыносимых условий жизни. Гибнут дети, едва появившиеся на свет. Экологи заботятся о растениях, животных и насекомых, открывают красные книги. Но кто заботится о вымирающих людях, кто призывает не уничтожать их уникальные особенности и культуру?! Если вдуматься, поражаешься чудовищности этого мира: защищать какую-то букашку и закрывать глаза на уничтожение нации, страны. Об этом не положено говорить в «приличном обществе». За последние годы несколько стран подверглись агрессии и превращены в руины. Там орудуют бандиты, процветает работоторговля: Ливия, Ирак, Афганистан... Будьте так добры, подайте мне вон ту зеленую книжечку, лежащую поверх газет на журнальном столике! Спасибо. Это роман «Римские призраки» моего большого друга Луиджи Малерба. Позвольте, я вам кое-что зачитаю: «Когда заболели солдаты, которые контактировали с боеприпасами, содержащими обедненный уран, американцы с безнаказанной наглостью заявили, что Ирак тоже пользовался таким оружием... Еще им пришлось сквозь зубы признать, что они сбрасывали в Фалуйя бомбы, начиненные белым фосфором, и то после получения свидетельств от морских пехотинцев и показа по телевидению обугленных тел».

Совсем недавно Украина была культурной и сильной страной, а что там сейчас?! На кону стоит судьба России...

— Откровенно говоря, мне жаль, что Советский Союз, созданный Лениным, разрушен,— вздохнул Макс.— Удивляет, что новое поколение в России хулит все советское, ведь были же достижения, которые следовало сохранить: превосходное образование, воспитание в духе гуманизма, доступное для всех здравоохранение...

— Ах, молодой человек, что видело, что претерпело это новое поколение, чтобы судить о жизни?! Сильные мира сего обольщивают своих бедных собратьев. Пусть почитают хотя бы роман американского писателя Джона Апдайка «Кролик, беги», где реально описывается жизнь простых американцев, которых никогда не увидишь на экране, ибо их жизнь далека от идеала. Нам неустанно демонстрируют жизнь банкиров, мафиози, обитателей Уолл стрит и обслуживающий их шоу-бизнес. Но так живут не все американцы. Послушайте еще одну цитату из «Римских призраков» Л. Малербы. — Старик полистал книжку, нашел нужную закладку и прочитал: — Бертольт Брехт утверждал, что больше вины лежит на тех, кто открывает банки, чем на тех, кто их грабит с оружием в руках. ...Поймите, что банк — это не мирные институты, как думаете вы, нет, это центры криминальной спекуляции, отмывания денег, махинаций во вред вкладчикам.

Вы правильно заметили о воспитании в духе гуманизма. Социалистическая идеология, подобно ювелиру, обтачивала души людей, превращая их в драгоценности. Советские люди защищали свободу и счастье каждого человека на Земле. В любом уголке земного шара это чувствовали и понимали. Благодаря поддержке Советского Союза жители колониальной Африки обрели свободу и независимость, чернокожий африканец Нельсон Мандела вышел из тюрьмы и стал президентом своей страны. Советский Союз постоянно, как маяк в океане, и в шторм, и в бурю указывал верный путь к свободе и независимости. С исчезновением СССР настали мрачные времена... Но нельзя терять надежду, нужно ежедневно сеять здоровые зерна, чтобы получить хорошие всходы. Я верю в неизбежность светлого будущего. Об этом говорили на

протяжении веков все лучшие умы человечества. Люблю роман В.Гюго «Отверженные». Высоко ценю этого писателя и вообще французскую литературу за гуманизм. Помните, что преобразило жизнь беглого каторжника Жана Вальжана? — Серебряные подсвечники, бескорыстно переданные ему в подарок. Не читали? Кто не читал Виктора Гюго — много потерял.

— Спасибо, прочитаю непременно. У меня, конечно, не такой жизненный опыт, как у вас. Мое мнение: справедливое общество — это мечта неудачников, которая никогда не осуществится. Пока человек беден, он стремится к справедливости и равенству. Но стоит ему разбогатеть, так он своих братьев и людьми—то больше не считает! А этот лозунг: «от каждого по способностям, каждому по потребностям», по моему, ничто иное, как поощрение иждивенчества. Более корректно звучало бы: «от каждого по способностям, каждому по труду». Так справедливей... Очень любопытно встретиться с российскими литераторами, послушать, что они думают о сегодняшнем мире. Когда они должны появиться?

— На следующей неделе. Я и сам их жду с большим нетерпением. Вот и узнаем, чему они служат: духу или плоти.— Старик вздохнул: — У меня невеселые предчувствия...

— Предчувствия не всегда сбываются. Может оказаться, что это интересные и симпатичные личности,— попытался его успокоить Макс.

Аркадий МАР
(г. Нью-Йорк, США)

ДЕНЬ БЕГА

Наш постоянный автор, главный редактор газеты «Русскоязычная Америка NY».

Я отложил газету «Советский спорт» и спросил:

— Будешь пить чай?

Дочь на секунду оторвалась от своего альбома, где что-то раскрашивала фломастерами, и мгновенно предложила:

— Пап, давай откроем болгарский конфитюр?

— Ладно,— согласился я.— Только, по-моему, мы с тобой употребляем слишком много сладкого. От этого зубы портятся.

— Правда? — насторожилась Наташка.— А за год, например, сколько зубов может испортиться?

— Не знаю,— растерялся я.— Наверное, один.

— Тогда нечего бояться! Моих зубов на целых тридцать два года хватит.. А с зубом мудрости – на тридцать три.

Я не стал спорить, набрал в чайник воды, поставил на газовую комфорку и открыл банку с конфитюром.

— Что нового в детсаду? — поинтересовался я.

Наташка вздохнула.

— Скукотища одна... Лучше расскажи про свою работу.

— Нашей архитектурной мастерской заказали проект нового стадиона,— похвастался я.— Представляешь, на сорок тысяч мест!

— А зачем нужен такой большой стадион?

— Как зачем! Знаешь сколько людей посещают футбольные матчи, легкоатлетические соревнования, занимаются в спортивных секциях. Да, кстати! В нашей мастерской вывесили объявление. Завтра, оказывается, проводится День бега... А вот и вода закипела. Неси чашки.

Пока дочь доставала из серванта любимые сервизные чашки, я заварил чай.

Наташка осторожно налила чай в блюдце, подула и, смешно втягивая щеки, отхлебнула глоток.

— И что это за День бега? — поинтересовалась она.

— Не знаю,— честно признался я.— В объявлении написано: кто хочет участвовать, просим прийти в парк культуры и захватить с собой спортивную форму.

— Вообще-то я больше люблю плавать и нырять,— сказала Наташка.— Навылет, в глубину и спиной вперед!

— И где это ты так научилась? — подозрительно спросил я.

— Разве не знаешь? Возле 45-го дома уже целый месяц как бассейн построили.

— Так поэтому вечером я тебя никогда не могу домой дозваться. Ты понимаешь, что можешь утонуть!

— Скажешь тоже. Маленькая я, что ли?
— Все равно! Обещай, что больше туда ходить не станешь. Даешь слово?
— Хорошо, хорошо, даю... Ой, что-то мне больше конфитюра не хочется. И вот почему-то сладко стало!
— Это пройдет,— успокоил я дочь и поинтересовался,— что ты сейчас делать будешь?
— Наверное рисунок дорисовывать. А ты?
— Смотреть футбол,— и я, включив телевизор, удобно устроился на диване.

«Матч сегодня явно не удался. И московские армейцы, и наши гости, футболисты Азербайджана, двигаются вяло, почти не бьют по воротам. Игра, в основном, проходит в середине поля,— скучным голосом произнес комментатор.— За тридцать семь минут первого тайма практически не было создано ни одного острого момента...».

— Охота тебе смотреть такой скучный футбол,— сказала Наташка.— И потом, давно хотела спросить: те, кто занимается спортом, называются спортсменами?

— Да.

— А кто за них болеет?

— Болельщиками.

— А вот ты, папа, каждый вечер смотришь футбол, хоккей, баскетбол и один раз даже на городки телевизор не выключил. Как ты называешься?

— Я тоже болельщик и очень люблю спорт.

— Но ты им не занимаешься! По-моему, болельщиком должен быть тот, кто сам хоть чуть-чуть занимается спортом!

— Э-э,— сказал я.— Вечно у тебя в голове какие-то фантазии. Подумай сама. Утром отвожу тебя в детсад. Потом на работе весь день стою за кульманом... Нет, слушай, слушай! Из сада тебя забрать, по дороге продукты купить, ужин приготовить и хоть иногда убрать квартиру. А ты спрашиваешь, почему спортом не занимаюсь? И сердце последнее время стало пошаливать.

— Поэтому и стало, что не занимаешься!

Я пожал плечами и прибавил в телевизоре громкость.

«...Итак, прозвучал свисток об окончании первого тайма. На табло у нас по-прежнему светятся нули и хочется надеяться, что в перерыве тренеры внесут коррективы в действия команд и вторая половина пройдет более интересно...».

Изображение на мгновение мигнуло, появилась миловидная дикторша и, почему-то виновато улыбнувшись, произнесла:

— Мы продолжим трансляцию матча минут через двенадцать-пятнадцать. А сейчас предлагаем вашему вниманию документальный фильм «В верховьях Енисея».

— А пойдем завтра на этот День бегуна? — вдруг предложила Наташка.— И спортивная форма у нас есть. Хочешь твои кеды с антресолей достану?

— Хорошо,— согласился я.— Только сейчас ложись спать, уже без четверти одиннадцать.

Наташка закрыла глаза, перевернулась на живот, а я стал досматривать футбол. Второй тайм оказался таким же скучным и счет 0:0 сохранился до конца...

Утром мы отнесли белье в прачечную, потом в сберкассе заплатили за квартиру и Наташкин детсад и поэтому опоздали.

Когда мы добрались до парка культуры, День бега уже начался. Всюду были развешаны яркие транспаранты, эмблемы спортивных обществ и громко играла музыка.

— Как много людей! — удивилась Наташка.— Совсем как на Первое мая или Седьмого ноября!

Действительно, людей было очень много. Одеты в разноцветные спортивные

костюмы, они стояли плотными группами, улыбались, переговаривались между собой.

— А почему у всех номера? — поинтересовалась Наташка.

Я хотел объяснить, но не успел. Музыка стихла и чей-то, усиленный микрофоном голос произнес:

— Товарищи! До старта осталось десять минут. Если есть опоздавшие, просим заявиться и получить номера участников!

— Мы! Мы опоздавшие! — закричала Наташка и потащила меня за собой.

— Наташка, — предложил я. — Давай лучше останемся болельщиками?

Я посмотрел на ее, ставшую сразу какой-то грустной, фигурку и понял, что сегодня мне все-таки придется побегать.

Наши фамилии записали в протокол и выдали нагрудные номера.

— Итак, открываем праздник, посвященный Дню бега! — произнес микрофон тем же голосом. — Еще раз повторяю, протяженность трассы — один километр. Если кто-нибудь из участников почувствует недомогание, усталость, советуем сразу переходить на медленный бег или шаг. Помните, вы бежите километр здоровья!.. Прошу всех пройти за стартовую линию!

Высокий парень в синем спортивном костюме медленно поднял руку, нажал на курок стартового пистолета и со звуком выстрела мы бросились вперед...

Мы бежали по широким дорожкам парка мимо клумб с цветами, мимо шахматного павильона, танцплощадки, мимо застывшей на постаменте, выкрашенной почему-то зеленой краской, скульптуры девушки с веслом, мимо легкой эстрады, где по воскресеньям играет духовой оркестр.

Я оглянулся.

Наташка бежала рядом, высоко выбрасывая колени и равномерно работая руками. Она тоже посмотрела на меня и спросила:

— Можешь быстрее?

Я кивнул и побежал быстрее. Сначала мы обогнали двух полных женщин в одинаковых майках с надписью «Адидас», пожилого мужчину в очках, мальчика лет тринадцати в кепке с длинным козырьком.

— Отлично! — радостно крикнула Наташка. — Папа, прибавь еще!

И я понесся изо всех сил...

Вдруг я почувствовал, что ноги стали ватными. Я ловил воздух широко раскрытым ртом, но надыхаться почему-то не мог. Я остановился и совершенно без сил опустился на землю.

— Что с тобой, папочка? Ну что с тобой? — сразу подбежала ко мне дочь.

— Ничего, ничего. Сейчас пройдет.

А ко мне уже торопился врач в белом халате. Он быстро измерил пульс, фонендоскопом прослушал сердце и спросил:

— Когда последний раз занимались спортом?

Я попытался вспомнить, не смог и ответил:

— Наверное, еще в школе.

— Так я и думал. А работа у вас, конечно, сидячая?

— Скорее стоячая. Весь день черчу за кульманом.

— Что ж вы, милый мой, здоровье не бережете? Вот и вес лишний набежал. Сбросить нужно. Обязательно сбросить...

...Д-з-з-з-з, — в мой сон неожиданно ворвался какой-то резкий, дребезжащий звук, и я проснулся.

Рядом, на стуле, расставив стрелки на без десяти шесть, отчаянно заходилась бу-

дильник. Я накрыл его ладонью, испуганно обернулся. Но Наташка ровно посапывала и чему-то улыбалась во сне.

Стараясь не шуметь, я прошел в ванную — под прохладным душем окончательно проснулся, достал с антресолей старые кеды, надел спортивный костюм и вышел на улицу.

Было еще совсем темно и тихо, только за парком культуры, подъезжая к переезду, подавала голос почему-то осипшая электричка.

Чтобы разогреться, я сначала проделал несколько гимнастических упражнений, а потом, стараясь глубоко и равномерно дышать, медленно побежал.

Ничуть не устав, я добежал до конца дома, повернул обратно и вдруг почувствовал, что за мой локоть ухватилась маленькая Наташкина рука.

— Пап,— спросила Наташка.— Теперь мы с тобой тоже будем спортивной семьей?

Александр Шерстюк
(г. Москва)

Наш постоянный автор.

СКАЛЫ С ОСКАЛОМ
(Из цикла «Сказы-коротышки»)

Наконец опять отпуск. Отпуск мой не в Гуляй-поле, не в Чистополе, не в Крыжополе — в Созополе!

Глянул утром с балкона гостиницы на море — лежит оно ласковое, изумрудное, шепчущее, а над ним *неба синий шелк, никогда не было так хорошо!* А вчера море на всем побережье плясало поэму балконов. И смоковница терлась о ветер. Кажется, Владимир Владимирович и Федерико Федерикович* именно здесь набирались вдохновения — где теперь пребывает Александр Александрович...

И решил Сан Саныч посмотреть свое излюбленное местечко — где он когда-то, семь лет назад, отдыхал, небольшой полуостров, мыс, сложенный из черных обкатанных морем базальтов. Место малолюдное, расположенное за нудистским пляжем, привлекательное возможностью тихого одиночества и созерцания глыбных образов, созданных природой, запечатления их в цифровой записи. Отправился в поход верхними улицами Ропотамо и Виа Понтика, проходя мимо выросших роскошных домов с бассейнами во дворах и надписями на узорчатых изгородях: «ВЛИЗАНЕТО СТРОГО ЗАБРАНЕНО. ЧАСТНА СОБСТВЕНОСТ».

Но пройти на мыс оказалось проблематичным. Прежняя дорога вдруг оказалась пересеченной железной изгородью с воротцами, застегнутыми на проволочку. За изгородью был замусоренный пустырь, дальше виднелся второй забор, тоже с калиткой и без замка и охраны. Вдали слева был виден дворец. Но дворец-то не интересовал — хотелось увидеть скалы.

Пройдя через условные преграды, отвязав проволочки, Сан Саныч пересек оба пустыря и достиг стороны, откуда через забор уже можно было, хоть издали, увидеть родные скалы, шелкнуть камерой.

И тут... раздался гром. Не гром — громopodobный лай. Обернулся Сан Саныч, а перед ним огромный псина, с полбыка. Делает угрожающие прыжки к носу, рвет землю, лай и рык слились в один сплошной лайк со знаком минус.

Сан Саныч не испугался, нет. Он прекрасно знал, что пугаться бесполезно. Надо застыть, смотреть прямо в глаза, пусть зверь поймет, что его не страшатся. Надо дать ему понять, что он никакого значения в моей жизни не имеет. Ждать, когда пес обрушится. Сразу не обрушился, значит уже не обрушится. Его задача — страшить, задача натасканная. И невыполнимая, пусть он это поймет. А если уж сдуру обрушится, есть выход — схватить тварь за язык. Сан Саныч когда-то читал, что так женщина в Мордовии притащила волка домой, и его забили кольями.

* Это русифицированный вариант именования. Федерико Гарсиа Лорка, согласно испанским правилам, унаследовал от отца часть его фамилии — Гарсиа, но имя отца тоже было Федерико. (Примечание автора.)

Но вот спешно появился хозяин. Пса малость осадил, незваному гостю что-то стал сердито выговаривать. По-болгарски. Сан Саныч ему по-русски: «Извините, я здесь раньше на скалах отдыхал, захотелось взглянуть». Бесполезно. Беспрекословный жест был направлен за пределы пустыря. Лицо каменное, ни тени улыбки.

Ни тени улыбки!.. Хотя улыбка должна быть вообще иной — ни света улыбки! Но люди все больше привыкают жить без улыбок.

Вечером Сан Санычу рассказали, что полуостров купил русский, скалы наполовину засыпал землей, чтобы участок стал шире, охранник-болгарин наемный.

И вспомнил Сан Саныч, как утром он глядел с балкона своего номера гостиницы, нависшего над морем. Берег под гостиницей скалистый, ломаный, глазу привлекательный, ногам неудобный. Зато удобный чайкам. Одна села на выступ, к ней подлетела другая, пыталась сесть рядом — была изгнана, крыльями и клювом. На скале висели таблички-кенотафы с фамилиями погибших здесь мужчин. Таблички «Частная собственность» не было.

МОЙ ГАЙДАР

С Егором Гайдаром я не был знаком, но прикоснуться довелось.

Находился я какое-то время в Звенигороде, и тут узнаю, что рядом, в селе Дунино, жил Пришвин, сейчас там дом-музей. Пришвина я уважал и решил посмотреть. Пробрался лесом в деревню, несколько км шел через сосняк, стозвонный и корабельный, разбитый на частные гектары с дворцами нуворишей, над высокими стенами с черными железными пиками виднелись только верхи достижений, шел в длинные обходы стен, и вот оно, Дунино. А там тоже не деревня, а сплошной новострой, вместо изб — коттеджи, коттеджи... Надо кого-то спросить, где музей, а некого, людей на улице ноль. Вижу, дом-дворец достраивается, он под горкой, а до него всякие другие модные детали — дорожки фигурные керамические извиваются, при въезде в эту краснокирпичную, почти монастырскую ограду домик охраны готовенький, но еще пустой, стоит, людишки шевелятся. Я — во двор, к людям: как пройти к Пришвину? Да вот, через три дома. Уф, добрался!

В музейном свайном деревянном доме побеседовал со служителями — двумя девушками, научными работниками, готовившими публикацию дневников Пришвина. Несколько томов уже вышло, кажется, 4, а всех, кажется, 18. Труд колоссальный, конспирологический. В бумагах много неразборчивых записей (они в томах так и обозначены — *нрзб*), хранилось это много лет в земле, в закопанных ящиках, такая была эпоха — надо было таить. Я попросил девушек дать мне какие-либо высказывания Пришвина о Пушкине, близилось 200-летие поэта, я готовил выпуск альманаха «Литературный Зеленоград», хотелось что-то новенькое, приуроченное засветить, проюбилеить. Девушки пообещали подготовить, потом прислали, и Пришвин о Пушкине, неопубликованное из дневников 1932—1951, подготовленное Лилией Александровной Рязановой, впервые вышло в ЛЗ-1999.

Задал я девушкам вопрос и о строящемся доме, куда во двор заходил. «Да это же дом Егора Тимуровича Гайдара!» — ответ. Бровь моя поползла к виску: «Как? Почему?» — «Да Егорушка здесь отдыхал в детстве, в пионерлагере. Видать, место понравилось, запомнилось, вот и решил».

Между прочим, было это вскоре после дефолта. Идя к Пришвину, еще по лесу, я на минутку задержался у выезда из одного из многогектарных скитов, у глубокого очистного котлована, из-за угла забора, имея опыт скрытности и неразговорчивости, спросил рабочего (он, к счастью, был здесь один), откуда он, сын трудового народа? «Из Десногорска». — «Да? Так мы ж земляки, я там на Смоленской АЭС был, там шурин мой зубы людям лечил... И что вас бросило сюда?» — «Хорошо платят, точ-

нее, платили. А в Десногорске работы нет». — «А что там во дворе происходит? Столпились люди, вроде разборка какая-то, руками машут...». Мой визави, осмотревшись по сторонам, понизив голос, доверительно, глядя в котлован: «Хозяин приехал. Нам стали платить меньше. Дефолт. Люди недовольны». — «А фамилия хозяина?» — «Сами не знаем, нам не говорят»...

Итак, с Пришвиным я познакомился, портфель его кожаный потрепанный вкусно осмотрел, а вот Гайдара не видел. Но фамилию его здесь в секрете не держали.

И вспомнился мне один документ, который я держал в своих руках и где-то в архиве храню. Собственно, документов было, и есть, два. На одном — решение профкома Института марксизма-ленинизма о выделении научному сотруднику Гайдару Е. Т. на летнее время дачи на Пахре. Второй — решение профкома о постановке Гайдара Е.Т. в очередь на автомобиль «Москвич». Попали эти бумаги ко мне случайно — после того как здание Института марксизма-ленинизма заняло Дворянское Собрание — произошла смена дворянства.

Жаль, Егорушка в новом доме прожил мало.

ВИРУС НЕЗАЛЕЖНОСТИ НЕ ЗАЛЕЖИВАЕТСЯ

Фамилию этого человека называть не буду, достаточно сказать, что она очень украинская и близкая к слову огонь. Ему 84, несколько лет назад переехал из Киева в Москву к дочери, еще шустр, внуки взрослые, самостоятельные, зять подполковник, бывший винницкий бравый парубок, много лет живет в Москве, служит российской обороне. Сам этот пожилой новообращенный москвич (или москаль?) технарь, в Киеве служил чиновником. Но пописывал. Юморески разные, типа народных басенок, несколько автобиокишек, изданных домашне. Басенки писаны мовой, на русский лучше не переводить — без колорита украинского языка от юмора ничего не останется. Из других книжек одна, о ранней поре жизни, написана по-русски, вторая — по-украински. То есть писатель двуликий — в хорошем смысле этого слова, а чтобы меня поняли правильно — скажу, двуязычный. Один его очерк я отдал знакомому редактору литературного журнала, он напечатал, по этому случаю встретились, сидим, толкуем малость кое о чем.

И вдруг он меня спрашивает: а что, ежели (так и сказал: «ежели» — совсем не по-киевски) он напишет про Матерь Владимирскую — напечатают? История такая: эта икона, святыня России, по преданию написанная евангелистом Лукой, была подарена монастырю в Вышгороде, что под Киевом, потом князь Андрей Боголюбский перевез ее во Владимир. «Получается... что украл?.. — осторожно, глядя на мою реакцию, пояснил мой собеседник. — Стоит писать? Напечатают?»

— Писать надо обо всем, что волнует, — ответил я. — Печатать тоже можно все — цензура отменена. За свой счет — в любой типографской забегаловке. Но вы хотите не за свой счет, в журнале. Редактор этого журнала, издающегося в России, давшей вам приют, вряд ли напечатает — идея ваша дурно пахнет, а редактор все же слышал, наверное, о статье Конституции, запрещающей разжигание розни.

— Но я только процитирую исторический документ — летопись...

— Вы еще не процитировали мне летопись, а уже вынесли приговор — «украл». Этот приговор прямо сочится из вашего замысла. Но ваш замысел — не святой источник. Вы хотите плеснуть свой стаканчик бензина в полыхающее пламя вражды между нашими народами? Вы уверены, что этот русский князь, единоличный правитель в своем Вышгороде, не имел права перенести икону в другое свое княжество? Скажите, он у кого «украл»? У самого себя? Но так не бывает. Тогда ведь церковь не была отделена от государства, все находящееся под дланью князя было в его распоряжении. Сейчас вот церковь отделена, а ваш киевский политический временщик,

фамилия которого происходит то ли от слова «порох» (продукт, требующий особо осторожного обращения), то ли от слова «поросенок» (которым обычно характеризуют стиль поведения), то ли от слова «параша» (концентрат нечистот, символ уголовщины) — ваш временщик пишет письмо константинопольскому патриарху с просьбой разделить церкви,— какого черта он сует свое свиное рыло в божьи дела?.. Очень странный у вас замысел... Вы же не просто перепишите чью-то фразу, а имея некий генеральный замысел, без чего не бывает писательского творчества. В чем он, этот замысел? В том, что святыня москалей — краденая? И, дескать, не пора ли потребовать ее возвращения?..

...А недолго до этого, прошел всего месяц, у меня был похожий по перекосяк случаю. Я отдыхал в Болгарии, жил на берегу моря в одной гостинице и купался в одном заливчике с подполковником армии укропских ублюдков, палачей моей шахтерской родины, женщиной жесткой. И тело у нее было деревянное, и взгляд из гранита. Поселившись, она тут же вывесила на балконе жовто-блакитный флаг, будто это не гостиница, а ее киевский штаб, и будто здесь не пляж, а плац. Хозяин гостиницы заметил ей, что делать такой выброс а-ля «слава Украине, героям слава» крайне нежелательно, и она убрала...

...А насчет Матери Владимирской, то не противилась она путешествию в далекий от Вышгорода северо-восточный край, не остановила коней в земле околкиевской, а встали кони как вкопанные в земле Владимиро-Суздальской, где князь Андрей, позже прозванный Боголюбским, получил повеление построить храм, что он исполнил и совершил еще много славных, порой менее славных дел, и там же, в храме, кончил свои дни.

Утверждают, что зачарованные идеями фюрера немки кричали на берлинских площадях: «Хочу иметь ребенка от Гитлера!» Они были поражены вирусом «нехватки жизненного пространства». Этот вирус привел к поражению их зиганутой страны. Миллионы немцев получили жизненное пространство под березовыми крестами. Но сам вирус не погиб.

Зиганутые наперекосяк укропы уже заявили желание, чтобы мы им отдали Кубань — за переселение в этот благодатный край запорожских казаков. Почему бы им не потребовать, чтобы мы отдали им не только икону Владимирскую, но и основанный великим князем киевским Юрием Долгоруким — чего уж мелочиться — градец Москву?

14.10.2018 День Покрова Богородицы

P.S. О том, что вирус незалежности не залеживается и поражает все большее число душ в бывшей братской стране, свидетельствует и такое письмо, полученное мной на днях с Украины:

«...А вообще живем — словно «на земли чуждей». ...Поверите ли — родной дядя, хороший, в общем, человек, меня вдруг выдворил из дома, когда я несколько дней, будучи больна, гостила у него (ездила в Запорожье на лечение позвоночника; можно было не брать койку в больнице, а приезжать только на процедуры). Подумать только: мой родной, любимый и уважаемый дядя, сказал мне, что мой муж — враг Украины и что таких надо давить сапогом и прочее. Вот так. Откуда в нем эта ненависть? Убеждать в чем-то человека, которому за 60, было нелепо. Поэтому, извинившись, что не знала о таком расположении к нам (зачем сразу по моем приезде не сказал? я бы тогда погостила у подруги, например), я поехала к брату — еле-еле добралась, мне было очень плохо после процедур (шейные позвонки), кружилась голова и была сильная слабость. Теперь, наверное, уже не придется к нему ездить. И вообще, дядя мой — человек добрый, отзывчивый,— казалось, как к нему могло прилепиться гнусное убеждение, что члены одной семьи могут быть врагами друг другу? А

очень просто: ОН ДНЯМИ И НОЧАМИ СМОТРЕЛ ТЕЛЕВИЗОР! Спутника у него нет, только украинское ТВ...».

ЭКРАН ДЛЯ ОДНОГО ИЗ МИЛЛИОНОВ

Когда снимался фильм про моего брата, погибшего в 1942 под Сталинградом, оказалось, что мы с кинщиками (слово из говора на моей родине) во многом друг друга не понимаем. Я им дал основу для фильма — изложение фактов, в виде эссе, это уже почти сценарий, только не расписанный по кадрам. Но ведь дальше, казалось бы, дело техники.

Оказалось, не только техники. Оказалось, еще и дело фантазии. Фантазии так называемой художественной, густо перемешанной с реалиями документальными. Благо был бы я посторонний зритель, все принял бы как есть. Но я-то знаю, как на самом деле было, и фантазии режиссера часто шли поперек моего видения.

Во-первых, типаж. Мой брат был рус, даже светловолос. И округл лицом. Достаточно посмотреть на фотографию его 16-летнего, и на сыгравшего его актера-брюнета — небо и земля.

Мишу, как он идет по деревне, еще война не началась, и звонко поет, по воспоминаниям моих сестер, «*Через рощи шумные и поля зеленые вышел в степь донецкую парень молодой*» (пели в нашей семье все, и красиво пели; а песня эта была из вышедшего тогда фильма про шахтеров, и пел Миша как будто про меня, хотя я еще только собирался родиться, а уж в степь донецкую ушел 14-ти лет),— представить могу, а вот этого парня, актера, склада современного, когда народное пение умерло и вымерло,— никак.

Это еще ладно. А вот девушку ему придумали, журналистку. Этого вообще не было! То есть была девушка в его поездной бригаде, кондуктор, они служили в одном депо, эвакуировали их вместе. Когда немецкая бомба вонзилась в Мишу и разнесла его по кровиночке, уцелела только голова, эта девушка взяла себе на память его ремень. Именно от нее семья узнала, уже после войны, как погиб Миша.

Неизвестно, то ли ремень после бомбы тоже чудом уцелел, вероятно, изрешеченный, то ли бы еще запасной где-нибудь в раздевалке, это уже не узнать. Надо было девушку расспрашивать сразу, а не через 70 лет искать.

Кстати, странное выражение: «уцелела голова». Когда человек погибает, говорят о головушке пропащей, а тут — жизнь убита, а голова «уцелела». Один из парадоксов языка.

Режиссером была выдумана не только журналистка, но и переписка. Кучку фронтовых треугольников показывают в кадре. Их не было! Куда могли писать хоть журналистка Галя, хоть Миша, если семья находилась в оккупации?! В войну мы получали письма только после освобождения нашего края, только от отца, которому удалось дойти до Берлина.

А подвиг Миши, якобы совершенный и якобы рассказанный в фронтовой газете? Газету эту, с заметкой о подвиге старшего кондуктора Михаила Шерстюка, создатели фильма выполнили даже в натуре, дали экземпляр мне. Зачем? Храню как курьез, но всерьез не показываю никому, конечно. Правда войны и гибели брата самодостаточна, для меня — эпична и не нуждается в подделках.

Далее. Надо было отснять ряд сцен в доме, в котором рос и из которого ушел Миша на войну. Дом деревенский, дом, в котором я родился. Этот дом был самой обычной деревянной крестьянской хатой. Я родился, по рассказу матери, на полу, застеленном охапкой соломы. Рядом, тоже на соломе, находился теленок, которого внесли в избу, чтобы не замерз в сарае, где осталась его мать, ведь зима, март. В подпечье хрюкал поросенок, купленный загодя, чтобы к следующему новому году были

жиры. Ребенка качали в люльке, подвешенной к потолку. По центру комнаты стояла круглая железная грубка с дымоходом из жестяных труб с коленами, дым уходил в печь. И стояла колода с железной рейкой, на которой можно было делать холодную ковку, в основном «жестянку». Еще были услон (лавка, скамейка) и небольшой столик. Отковки стены и вообще все было покрыто ржавчиной.

Так вот, для съемок арендовали не что иное, как дом писателя Телешова, в центре Москвы. Купеческий дом должен был сыграть роль деревенской избы. Хотя съемки шли только изнутри, но ничего похожего на крестьянский быт не было и в помине. Кстати, фамилия Телешов звучит как теле-шоу, что хоть и делает кому-либо честь, но дополнительно подчеркивает несуразность обстановки.

А как фальшива сцена прощания! Она снята в избе. Никогда, поверьте, никогда в деревне не прощаются в избе. Прощаются со своими, отбывающими надолго — не в избе, и даже не во дворе. А все, и убывающие, и провожающие, идут долго по улице, до какого-нибудь приметного места, поворота, а то и вовсе тянутся большую часть, порой и до конца, трехкилометрового пути. Это в мирное время. А уж в войну-то, когда человек уходит на верную гибель!.. Какая фальшь в фильме! Хотя я говорил организаторам съемок: надо отъехать немного от Москвы, найти подходящую избу, там и снимать эту сцену. Но куда там!

И еще одно, казалось бы, малозаметное недоразумение, но это кому как. Вот сидит мальчик лет пяти, изображающий меня. Мальчик-артист, его зовут Антон, играет с кубиками. Перед съемками меня спросили, какие игрушки были у меня в детстве. Игрушки? Да я и слова такого не знал. Не было в деревне в то время, в войну и после, никаких игрушек. Разве недостаточно было, что мы жили и каждый элемент познаваемой жизни, каждый предмет был интересен. А впрочем, вспомнил! Когда удавалось поймать какого-либо жука, чаще всего майского, хруща, серебристопузого, его сажали в пустой спичечный коробок и прикладывали к уху — *слушали радио*. Жук в коробке скребся, усилия выбраться были напрасны, а звук был похож на неразборчивую хрипотцу радиотарелки, нам тогда уже знакомую, в сельсовете висела. А вот кубики... Это ж изделие покупное, городское, при полном безденежье крестьянским детям недоступное и неизвестное.

Ничего этого я объяснить режиссеру не сумел. Я ему годился в отцы, но возраст — слабый авторитет, если люди из разных эпох, из разных миров. Они, распорядители съемок, на меня смотрели, как на инопланетянина, что опять возвращает нас к разнице небо и земля.

...И все-таки, при всем моем ворчании, при каждом просмотре этого фильма, а называется он «Один из миллионов», <http://youtu.be/CJsmdnkfkWk>, — слезы наворачиваются на мои глаза.

Сергей Криворотов
(г. Астрахань)

КРАСНЫЕ САПОЖКИ

Врач-кардиолог. Литературной деятельностью занимается с 2011 года. Автор свыше 270 литературных публикаций в периодике России и русскоязычных изданиях стран ближнего и дальнего Зарубежья.

Чтобы спокойно подготовиться к экзамену, Анатолий решил в одиночку надолго засесть в читальном зале областной научной библиотеки до самого ее закрытия. В институте сроду не дадут позаниматься, то один знакомый объявится, то другой. А то убедительно соблазнят чем-нибудь особо заманчивым на вечер, прощай тогда настрой на учебу и все его благие намерения! А потом целый семестр существуй без стипендии. А в науке обстановка совсем другая, массивные столы с лампами под зелеными абажурами располагали к серьезным занятиям. Вряд ли там окажется кто-то из его непутевой шатии-братии, значит, и посылать куда-нибудь не придется. Вот такой имелся у Толика хитрый план.

Однако, и там без встречи со знакомыми не обошлось, точнее, со знакомой. Впрочем, если еще точнее, по большому счету знакомством, даже шапочным, назвать это представлялось большой натяжкой. Просто не раз виденная прежде девчонка с нестандартной, отличной от других и потому запоминающейся внешностью. Анатолий даже имени ее не знал. Конечно, помешать его серьезным занятиям она никак не могла, но пройти мимо и не обратить на нее внимания не получилось.

Прежде всего в глаза бросался необычный цвет кожи. Если бы у коренного жителя Экваториальной Африки убрать черную составляющую природной наружной окраски и оставить только насыщенную до темноты ее синюю часть, пожалуй, могло получиться подобное. Только фиолетово-баклажановый отлив лица и открытых участков тела девушки, приглушенный землисто-чернильным оттенком не имел ничего общего с естественным цветом или приобретенным загаром за много часов под палящим солнцем. Почти агатовые губы, слегка присыпанные серебристым блеском, не являлись результатом наложения чрезмерно темной помады. А сине-черным ногтям на удлинённых тонких пальцах рук, походивших на живущие отдельно жизнью паучьи лапки, вполне хватало легкого покрытия бесцветным лаком.

Спустя лет тридцать любая готтка обзавидовалась бы такому натуральному макияжу, но в то время о подобной разновидности субкультуры будущего никто, естественно, представления не имел. Да и само понятие субкультуры в обиходе отсутствовало, изредка ненавязчиво встречались полухиппи, либо их подражатели, но все они так или иначе вполне вписывались в советские реалии, то есть либо работали, либо учились. Безработицы, как и тунеядства детей цветов на капиталистическом Западе, у нас просто не существовало.

Да и в мелких чертах ее неестественно смуглого лица совершенно не проскаль-

зывало ничего африканского. Ненормально субтильная, просто ходячие мощи, тонкие ключицы выпирали из-под кожи в широком вырезе вязаной кофточки без ворота. Длинные ноги-щепки в ярких полосатых гетрах, беспокойно подвижные, словно готовые куда-то сорваться и бежать в любую минуту, речь торопливая и сбивчивая.

Много позже знакомый Анатолию питерский поэт из Митьков в порыве пьяного вдохновения шедеврально высказался о подобной худышке, пересекшей его жизненный и творческий путь:

*Тили-тили-тили-ти,
тоненькие ножки,
тили-тили-тили-ти,
красные сапожки.
Тили-тили-тили-ти,
маленькие тити,
Тили-тили-тили-ти,
что же Вы хотите?!*

Странно, в тот библиотечный вечер на нашей героине, одевшейся уже для улицы, оказались именно такие красные сапоги под белой кроличьей шубкой!

При всем том ее внешний облик нельзя было посчитать милым или приятным, как, впрочем, и отталкивающим. Не красавица, но и не уродица какая. Только все отдельные штрихи с линиями сплетались в казавшийся неправильным единый образ. Что-то с нею было явно не так, какая-то искаженная экзотика или уже патология, даже если постараться забыть на мгновение необычный цвет кожи.

Выразительные, влажно блестящие темные глаза с любопытством сверлили подходивших посетителей мужского пола, не задерживаясь на женщинах. Некоторым становилось не по себе под столь бесцеремонным разглядыванием странной девушкой. Другие же воспринимали то прямым приглашением к знакомству.

Когда Анатолий столкнулся с ней нос к носу в гардеробе областной библиотеки, то сразу без труда припомнил, где и когда встречал столь не похожую на других то ли тростинку, то ли ожившую мумию. Правда, теперь девчонка выглядела гораздо старше, хотя прошло всего год или два, только ее поразительная худоба оставалась прежней.

В теплое время Толик нередко видел ее по вечерам на лавочках в скверах, всегда в больших компаниях парней. Обычно они занимались распитием дешевого вина из пущенного по кругу стакана под орущий кассетник или шестиструнку в умелых руках местного самородка. Нередко там оказывались знакомые, и его радушно принимали в подобравшуюся бражку. Среди собиравшейся в центре города молодежи многие знали друг друга не только в лицо, но болезненно худая смуглянка раньше не попадалась ему на глаза, иначе бы навсегда врезалась в память, как произошло теперь.

Потом, примечая необычную девушку то издалека, то вблизи, он убеждался, что общительная, бесцеремонная незнакомка всякий раз оказывалась с разными парнями, а пила при том наравне со всеми, будто пыжилась что-то доказать или показать назло другим и самой себе. Нисколько эта шкода ему не нравилась, даже в голову не приходило познакомиться с ней или попытаться увести куда-нибудь в темную аллею, как это делали на его глазах другие. Хотя раз другой Толик ловил на себе ее оценивающий взгляд, похоже, заинтересовать особо не смог, впрочем, ничего для того и не предпринимал. Определенно, их легкая мимолетная антипатия получилась тогда взаимной. Не похожая ни кого девчонка, не слишком удачный эскиз женщины, не соответствовала его вкусу и не только внешне, но не запомнить такую оказалось невозможно.

И вот она предстала перед ним гардеробщицей здесь, в натопленной библиотеке. Молча, с веселым презрением приняла у него зимнюю куртку и волчью шапку, будто это он сейчас в чем-то одалживался у нее. Насмешливо посмотрела так, что все сомнения исчезли, она его прекрасно помнила.

Случилось странное, когда уже после сигнала о закрытии библиотеки на сданный номерок Толик принял назад свою одежду из тонких рук девушки, та неожиданно коснулась его рукава и спросила, не сомневаясь в возможном ответе:

— Проводишь меня, студент? Я живу недалеко...

На просьбу это не походило, скорее приказ, изъявление воли, но отказать он почему-то не смог.

— Придется чуток подождать... Лады?

Когда она отперила последнего припозднившегося читателя, заперла дверь гардеробной и выскользнула в вестибюль к послушно ожидавшемуся Анатолию, на ней уже красовались те самые красные сапожки на каблуках и белая шубка до колен.

Потом, спустя совсем немного времени, они долго целовались в обшарпанном выстуженном подъезде трехэтажной постройки не то сталинских, не то раннехрущевских времен.

Губы ее оказались поначалу такими же холодными, как и пальцы рук.

— Зато сердце горячее,— улыбнулась она в лестничном полумраке на его удивленный вопрос. Единственная электрическая лампочка горела где-то на верхней площадке, и ее слабый свет почти не доходил до них, придавая призрачному лицу девушки загадочный незавершенный вид. Да еще этот собачий холод с улицы, казалось, не только наполнял через разбитую дверь внизу весь подъезд, но и проникал прямо в душу.

Она пылко прижималась к нему всем телом, чтобы уже через минуту нервно закурить длинную болгарскую сигарету, извлеченную из пачки в сумочке. Затем, следуя какому-то лишь ей самой известному ритуалу, настойчиво подносила ее фильтром к губам Анатолия, понуждая присоединиться к важному для нее акту курения. Чтоб не обидеть, он делал вид, будто затягивается, хотя никогда не курил по настоящему, просто набирал дым в рот, вдыхать его в легкие представлялось ему полным идиотизмом, чем-то противным и противоестественным. Если она и заметила такую уловку в темноте, то лишь хитро улыбнулась на мгновение. Да и то, он не был уверен, что это ему не показалось.

Как бы извиняясь, что не приглашает к себе, девушка пояснила, что живет с довольно строгими родителями. Точно в подтверждение этих слов этажом выше слышался звук отворяемой двери, после короткой паузы недовольный женский голос велел немедленно идти домой. Скорее всего, они забылись и заговорили достаточно громко, чтобы их услышали наверху.

Имя у нее оказалось незамысловатым и одновременно красивым: «Наташа». Именно так назвала ее сердитая женщина, безошибочно определившая присутствие дочери в подъезде, уточнение, что это ее мать, выглядело излишним.

При первых звуках командного родительского голоса девушка испуганно вздрогнула и резко отпрянула. Затем, как бы спохватившись, торопливо поцеловала напоследок, но отстраняясь от его рук, уже на ходу перед тем, как взлететь наверх по ступеням, горячо шепнула:

— Все, все... Пока!..

Именем провожатого Наташа ни разу не поинтересовалась, будто оно представлялось ей совершенно безразличным. Даже номерами телефонов не обменялись. Конечно, Анатолий всегда мог найти ее на работе, там же, в гардеробе областной научки. Но ему совершенно не хотелось никакого продолжения, ни завтра, ни потом. Экзамены висели на носу, получение стипендии на полгода представлялось самым важным. Главное, все с этой девчонкой, жадно и умело целующейся взапас, как опытная

изголодавшаяся по ласкам женщина, показалось не таким, неправильным. После неожиданного для него шквала страстных поцелуев от податливых холодных губ он не испытывал восторга. Весь путь до своего дома и позже на следующий день ощущал странную разбитость во всем теле, словно после долгой изнуряющей тренировки в спортзале.

В ближайшие дни ходить в читальный зал уже не требовалось, к экзаменам он готовился дома по раздобытым конспектам и учебникам. А после сессии и вовсе причин к тому не осталось. Видеть же Наташу ему тогда совершенно не хотелось. Снова Анатолий попал в областную библиотеку лишь через несколько месяцев, когда последние необычно жаркие дни весны не отличались уже от лета. Гардероб не работал, его знакомой на месте не оказалось. Спрашивать же о ней он никого не стал.

Раза два, не отдавая себе отчета, зачем так поступает, Толик приближался к ее дому и, побродив вокруг, долго стоял в отдалении, наблюдая за парадной дверью знакомого подъезда. Он и сам не мог понять, в самом ли деле хочет увидеть еще раз необычную девушку? Будто своими торопливыми жадными поцелуями с одного раза она сумела закодировать или приворожить его к себе. Впрочем, он все реже о ней вспоминал.

К этому времени Анатолий познакомился с выпускницей средней школы, они проводили теперь большую часть свободного времени вместе. А через полтора года, незадолго до окончания им мединститута, молодая пара поженилась и закрепила свои отношения ребенком.

Как-то воскресным днем на улице он увидел Наташу в обнимку с двумя развязными парнями. Все трое были явно навеселе и направлялись от ближайшего кафе к ожидавшему их такси. Девушка громко и неискренно смеялась на матерные шутки спутников. Ярко накрашенные губы выделялись алым пятном на темном фоне лица. Такая же субтильная, угловатая, без малейших намеков на округлости, по-прежнему вся неестественно баклажаново смуглая, даже с вызывающе почти кровавым ртом, она выглядела намного старше, уже вполне смотрелась женщиной средних лет, будто не три года, а целый десяток минул с того холодного вечера в темном подъезде.

Даже сохранившаяся внешняя живость представлялась со стороны вымученной и жалкой. Потрепанный вид выдавал не то запредельную усталость торопившейся жить «на полную катушку» быстро стареющей дамы, не то скрытую внутри нее болезнь. Ничего он к ней не почувствовал, даже усомнился, именно ли с ней целовался когда-то или с какой-то другой, очень на нее похожей? Но нет, никого больше с такой внешностью он не знал.

Наташа не заметила его или не узнала, да и не до того ей было. Водитель такси услужливо распахнул дверцу, и веселая компания после нескольких попыток погрузилась на заднее сиденье, чтобы продолжить праздник в другом месте.

После получения диплома Анатолию предстояло пройти годичную интернатуру по выбранной специальности. Несколько месяцев он обучался в кардиологии городской клинической больницы. Там и встретился снова со странной смуглянкой.

Наташу перевели из реанимации, куда доставила скорая помощь в почти бессознательном состоянии. Но уже через двое суток после интенсивной терапии больной стало настолько лучше, что ее без опасений перевели в обычную палату кардиологического отделения.

Не сразу решил Анатолий навестить давнишнюю знакомую. Лечащим врачом Натальи назначали опытного ассистента кафедры, так что никакого отношения к ее дальнейшей судьбе интерн-первогодка не имел. Да и кто она ему вообще?!

Из докладов на утренних пятиминутках он узнал, что у девушки своевременно не оперированный тяжелый порок сердца, она находится в здешней клинике не впервые, все тут ее хорошо знают, и оптимистичный прогноз болезни для нее давно исключен.

Наташа родилась в маленьком селе за сотню километров от областного города. Кроме ближайшего фельдшерско-акушерского пункта, обращаться за медицинской помощью следовало только в райцентр, до которого надо было еще добраться, и не факт, что там нужный специалист мог оказаться на месте.

Родители смирились и привыкли к синеве кожи долгожданной единственной дочки. Только когда ей исполнилось двенадцать, из-за участившихся обмороков отвезли Наташу на обследование в областную поликлинику, где девочку сразу определили в детский стационар. До повсеместно доступной высокотехнологичной кардиохирургии оставалось три-четыре десятилетия. Ультразвуковые исследования еще не вошли в повседневную практику даже в крупных городах. Но рентгена и фонокардиоскопии хватило, чтобы безошибочно подтвердить диагноз врожденного порока, да еще такого сложного, как пентада Фалло.

Хотя сроки для вмешательства значительно упустили, родителям предложили прооперировать Наташу, причем, с малыми шансами на полный успех, от чего они сразу категорически отказались.

В последующие годы отец и мать продали дом с участком и перебрались в областной город, чтобы обеспечить больной дочке постоянное наблюдение кардиологов.

Только когда ей исполнилось восемнадцать, Наташа вместе с родителями решилась на помощь хирургов. Но оказалось слишком поздно, изменения в ее органах из-за нарастающей сердечной недостаточности и вызванного ею кислородного голодания сделались необратимыми. При том уровне медицины даже при удачном исходе операция уже не спасала. Ни один специалист не брался предсказать, сколько ей суждено прожить. Финал мог наступить в любой момент. И все же дважды в год она исправно ложилась в стационар для поддерживающего лечения, пока пожилые родители внезапно не скончались от инсультов с разницей в несколько месяцев.

И вот на этот раз она попала в больницу уже с машиной скорой помощи.

Анатолий долго поджидал момент, когда ходячие соседки по палате ушли на обед. Наталья оставалась на строго постельном режиме и в коридоре не показывалась.

Он и сам не знал, какой ожидал найти Наташу, но теперешний вид больной просто ошеломил. Конечно, как он успел убедиться, одно дело знакомый человек вне больничных стен, и совсем другое, когда он внезапно предстает перед тобой в качестве пациента. Но тут оказалось совершенно иное.

Перед ним, полуприкрытая пустым пододеяльником, лежала посторонняя пожилая женщина в больничной рубашке, почти старуха. Он засомневался, а где же его знакомая, может, он как-то умудрился перепутать палату? Но нет, никакой ошибки, та же худоба, контрастный с белизной постели черно-баклажановый цвет кожи... Только волосы почему-то густо осыпаны не то серебром, не то мукой, и на узнаваемом востроносом лице сетка отсутствовавших прежде морщин.

Молча продолжал стоять у входа и неотрывно смотреть на нее, не представляя, чем можно объяснить такую разительную перемену. Его недолгий жизненный опыт не давал совершенно никаких подсказок. Память подсунула лишь виденный в детстве назидательный фильм «Сказка о потерянном времени», в котором старые негодяи волшебством возвращали себе утраченную молодость за счет лентяев-третьеклассников, превращенных ими в дряхлых стариков. И еще смутное воспоминание о лекции по биологии, где студентам рассказали о редчайшем генетическом нарушении, дающим такую же картину, как сейчас перед ним. Память не подвела, он даже вспомнил название — «прогерия», во как!

Многими годами позже при знакомстве с маленьким героем рассказа Бредбери, стареющим с каждым оборотом карусели, Анатолию живо припомнилось жуткое превращение Наташи. И еще раз, когда агенты Малдер и Скалли в «Секретных материалах» попали на судно в океане, на котором процесс старения шел многократно быстрее реальной жизни.

Но сейчас он не сомневался, что перемены во внешности Наташи связаны с ее основным заболеванием, даже если и тут не обошлось без генетики.

— Привет! Я помню тебя...— задумчиво сообщила она, глядя его совсем не старческими глазами, и тут же поправилась: — Вас...

— Я тоже,— поспешно заверил он.— Только, давай снова на «ты», ладно? Что за новости...

Она согласно, совсем не радостно улыбнулась в ответ, сразу посерьезнев:

— Гадство! Как все несправедливо...— пожаловалась больная с отчаянием, и в ее без того влажном взгляде блеснула слеза.

— Что «все»? — попытался уточнить он, подозревая, что подразумевается неэффективность лечения, оставляющего ее один на один с безжалостной болезнью, равнодушие ко всему привыкшего персонала и то, что он явился здоровым и на ногах в то время, как она беспомощно распластана перед ним на больничной койке.

— Ну, жизнь, вся жизнь несправедлива! Понимаешь? — почти выкрикнула она в ответ, в маленькой тесной палате на четыре места в этот момент никого, кроме них, по-прежнему не находилось.

— Поцелуй меня...— неожиданно попросила эта столь быстро постаревшая женщина с жутко знакомым темным лицом под аккуратно уложенными назад седыми волосами. И тут же жалобно, почти шепотом добавила: — ...Пожалуйста...

Не раздумывая, он послушно наклонился и осторожно тронул губами напоминающую пергамент дряблую щеку.

— Не так! — требовательно выдохнула она с прежним пылом, явственно обдавая запахом ацетона изо рта.

На этот раз, преодолев внезапную брезгливость, Анатолий резко приложился к тут же ответившим сухим губам, и она с неожиданной силой обвила его руками, прижалась плоской грудью, выгнувшись в кровати. Ничего он не чувствовал к ней, кроме жалости, смешанной с отвращением к такому необъяснимому постарению. Это просто лекарство, акт милосердия со стороны врача, опять же — клятва Гиппократа, мать его! Тут же мысленно заверил он себя.

Наташа попросила достать сигарету.

— Тебе же нельзя! — возмутился Толик и напомнил, что сам не подвержен этой заразе.

— Свои ты не куришь! — невесело усмехнулась она и задушевно уверила: — Мне давно все можно... Ну, раздобудь, хоть парочку, чего тебе стоит, а?

Он прошелся до мужского туалета и нашел у больных сигареты попримичнее. Зажигалка у Наташи наверняка имелась своя.

Анатолий присел возле нее на стул, втиснутый между двух кроватей, не зная, что еще сказать обреченной пациентке, и уже собирался было уйти, как она привстала и несмело коснулась его руки своими тонкими леденящими пальцами.

— Можно тебя еще попросить?

— Давай, попробуй,— великодушно согласился он, боясь показаться невежливым.

— Знаешь, я хочу исповедаться...

«Я-то тут причем?!» — чуть не возмутился он, не задумываясь над словами Наташи.

— Моя тетя обещала привести батюшку. Только вот, боюсь, не разрешат... Договоришься с заведующей, чтобы не возражала?

Для него проще всего было бы сослаться на то, что это дело лечащего доктора, он же не имеет никакого отношения ни к палате, ни к ее лечению, так, сбоку припека, интерн на птичьих правах, далеко не самостоятельный врач. Но она надеялась именно на НЕГО!

Только теперь он заметил в глубоком вырезе больничной рубашки маленький серебряный крестик «СПАСИ И СОХРАНИ» на шелковом шнурке, ниже и по центру

от полоски лейкопластыря, перехлестнувшей под остро выпиравшей ключицей пластиковую трубку катетера с резиновой заглушкой. Почему бы не позволить Наташе, если она того хочет, если уверена, что это ей необходимо. Кто может знать, сколько ей отпущено? При любом раскладе недолго... В конце концов, можно посчитать такое психотерапией, лекарством, если не исцеляющим, то способным хоть немного облегчить ей состояние. Хуже точно не будет.

Только вряд ли упертая коммунистка пенсионного возраста, заведующая здешней кардиологией, даст добро на визит священнослужителя. А ну, как узнает тутошний секретарь парторганизации? Еще, не дай бог, не получит очередную грамоту за доблестный труд! Впрочем, какое она имеет право препятствовать, возможно, последнему желанию безнадежной пациентки, которой сама ничем не может помочь?

— Не надо никому ничего говорить, мало ли что ей в голову взбредет! Пусть твоя тетя приводит, только после четырех, когда все врачи разойдутся.

Он высказался и почувствовал облегчение, хоть одной проблемой меньше.

— Ты завтра заглянешь? — робко спросила Наталья напоследок, когда в палату начали возвращаться соседки.

Озадаченный посетитель только согласно кивнул, неужели, к ней никто, совсем никто не ходит? Как же так вышло, что он вдруг самым странным образом оказался для нее наиболее близким человеком? Что за чудеса! Уже потом узнал от лечащего врача, что после смерти родителей из Наташиной родни осталась только преклонного возраста тетка, которая не могла часто навещать племянницу.

Следующим утром на общей с кафедральными сотрудниками пятиминутке дежурный врач доложил, как у больной с запущенной пентадой Фалло вечером внезапно развился молниеносный отек легких. Ее даже не успели перевести в палату интенсивной терапии, чтобы оказать помощь в полном объеме.

Наташа не дожила месяца до собственного тридцатилетия. И мамина сестра так и не успела привести для ее успокоения обещанного батюшку...

Необычный случай Натальи, точнее, болезнь и смерть молодой по возрасту женщины, сделались основной темой в ординаторской, а также для пары клинических и одной патологоанатомической конференций. Обсуждали подробно, особенно поразительно скорое постарение больной. Оказывается, еще в прошлые поступления она сообщила о прекращении менструаций, а гинеколог вместо ожидаемой при таких жалобах беременности обнаружил у пациентки ранний климакс. Высказывались и о вероятности прогерии. Но, при отсутствии генетических исследований, осталось только гадать, действительно ли редкий генетический дефект имел место у несчастной или быстро прогрессирующее постарение объяснялось недостаточностью кровоснабжения всех органов и желез при тяжелом пороке сердца.

Впрочем, выяснение причин могло интересовать в основном кафедральных работников. Анатолий же не видел в том особого смысла. Для умершей это точно уже не имело никакого значения.

Девушка предчувствовала скорый конец и потому изо всех сил старалась жить полной, по ее представлениям и возможностям, жизнью, изо всех сил пытаясь приспособиться к ее необычной быстротечности. Разве можно за то осуждать, кидать в нее камни, тем более, о покойных принято говорить только хорошее или вообще ничего... Анатолий не мог представить, чтобы за отпущенный ей краткий век она могла принести вред кому-то или совершить подлость по отношению к другим.

*Тили-тили-тили-ти,
красные сапожки...*

Все оказалось предопределено за Наташу с момента появления на свет и даже раньше. Сначала неблагоприятные обстоятельства и далеко не лучшая наследствен-

ность. Затем невнимание медиков без опыта и достаточных знаний. Родители сами решили, как будет лучше то ли для дочери, то ли для себя, разумеется, желая ей только блага. В результате девочке досталось только то, что досталось, намного меньше, чем другим, всего лишь недолгая жизнь, лишенная здоровья. Но зато ее собственная! И она прожила ее, как сумела.

Об этом размышлял доктор Анатолий Иванович, недавно принятый штатным ординатором отделения кардиологии, солнечным воскресным утром неторопливо гуляя с маленьким сынишкой по аллеям парка. Конечно, для его сына, в отличие от Наташи, все складывалось неплохо с самого рождения. Ничем серьезным пока не болел — тьфу, тьфу! Развивается по возрасту нормально, вниманием родителей, дедушек и бабушек не обделен, в общем, ни в чем не нуждается. Только живи и подрастай себе и близким на радость... Но как быть уверенным, что судьба не уготовила где-то впереди неведомую пока, могущую вмиг все перечеркнуть, каверзу? Знать бы заранее, каким он вырастет! Человек лишь предполагает...

«Гадство! Как все несправедливо...» — Анатолий не мог забыть последний вскрик души обойденной счастьем Натальи. Хотелось надеяться, что к нему и его близким это никак не относится, но будущее сына теперь зависело и от него тоже.

Владислава Васильева
(г. Узловая, Тульская область)

ПОКА ИДЕТ СНЕГ

Наш постоянный автор.

Сегодня Петя опять засиделся в гостях у подруги Аньки из соседнего дома. Анька жила с бабушкой и Петя часто к ним ходил. Особенно последний год, когда мама начала жить с Валерой. Вообще-то полагалось говорить «бабушкой Валерой», но Петя называть его домашним словом «бабушка» не хотел. Дома он его никак не называл, вообще к нему не обращался, а про себя — Валера, или просто — «этот».

К вечеру пошел снег большими хлопьями. Петя с Анькой стояли у окна, спрятавшись за занавеской, и смотрели на густо летящий, искрящийся пух. Глаза Аньки расширились, расширились от восторга, а потом она повернулась к Пете:

— Ты знаешь что? — горячо зашептала она, — в такую погоду по улицам святой Николай ходит.

Петя улыбался. Сейчас будет очередная волшебная история, Анька мастер на такие штуки.

— Он ходит по улицам, пока снег идет, и дарит детям подарки. И надо брать. Даже если это старая рукавица. Этот подарок принесет счастье. Никто не знает как, но принесет! Говорят, одной девочке подарил, знаешь что?

— Что? — счастливо улыбаясь, спросил Петя. Он любовался своей подругой, Анька делалась прямо красавицей, когда сочиняла свои истории. И в такие моменты сама в них верила.

В кармане звякнул мобильник. У Пети сразу испортилось настроение — мама. Домой пора. Он не хотел идти. Но разве есть варианты?

Застегивая на ходу куртку и жалея, что выскочил из дома без перчаток, он бежал домой по первому снегу. Лицо сразу сделалось мокрым и замерзло от облепившего его снега, но воздух был свежим, ночным, чистым. Жаль, что идти так не далеко.

— Эй, пацан! — послышалось из подворотни. Петя вздрогнул. Он не был трусливым мальчиком, но опасность разговоров с незнакомцами понимал. Из снежной кутерьмы нарисовался старичок. Неопрятного такого вида, с бороденкой, и тоже в не застегнутой куртке. Петя отступил немного, прикидывая уже, как убежать.

— Пацан... Да стой ты! Ты это... подарить хочу кое-что. На вот, — и он полез за пазуху.

Петя отступил еще на шаг, но не убежал. Прикинул, что еще успеет. Да и не догонит его старичок.

А старичок вытащил из-за пазухи что-то маленькое и отчаянно пищущее.

— Вот, — сказал он, — трехцветная. Они счастье приносят.

Петя знал про незнакомцев, обещающих детям котеночка, но как загипнотизированный, глядя на белую бороду старичка, протянул руку.

Дома ссорились мама с Валерой. Чем-то мама опять «этому» не угодила, Петя никак не мог понять — чем. Он знал только, что год назад, когда Валера только поя-

вился, мама была очень счастлива, да и сам Петя тоже. Валера дарил маме цветы, а Пете дарил билеты в кино. А потом как-то незаметно выяснилось, что Валеру все раздражает и они с мамой не соответствуют каким-то Валериным понятиям о достойных людях. А надо стараться соответствовать. Мама очень старалась и Петя поначалу старался. Вот, например, раньше они с мамой очень любили валяться на диване, болтать и смеяться. Но Валера, когда это видел, цедил сквозь зубы: «Мамочника растишь!» А мама думала, что, может быть, Валера прав, может быть, она портит Петю женским воспитанием. И они перестали лежать и болтать. При Валере это делать — крику не оберешься. А без него сразу получалось, будто они что-то воруют. И они перестали.

Сейчас ссора была сильной. Тогда Петя подумал, что надо всех отвлечь.

— Вот, — сказал он, вынимая котенка из-за пазухи, — трехцветные счастье приносят!

Валера взвыл. Он вдруг стал выкрикивать такие слова в лицо Пете, что мама с Петей остолбенели. А потом с криком: «Вот и выбирай!» — Валера повернулся к маме.

На беду трехцветного «счастья», мама не успела быстро заверить Валеру в своей безусловной любви. Тогда взбешенный Валера вдруг кинулся к окну, распахнул его и выкинул пищащий комок прямо в снежную кутерьму. И не успел Петя опомниться, как Валера дрожащими от злости руками схватил большую сумку, всегда стоящую наготове у дивана, кинул туда свои шлепанцы и спортивный костюм, выкрикнув напоследок что-то вроде «А зубную щетку можешь подарить своему мамочнику», выскочил за дверь.

Мама побледнела, она повернулась к Пете, хотела что-то сказать, но только рукой махнула и тоже кинулась на улицу.

Петя постоял. Потом прошел в комнату, включил телевизор и сел на диван. Он старался не думать о том, что он натворил. Что-то ужасное. Котенок, наверное, замерзает сейчас в сугробе. Мама несчастна. А все он... Зачем он вообще взял котенка у старичка? Тот мог бы подарить котенка другому ребенку, и котенок был бы счастлив...

Щелкнул замок входной двери.

— Петечка! — послышался тихий мамин голос. Она его уже год так не называла. Петя выскочил в коридор.

Мама стояла бледная, прижимая к груди торт. А за пазухой у нее вдруг что-то тихо пискнуло.

Этим вечером мама с Петей праздновали уход Валеры. Они ели торт, валялись на диване, болтали, а потом так и уснули в обнимку. На груди у Пети спал свернувшийся в клубок, разомлевший от тепла трехцветный котенок. А снег все шел и шел, и прекратился только к утру.

Александр Ралот
(г. Краснодар)

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

Александр Петренко, псевдоним — Александр Ралот, краснодарский прозаик, публицист и краевед. Автор многих книг. Публиковался в различных периодических изданиях. Член Союза писателей России. Победитель литературных конкурсов. Лауреат литературной премии имени Олега Бишарева. Награжден литературными медалями.

«Где раз поднят русский флаг, там он опускаться не должен»

Николай Первый

Июнь 1844 года. Великобритания. Замок Виндзор

Правитель российской империи, пребывая с официальным визитом в этой стране, чувствовал себя превосходно. Еще бы, ведь его армия и флот в последнее время одерживала одну победу за другой.

— Уважаемые господа! — обратился он к лорду Эбердину и премьер-министру Роберту Пилею. — Вам не хуже моего известно, нынче «Турция — «больной человек». Говоря откровенно, я вам прямо заявляю, что если Англия думает в близком будущем водвориться в Константинополе, то я этого не позволю».*

Декабрь 1851г. Санкт-Петербург. Зимний дворец

Император был не в духе. Подавление венгерского восстания в позапрошлом году, нынешний Государственный переворот в одной из ведущих стран Европы настроения не поднимали.

— Карл Васильевич! — обратился он к министру иностранных дел Нессельроде. — Доложите толком, что там у французов происходит?

Чиновник был готов к этому вопросу. Он открыл принесенную папку и стал читать.

— Луи-Наполеон Третий возглавил государственный переворот. Нарушил присягу, которую давал на верность конституции. Распустил Законодательное собрание и арестовал республиканское руководство.

— Сам хранитель общественного порядка, не желает довольствоваться данной ему властью? — бесцеремонно перебил министра государь. — По всему видать, желает сам стать монархом «божьей милостью»? Срочно сообщите нашему послу Киселеву, чтобы тот как можно деликатнее отговорил Луи-Наполеона от этого.

* Дипломатия с древних веков до 1872 . Том 1. « Переговоры Николая I с Англией по вопросу о разделе Турции».

Некоторое время спустя самодержец понял, что посол со своей задачей не справился, да к тому же австрийский министр Буоль писал: «Признать Луи-Наполеона императором, увы, придется. Однако следует дать понять ему: монархи других великих государств не считают его равным себе, ибо новоиспеченный французский король не наследственный, так как актами Венского конгресса далекого 1815 года династия Бонапартов была исключена из престолонаследия!»

— Я так понимаю, что нам придется отправлять «императору Луи-Наполеону» аккредитивные грамоты и поздравительное письмо?

Министр кивнул.

— Тогда соблаговолите начать послание следующими словами: «Государь и добрый друг». И ни в коем случае «Государь и дорогой брат». Мы, «божьей милостью» правители, обязаны показать: узурпатор никакой нам не брат!

* * *

Через несколько дней из Парижа от Кисилева поступило сообщение: «Австрия и Пруссия во изменение достигнутых договоренностей обратились к Наполеону Третьему со словами: «Дорогой брат». А Российская империя обрела сильного врага, войска которого располагали средствами ведения войны, изготовленными по самым передовыми технологиям того времени.

Гавайские острова. Гонолулу. Резиденция короля Камамеа Третьего

— Дорогой посол! Вы же прекрасно знаете, как я отношусь к вашей великой стране. Не скрою, мне и моим подданным было бы легче жить, если бы над нашими островами гордо реял флаг Российской империи, но, увы. Тем не менее, я пригласил вас, — король выдержал театральную паузу, — чтобы сообщить весьма конфиденциальную информацию. Англия и Франция ведут усиленную подготовку к военным действиям против России. Мне неизвестно, когда именно они начнутся, но что война будет, не подлежит сомнению.

Спустя некоторое время послание на американском китобойном судне отправилось в далекий путь. В Россию. В министерство Карла Васильевича Нессельроде.

Перу. Порт Кальяо

Трехмачтовый фрегат «Аврора», ведомый капитан-лейтенантом Изыльметьевым, изрядно потрепанный штормами, добрался до тихой гавани порта. Измученная команда, передохнув, принялась за прием на борт провизии и пресной воды. Однако стоящие на рейде английский и французский фрегаты под адмиральскими флагами вызвали обоснованную тревогу.

Капитан «Авроры», как и полагается, отправился наносить нежелательные, но положенные по морским законам визиты вежливости. Английский контр-адмирал Прайс на фрегате принял его холодно. Даже не скрывал своей неприязни к русскому офицеру. На французском корабле Изыльметьева встретили любезно.

Российская империя уже больше месяца воевала с Турцией. Великобритания и Франция считались союзниками Оттоманской порты.

Прайс убеждал своего французского коллегу немедленно захватить русский корабль. Тот упорствовал:

— Не имею права на какие-либо военные действия до тех пор, пока не получу официального уведомления о том, что моя страна находится в состоянии войны с Россией.

Ранним апрельским утром, воспользовавшись низовым туманом, при полном

штиле, обмотав гребные весла тряпками и парусиной, «Аврора» покинула Кальяю, прошмыгнув между спящими жерлами пушек вражеских кораблей.

Две недели спустя капитал парохода «Вираго», прибыв в порт, передал союзникам официальное известие, датированное 28 марта: «Великобритания и Франция объявляют войну Российской империи!»

Немедленная погоня за исчезнувшим фрегатом успехом не увенчалась. Русский корабль растворился на тихоокеанских просторах.

* * *

«Аврора» следовала на Камчатку. Люди поголовно болели цингой. В морских пучинах обрели покой тринадцать умерших матросов. Хворал и командир. За два месяца без заходов в порты корабль, преодолев девять тысяч миль, пришвартовался в Авачинской бухте Петропавловска. По принятому кодексу спускать и поднимать паруса необходимо одновременно. Но матросов, оставшихся в строю, и способных исполнить команду на «Авроре» так мало, что они выполнили ее поочередно, на каждой мачте.

Кое-как поднявшись с койки, Изыльметьев отправил полуживых людей в городской лазарет, сам же намеревался исполнить приказ: «Следовать на соединение с флотилией Евфимия Путятина!»

Штаб военного губернатора и командира Петропавловского порта на Камчатке Василия Степановича Завойко

— К огромному сожалению, я должен ознакомить вас с этим, — хозяин кабинета протянул командиру «Авроры» сообщение, полученное от американского консула.

— «Российской империей объявлена война Великобритании и Франции».

Глаза Изыльметьева слезились, руки дрожали, но он продолжать читать:

— «Из Англии, в Тихий океан вышел пароход, чтобы сформировать эскадру для блокады российских портов»

Завойко посмотрел на капитана.

— «Авроре» надобно оставаться здесь и быть в совершенной готовности! Отразить нападение неприятельских судов! Без ваших молодцов, а главное без корабельных пушек, нам порт и город не удержать! Я надеюсь, это не будет расценено вами как нарушения приказа, полученного еще до объявления войны.

Капитан поднялся, пошатываясь, подошел к окну. Глядел на свою «Аврору», на покосившиеся избенки горожан. Сейчас ему предстояло принять непростое решение. Ни разу в жизни он не нарушал приказа! Молчал. Размышлял. Взвешивал. Наконец он повернулся к Василию Степановичу. Тихо молвил:

— Мы остаемся здесь. Будем биться. А в случае неудачи фрегат взорвем.

— К нам на подмогу следует транспорт «Двина». Очень надеюсь, что он успеет добраться сюда раньше неприятеля.— Завойко отыскал на столе нужную бумагу.— На нем триста пятьдесят солдат, офицеры и главное — инженер-поручик Мравинский. С его помощью мы укрепим наши портовые сооружения. Боюсь одного. Корабль снаряжали в большой спешке. Солдаты, рекруты — из ближайших сел. Не обученные. Да и запасов еды на весь переход для такого количества понадобится не мало. Как бы голода у них там не приключилось. Не приведи господь! Фельдшера докладывают, что ваших матросов, не сразу, но все же на ноги поставят. Людей катастрофически не хватает. Дорогой мой капитан, — при этих словах Василий Степанович обнял Изыльметьева, — топить корабль мы не станем. Поглядите сюда.

Он подвел гостя к большой карте.

— Ваша «Аврора» расположится здесь и не позволит врагу ворваться в бухту. Пролив между оконечностью Кошки и мысом Сигнальным перекроем цепным боном.

Иван Николаевич задумался, затем молвил:

— Если рядом со мной станет еще и «Двина», то завоевателям по воде в город не войти! Далее предлагаю следующее. Орудия с левого борта «Авроры» снять! Разместить их на берегу, создав цепь артиллерийских батарей, в самых важных местах.

На том и порешили.

* * *

Петропавловск готовился к обороне. Все его малочисленное население было задействовано в возведении новых оборонительных пунктов. Создали артиллерийские батареи, позволяющие защищать полуостров со всех сторон.

На англо-французской эскадре об этом известно не было. Командование противника предвкушало скорую викторию. А посему не особо спешило к театру военных действий.

Английские войска не так давно одержали легкую победу над многочисленной армией Китая в первой «Опиумной войне». Это вселяло в них уверенность, что на разгром русского гарнизона потребуются даже не дни, а часы. И вообще Петропавловск элементарно сдастся на милость победителя при первых залпах корабельных пушек. В таком случае можно будет обойтись без высадки хорошо экипированного десанта.

* * *

Василий Степанович примчался домой. Ему предстояло решить еще одну, очень непростую задачу. Уговорить любимую супругу Юлию безотлагательно покинуть город.

— Пойми, дорогая, это не учения. Грядет самая настоящая война. Жестокая, беспощадная. А по сему, не как твой муж, а как командующий обороной, приказываю собрать всех наших девятерых детей и еще даму Гугореву с ее потомством, количеством шесть человек, и отбыть на хутор, вглубь полуострова. Это в двадцати верстах от селения Авачинск. Там будете жить в деревянных домиках. Все лучше, чем под открытым небом. Поспешайте! Более уделять внимание я вам сейчас не могу. Служба!

Петропавловск. Штаб обороны

— Дозвольте обратиться!

Перед Завойко вырос здоровенный детина, несший службу на одном из дальних маяков. И, не дожидаясь разрешения, выпалил:

— Дозорные углядели на горизонте эскадру. Вражеску! Вот туточки все изложено. Читайте сами, ибо я грамоте не обучен. Мне велено только без промедления доставить!

Командующий развернул мятую бумагу. «Фрегат «Президент» имеет пятьдесят две пушки. Фрегат «Пайк», насчитали 44 орудия, и еще пароход, и еще фрегат «Форт», и еще бриг «Облигадо» — примерно восемнадцать пушек».

— Да вы не волнуйтесь,— отвлек его посыльный.— В океане шторм начинается. Шибко быстро не придут! Заботься. Мы же маяк загасим. Так что без разведки, оно никак. А вы уж, того, не сплошайте. Разведчика-то изловите. Или сразу на дно, гадюку таку. Чтобы, значит, не повадно було...

* * *

Не испытывая никаких мук совести, англичане подняли на пароходе «Вираго» нейтральный флаг Соединенных Штатов Америки. Под ним корабль и вошел в Авачинскую бухту.

Заметив это, обороняющиеся выслали бот.

Командир парохода решил встречи избежать и приказал немедленно ретироваться. Тем не менее разведчики смогли разглядеть береговые батареи, о чем и доложили.

Легкая виктория, на которую так надеялись союзники, не проглядывалась.

* * *

Командующий эскадрой Прайс собрал военный совет с целью выработать диспозицию. Первое. Уничтожить огнем всех кораблей береговые батареи. Второе. Следовать в гавань, подавляя при этом сопротивление российских орудий на «Авроре» и «Двине». По завершении артобстрела высадить десант. Третье. Захватить город.

* * *

— Не понимаю, о чем семафорит этот умалишенный с английского фрегата? Какая еще смерть? Чума, что ли, обнаружилась? Кто там у них преставился? Ох, уж мне эти союзнички! Сами воевать не хотят, а ищут повод нас вперед себя под русские ядра подставить! Так это первейшее дело!

Вахтенный офицер французского корабля записал полученное сообщение и приказал матросу:

— Срочно неси это в каюту контр-адмирала де Пуанта!

Тот переминался с ноги на ногу, не решаясь исполнить приказ.

— Ну, чего стоишь, как соляной столб? Живо к командующему!

Матрос открыл рот, чтобы возразить, но передумал, надеясь, что полученная информация не станет причиной начальствующего гнева. И обязательной в таких случаях зуботычины удастся избежать.

* * *

В бортовом журнале флагманского фрегата «Президент» появилась удивительная запись: «В 12 часов 15 минут пополудни контр-адмирал Прайс был поражен пулей от своей собственной руки».

Командование эскадрой перешло к французскому контр-адмиралу Фебрие де Пуанту. Тот приказал ничего существенно не менять в принятой диспозиции.

Необъяснимая и загадочная смерть высшего офицера лишь ненадолго отложила наступление. Вражеские корабли приблизились к полуострову на расстояние пушечного выстрела.

Ближайшая батарея открывает по ним огонь. Эскадра отворачивает и попадает под ядра «Авроры» и «Двины». Неприятель отступил.

По дороге взяли в плен русский бот, груженный четырьмя тысячами кирпичей, и шестивесельный баркас. На нем гарнизонный квартирмейстер Усов, его жена и дети возвращались в город. Им ничего не было известно о начале войны, а по сему люди приняли вражеские корабли за эскадру русского адмирала Путятина.

* * *

Вечером в городе предполагалось дать любительский спектакль «Ревизор». На каждую роль назначили по два исполнителя, на тот случай, ежели в дневном бою какого-либо убьют или ранят.

Завойко уверял, что подобные мероприятия отвлекают народ от ужасов военных баталий. Спектакль, увы, не состоялся. Горожане уже жили войной. Каждый, без всякого принуждения, спешил на помощь солдатам и матросам.

* * *

Василий Степанович слушал доклад стоящего на вытяжку офицера и мрачнел с каждым словом.

— Численный состав девятьсот двадцать шесть человек, включая команду по тушению пожаров.

— Из них обученных военному делу не более половины наберется,— буркнул командующий.— Продолжайте.

— Орудий всего: шестьдесят восемь. По тридцать семь выстрелов на каждый.

* * *

Англичане совместно с пушками французского «Форта» вели одновременный огонь по русским кораблям и береговым батареям. Вражеский фрегат «Евридика» и бриг «Облигадо», подняв жерла пушек, пытались перекидным огнем, через Никольскую сопку, попасть в «Аврору» и «Двину».

* * *

Губернатор примчался к театру военных действий. Береговые орудия вели неравную дуэль с пушками левых бортов аж трех вражеских кораблей. Пушки соседних батарей умолкали одна за другой. Прибежавший оттуда солдатик жадно пил воду и докладывал.

Ваше благ...дь, там это. Лейтенанта Гаврилова прям в голову и ногу. А он того, от пушки не отходит. И в лазарет ехать отказывается! А как же из них палить-то можно, коли они уже землицей засыпаны так, что и колес не видать! Станки, все как один, перебиты!

По дороге в город Завойко встретил группу измученных людей.

— Мичман Попов, командир батареи номер четыре! — приложив руку к простреленному головному убору, доложил почерневший от гари офицер.

— Орудия закрепил и ушел. Ядра забрал. Оставаться на месте не вижу смысла. Диспозиция батареи противнику известна. Да и отвечать на его огонь не...

— Знаю,— перебил командующий.— Поспешите на соединение с первой, стрелковой.

* * *

Губернатор провожал супругу с детьми и горожанок с малолетками в дорогу.

— Пойдете пешком. Двенадцать верст. Пути сильно разгязнило прошедшими дождями. Видно, бог испытывает всех нас на крепость веры. Но телег я вам дать не могу. Они нужны здесь для подвоза ядер и пороха.

— Папенька! — старший сын Жора орал во все горло, требуя, чтобы его оставили рядом с отцом. И категорически отказывался уезжать в эвакуацию.

— Друг мой.— обратился Завойко к отроку.— Долг повелевает мне умереть за твою и мою Родину. А тебе, как старшему, надобно быть сейчас подле матери. Заботится о ней и о младших братьях и сестрах. Заступи в семье на мое место!

* * *

Де Пуант был вне себя от ярости.

— Батарея номер два до сих пор огрызается! А хваленый навесной, или как вы его называете «перекидной», только сильно поубавил запас дорогостоящих ядер! Не нанеся противнику сколько-нибудь ощутимого вреда. Можете полюбоваться! — Адмирал протянул подзорную трубу стоящему рядом офицеру.— Целехонькие. Приказываю спустить на воду гребные суда! Обрушить на этот проклятый полуостров наш десант! Я надеюсь, что шестьсот молодцов в состоянии уничтожить горстку пьяных русских вояк?

* * *

Одинокая батарея, как могла, сопротивлялась! Палила по приближающимся лодкам. Но силы были слишком неравны. И спустя некоторое время французские десантники, перекрикивая друг друга, подняли над редутами свой флаг.

И тут же попали под жесточайший артиллерийский огонь. По ним палили не русские. Их убивали «дружеским огнем» союзники, англичане.

Бомба, выпущенная с парохода, попала в центр только что захваченной батареи. Началась паника. Дополнили уничтожение десанта ядра с «Авроры» и «Двины».

В контратаку пошли все, кто мог. Это были матросы с кораблей и добровольцы из городских отрядов. Сто тридцать человек шли в беспощадную штыковую! И заставили хваленых десантников без боя убираться с родной земли!

Французы неслись к спасительному морю. Спускались по крутому обрыву. Многие падали вниз, что сеяло еще большую панику.

Мичман Николай Фесун, с «Авроры», позже рассказывал: «Неприятель отступал бегом и с такою быстротою, что, прежде чем мы подоспели к занятой им батарее, он уже был в шлюпках и вне выстрела, так что, несмотря на самое пламенное желание, в этот раз не удалось его попотчевать даже ружейными выстрелами».

Меж тем пушечная дуэль продолжалась до самого вечера. Пальба смолкла лишь с наступлением темноты. Обороняющиеся выдержали непрерывный огонь восьми десятков орудий. И выстояли, не сдались, флаг не спустили! Чуток передохнули и начали готовиться к новому сражению.

* * *

На берегу русские и камчадалы собирали оружие. Отыскали офицерские сабли и испачканное в грязи знамя морской пехоты.

* * *

Завойко отбыл на «Аврору». Уверял, что русские моряки в любой схватке сумеют постоять за Родину.

— Умрем, а не сдадимся! — раздалось разом со всех сторон.

* * *

После двухдневного затишья корабли неприятеля снялись с якорей и ушли в океан.

Юлия не выдержала. Побегала в город. Медведей и прочего зверья не боялась. Грохот орудий вынудил хищников забраться в лесные чащобы. И держаться как можно дальше от диких существ, нещадно истребляющих себе подобных.

Мужа увидела издалека. Растолкав окружающих его людей, ни сколько не стесняясь, бросилась на шею. Пару минут спустя Завойко, деликатно опустив жену на землю, оглянулся. Вокруг никого не было. Горожане молча ушли, дабы не мешать проявлению простой человеческой любви.

* * *

Флаг с девизом «По морю, по суше» единогласно доверили вести в столицу Максудову, как наиболее достойному.

Санкт-Петербург

Николай Первый уже более получаса слушал посланца, внимательно рассматривая доставленный флаг. Наконец произнес:

— Капитан-лейтенант, спасибо! Вы свободны. Соблаговолите сей ценный трофей передать в военную коллегию. Там знающие люди определят для полотнища подходящее место.

— Но, я всего лишь...
— Молодой человек! Вашему императору лучше знать, какого воинского звания вы нынче достойны! Ступайте. И не забудьте получить свои новые эполеты!

Петропавловск. Кабинет губернатора

— Господа. Надеюсь никого из вас убеждать не надо в том, что враги, как только позволит погода, обязательно вернутся! И тогда нам уже не выстоять.— Завойко стукнул кулаком по большой карте полуострова.

— Но ведь подмоги ждать неоткуда. Зима лютая. Ни по морю, ни по суше к нам никак! Неужто на милость врагу? — горячился один из присутствующих.

— Как командующий гарнизоном приказываю! Незамедлительно приступить к эвакуации порта! Все дома раскатать по бревнышку. Наиболее ценное, двери, оконные рамы, упрятать подальше в надежные места.

— А как быть с кораблями? «Аврора» и «Двина» ведь зимуют во льдах. Их же по бревнышку не раскатаешь...

— Ранней весной, когда лед маленько подтает, начнем вручную рубить во льду фарватер, по которому они уйдут в открытое море. Жители и казаки должны к этому времени подготовить для жилья бараки и землянки. Подальше от возможного театра военных действий. Задача трудная, однако не страшнее той, которую мы уже успешно порешили прошлым летом и осенью.

* * *

Вскоре вблизи Авачинской бухты появилась еще более мощная, чем прежде, эскадра. Об этом немедля сообщили оставшиеся наблюдатели.

Враг из всех орудий расстрелял покинутый город. Взяли в плен несколько человек. И отправились на поиски исчезнувших русских кораблей. Безрезультатно.

* * *

Союзники не знали главного секрета! Они считали, что Сахалин — это полуостров, а посему не существует пролива, отделяющего его от материка! Бросили якоря возле входа в Татарский пролив и стали дожидаться, когда русские корабли с истощенным от голода экипажем выйдут из западни. Для неравного боя. Тщетно!

8 июня 1855 года, палуба корабля «Тринкомале»

— Поднять парламентарский флаг. Будем обмениваться пленными. Устал я гоняться за этими русскими и обстреливать их пустые города,— буркнул командующий флотом в Тихом океане британский адмирал Брюс и отправился в каюту облачаться в парадный мундир.

— Трех русских на одного англичанина и одного француза, плененных в прошлогодней компании. И из-за этого я проплыл полмира! Израсходовал тонны боеприпасов!

Санкт-Петербург. Дворец российского императора

— Чего там просит губернатор? Предлагает учредить медаль «За защиту Петропавловска», по аналогии с медалью «За защиту Севастополя». Да как он посмел сравнивать масштабы? Отпишите! В этом прошении — ОТКАЗАТЬ!

Самодержец поднялся с места и подошел к окну. Внизу, на площади, сновали кареты и планировал разодетый столичный бомонд...